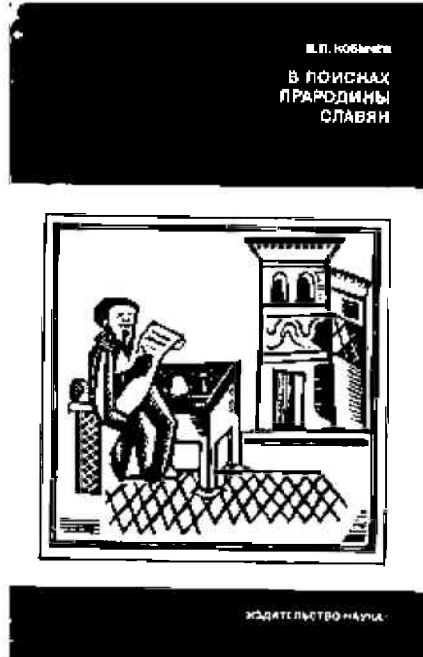

Вениамин Павлович Кобычев

В поисках прародины славян

Проблема происхождения славян одна из сложнейших в отечественной историографии. Наиболее старая теория, основывавшаяся на летописном предании, выводила славян с берегов былинного Дуная.

В дальнейшем славянскую прародину стали искать в гораздо более северных широтах. При этом одни ученые полагают, что территория, на которой славяне сформировались в особую этническую общность, находилась в Среднем Поднепровье и Поприпятье, а другие считают таковой междуречье Вислы и Одера.

В предлагаемой вниманию читателя книге кандидат исторических наук В. П. Кобычев излагает все указанные точки зрения по вопросу славянского этногенеза и, опираясь на новейшие открытия в лингвистике, археологии и других смежных исторических науках, вновь возвращается к предположению о том, что Дунай и Карпаты были изначальной прародиной славян.

Ответственный редактор доктор исторических наук В. Д. КОРОЛЮК

К 0161-0494 3-72НПЛ
042(02)-72

Издательство «Наука», 1973 г.

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор Н. В. Шевелева Художественный редактор В. Н. Тикунов
Технический редактор А. П. Гусева

Сдано в набор 2/1V 1973 г. Подписано к печати 10/VIII 1973 г. Формат 84x1087зг. Бумага № 2. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 25.000. Т-11739. Тип. зак. 221. Цена 30 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., дом 21

1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о происхождении славян - один из ключевых в истории народов Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе в истории русских, украинцев и белорусов. Им живо интересовался уже составитель начальной русской летописи, помещавший прародину славян на верхнем и среднем Дунае. С годами учеными разных стран и специальностей - историками, археологами, лингвистами, антропологами, этнографами - был собран огромный материал, ими было высказано множество различных гипотез, но тем не менее проблема в целом и по сей день остается почти столь же далекой от своего окончательного решения, как и девять веков назад.

Основная причина этого - отсутствие сколько-нибудь полноценных письменных источников о славянах до середины VI в. н. э. Оставляет желать лучшего и само их состояние. В настоящее время имеются по существу лишь две специальные работы, в которых собраны сведения о древних славянах и Руси: А. В. Мишулина, содержащая подборку известий о ранних славянах греческих и римских авторов, и А. П. Новосельцева, посвященная восточным источникам. Часть сведений находится в сводных изданиях более широкого профиля, как, например, в известных трудах В. В. Латышева и Н. В. Пигулевской. Что касается большинства более поздних сообщений западноевропейских хроник, то их с большим трудом, теряя немало времени, приходится разыскивать в самых различных зарубежных изданиях. При этом многие из них остаются зачастую недоступными исследователю по причинам чисто техническим.

Восполнить имеющиеся пробелы в известной мере могла бы археология, сделавшая за последние несколько десятилетий большие успехи как у нас, так и в других славянских странах и накопившая немалый фактический материал. Однако здесь подстерегают трудности иного рода: этническая обезличенность вещевых памятников, неясность причин возникновения и гибели так называемых археологических культур. Кроме того, в археологии начиная с момента ее зарождения вплоть до наших дней преобладают собирательские и аналитические тенденции в ущерб разработке методики исследований. В результате, как признавал в свое время видный чешский археолог Л. Нидерле, «археология в настоящее время не в состоянии разрешить вопрос о происхождении славян.

Действительно, нельзя проследить славянскую культуру от исторической эпохи до тех древних времен, когда формировались славяне» (Л. Нидерле. *Славянские древности*. М., 1956, стр. 26). Прошедшие после опубликования этой работы годы мало что изменили в рассматриваемой области (Ср. у П. Н. Третьякова: «История древних славян в освещении археологических материалов - это область гипотез, обычно недолговечных, постоянно вызывающих многочисленные сомнения» (П. Н. Третьяков. *У истоков древнерусской народности*. Л., 1970, стр. 21)).

Сказанное в полной мере применимо и к этнографическим данным, которые еще ждут своего изучения в этногенетическом плане.

В лингвистике иные сложности - недостаток сводных исследований о взаимоотношениях праславянского языка с другими европейскими языками, на основании которых можно было бы с уверенностью установить местоположение славян в разные периоды их истории.

Наконец, трудности усугубляются еще и тем, что направление научных исследований буржуазных ученых определяется порой различного рода конъюнктурными соображениями политического и националистического порядка, не имеющими ничего общего с подлинной наукой. Так, например, некоторые буржуазные историки, вопреки фактам, изображают славянские народы эдакой инертной массой, неспособной якобы к самостоятельному политическому и культурному развитию. Славянам, которые с первых шагов своего появления на исторической арене неизменно характеризуются источниками как исключительно «многолюдный народ» (Иордан), занимающий «неизмеримые пространства» (Прокопий из Кесарии), подчас отказывают в какой бы то ни было территории первоначального расселения: их загоняют в непроходимые Пинские болота, где, если основываться на новейших гидроклиматических исследованиях, в отдаленном прошлом вообще не могли жить сколько-нибудь значительные коллективы.

Все изложенное выше обусловило тот факт, что в предлагаемой вниманию читателей книге гораздо больше нерешенных вопросов, чем установленных истин. Какие-то из них мы, вероятно, никогда не сможем выяснить с достаточной полнотой ввиду утраты связанных с ними источников, но что-то, без сомнения, со временем станет для нас более ясным. С другой стороны, необходимо отметить, что интересующий нас вопрос относится к числу таких проблем, «развитию которых способствуют не столько усилия, затрачиваемые на их решение, сколько постепенные изменения, происходящие в самой их постановке» (См. В. Д. Королук. *К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев*. - «Советское славяноведение», 1973, № 3). Поэтому в данной работе излагаются не только признанные в настоящее время точки зрения, но и некоторые теории, считающиеся устаревшими или бесперспективными, однако, по мнению автора, заслуживающие того, чтобы еще раз подвергнуть их проверке под углом зрения новых данных и методических построений. Сказанное полностью относится и к основной гипотезе книги о первоначальной прародине славян, которую автор вслед за русским летописцем склонен искать на верхнем и среднем Дунае и в Карпатских горах.

В научно-популярном издании, возможно, на всем этом и не стоило бы заострять внимание, но автор убежден, что науку, как писал А. М. Горький, следует изображать не как склад готовых изобретений и открытий, но как арену борьбы, в ходе которой исследователь шаг за шагом преодолевает сопротивление материалов и традиций.

В заключение хочется выразить глубокую признательность члену-корреспонденту АН СССР О. Н. Трубачеву, докторам наук М. И. Артамонову, Н. И. Толстому, А. Г. Кузьмину, любезно согласившимся ознакомиться с настоящей работой еще в рукописи и высказавшим автору ряд ценных советов и замечаний.

ПАРОЛЬ НАРОДОВ

Однажды какой-то путешественник спросил черногорцев: «Вас так мало, а вы осмеливаетесь вести вооруженную борьбу с могущественной Османской империей?» Черногорцы гордо ответили: «Нет, нас не так уж мало, мы - славяне, и вместе с русскими нас более 100 миллионов!»

Славяне! Кто они такие? Что это за «племя», расселившееся на огромных пространствах Европы и Азии - от лазурной Адриатики до берегов Тихого океана и от знойных степей и пустынь Казахстана и Средней Азии до хмурых вод Балтики и Северного Ледовитого океана?

К обширной семье славянских народов в настоящее время принадлежат русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, словаки, болгары, сербы, хорваты, македонцы и словенцы (*В литературе существует разделение всех славян на три крупные группы: на западных, восточных и южных. В основу этого деления положен языковой принцип. К западным славянам из современных народов относят поляков, чехов, словаков и сербов-лужичан; к восточным - русских, украинцев, белорусов; к южным - хорватов, сербов, болгар, словенцев, македонцев*). В недавнем прошлом существовали еще так называемые полабские и поморские славяне, обитавшие в бассейнах рек Одера и Эльбы и на побережье Балтийского моря, заключенном между этими реками. Однако в XII-XIV вв. эти славяне подпали под власть немецких феодалов и рыцарей Тевтонского ордена и затем были частью истреблены, частью онемечены.

От полабских славян сохранилась только незначительная группа (немногим более 100 тыс.) лужицких сербов (по-немецки сорбов), проживающих в Дрезденском и Котбусском округах Германской Демократической Республики, а от поморских славян - небольшая группа кашубов, которые вошли в состав польской нации.

В раннем средневековье отдельные племена и группы славян были известны в Греции, Малой Азии и даже в Италии, Сицилии, Северной Африке и далекой Испании, куда они попали в эпоху так называемого великого переселения народов и балканских войн. Византийский император Константин VIII Багрянородный называет два славянских племени - мелингов и езеритов, имевших поселения на склонах горы Пентодактиля (современный Тайгет) в Пелопоннесе. В «Истории Византии» Халконсодила говорится, что славяне жили на мысе Тенарон в Лаконии. В

Монемвасийской хронике, составленной в X-XI вв., отмечается, что «только восточная часть Пелопоннеса от Коринфа и до Малей оставалась свободной от славянского племени вследствие гористости и непроходимости (местности)». Во франкских хрониках XIII в. Спартанские горы именуется Славянскими. Славянские племена драгувитов, сагудатов, велегизитов, ваюнитов, верзитов, ринхинов и другие жили в Эпире, Фессалии, Македонии. В источниках середины VIII в. упоминаются славянские княжества на островах греческого архипелага: Имбре, Тенедосе, Самофракии.

В хронике византийского историка Феофана под 664 г. помещено сообщение о славянском поселении Скевокобле в Сирии, в Апамейской области. Феофан, историки Кедрен, Зонара (оба XII в.) рассказывают также, как на третьем году царствования Юстиниана II, в 687 г., было побито и взято в плен множество славян на реке Струме, часть пленных затем поселили в Малой Азии между городами Абидосом на западе, Никеей на востоке и Апамейской областью на юге. Впоследствии из этих славян был образован военный отряд численностью 30 тыс. человек. У Феофана, Никифора (IX в.) и Анастасия (IX в.) встречаются указания на ряд переселений славян в Малую Азию в 754 и 762 гг., в область Вифинию (в бассейн реки Артана). Феофан при этом называет и количество переселившихся - 208 тыс. человек. Военные отряды, сформированные из малоазийских славян, неоднократно упоминаются в описаниях войн византийцев с арабами (их выступление на той или иной стороне часто оказывало решающее влияние на исход отдельных сражений и кампаний). Переселение славян в Малую Азию имело место и в последующие годы. Например, известно переселение сербов в Никомедию в 1122 г.

По сведениям арабского писателя Ибн Хаукаля, в городе Палермо в Сицилии в X в. два из пяти городских кварталов были заселены славянами, о чем свидетельствуют их наименования: Сакалибах (Славянский) и Ибн-Сакалиба (Сын славянина). Они были самыми крупными в Палермо, на их территории находилась и морская гавань города. Полагают, что в Сицилию славяне попали из Северной Африки в первой четверти X в. при следующих обстоятельствах. В 924-925 гг. некий Масуд, славянин, командовавший арабским флотом, приплыл к берегам Сицилии и завладел здесь замком св. Агафьи. В 928-929 гг. из Африки в Сицилию прибыл другой славянин, состоявший на арабской службе, Сареб ал-Сакалаба на 30 судах и тоже обосновался в этих краях. В дальнейшем он вместе с сицилийским эмиром Салем ибн Ассадом на протяжении ряда лет грабил и опустошал итальянские области Калабрию, Сардинию и Геную.

В VIII-X вв. славяне слыли храбрыми моряками и охотно принимались арабами на службу во флоте. В составе арабского флота славяне плавали по всему Средиземному морю, высаживались не только в Сицилии, но и в Италии и на Пиренейском полуострове, как это имело, например, место в 768 и 777 гг., когда арабский флот под командованием Абдалла бен Габиба ал-Сакалаби сделал попытку захватить город Барселону на северо-восточном берегу Испании. В IX-XI вв. в Кордовском халифате из славян набирались телохранители и гвардия халифов. При дворе халифа Абдуррахмана III насчитывалось 3350 (по другим данным 3387) славянских пажей и евнухов, на содержание которых ежедневно

отпускалось 13 тыс. фунтов различного рода дичи и рыбы. Некоторые из славян занимали в иерархии халифата весьма видные посты военачальников и визирей. Славянская гвардия играла важную роль в междоусобной борьбе в халифате накануне его падения, а отдельные предводители из славян добивались даже власти в ряде городов и провинций страны. В том же Кордовском халифате были известны славяне - блестящие знатоки арабского языка и литературы, подобные некоему Фатине, после смерти которого осталось огромное собрание книг и рукописей, или славянину по имени Габиб, жившему в первой половине XI в. и написавшему любопытное сочинение под весьма характерным названием «Ясные и победоносные доказательства против тех, которые отрицают превосходные качества славян». В этом произведении, по словам испанского историка XIX в. Гаянгоса, ссылавшегося в свою очередь на арабского писателя ал-Макари, содержались различные подробности из истории славян в Кордовском халифате и других арабских странах и образцы их народной поэзии.

Арабский писатель Баладзори (Белазури) упоминает о славянах где-то в районе Северного Кавказа, они, по его словам, были захвачены арабским полководцем Мерваном и в количестве 20 тыс. человек (по другой версии - 20 тыс. семей) поселены в Кахите (Кахетии).

Во всех указанных местах (в Малой Азии, Северной Африке, Сицилии, Испании, Северной Италии) славяне впоследствии растворились среди местного населения, и только в Центральной и Восточной Европе, т. е. на основной территории своего расселения, да на Балканах они удержали позиции, потому что здесь славяне были более многочисленными, проживали компактной массой и составляли первоначально единый народ.

Этот последний факт был хорошо известен древнерусскому летописцу, который в начале своего труда счел нужным отметить: «. . . Был один народ славянский» («Бе един язык словенск») (*Здесь и ниже летописный текст дается по «Повести временных лет» (М.-Л., 1950), ссылки на отдельные списки летописей приводятся лишь в особо важных случаях и каждый раз оговариваются*).

В древних польских и чешских хрониках также говорится о славянском единстве.

Сообщения древних летописей в отношении славянского единства подтверждаются и данными современной науки об их языке (*Согласно предположениям ряда лингвистов, общеславянский язык распался 1-1,5 тыс. лет назад (В. Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка. - В сб. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 19, 20), а окончательное разделение восточнославянских языков (русского, украинского, белорусского) произошло где-то между XIV- XVI вв. (А. А. Москаленко. Становление украинского национального языка. - В сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962, стр. 115)*). Например, русским словам, в основе которых встречаются звуко сочетания *oro* - город, огород, корова, в польском соответствуют слова *grodzic* (загораживать), *krowa* (корова) с звуко сочетанием *ro*, а в чешском - *hrad*, *krdva* с звуко сочетанием *ra*; русской корневой частице *pe/ри* в польском соответствует *rze \ rzy* (же, жи): море, гриб - *morze* (може), *grzyb* (гжыб). Русским звукам *дь*, *ть* в польском

соответствуют (за небольшим исключением) звуки *s*, *c* (ць, чь) и *dz* (дзь): тетья - *ciocia* (чѣтя), гость - *gosc*(гошьць), медь - *miedz* (медзь) и т. д.

В истории славяне считаются сравнительно молодым народом. письменные источники упоминают их под собственным именем, начиная лишь с VI в. Впервые имя славян в форме *σхлаβηνος* мы встречаем у Псевдо-Цезариуса около 525 г. (В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*. - «Вестник древней истории», 1948, № 3, стр. 256. Цезариус умер в 368 г. Одновременно с ним о славянах упоминает его современник Евсевий Палестинский (первая половина IV в. н. э.). Но, как полагают исследователи, приписываемые этим авторам сочинения были написаны значительно позднее, скорее всего, в начале V в). Прокопий Кесарийский, писатель середины VI в., сообщает, что с началом царствования византийского императора Юстиниана I гунны славяне и анты ежегодно совершали набеги на Византийскую империю.

Изучая первые известия о славянах, ученые обратили внимание на один весьма любопытный факт: имя славян у раннесредневековых авторов пишется с согласным *k* в первом или во втором слоге: *склавин*, *скловен*, *склав*, *склавус*, *сакалаб*, *сакалиба* и т. п. Долгое время указанное обстоятельство объяснялось особенностями европейских и арабского языков (Добавочный звук *v* в арабском языке, по мнению известного русского арабиста прошлого века А. Я. Гаркави, появился потому, что арабы узнали о славянах впервые через греков-византийцев, от которых усвоили и их произношение (А. Я. Гаркави. *Сказание мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII в. до конца X в.* СПб., 1870, стр. 4). В позднее средневековье и новое время, когда европейские и азиатские народы ближе познакомились со славянами, наименование *склавены-склавины* уступило место у большинства из них наименованию *словене-славины*), для которых сочетания, подобные славянскому *el* в начальной позиции слова, не свойственны и представляются труднопроизносимыми (ср. средневековое латинское название Силезия и славянские *Слеза*, *Сьленск*).

Однако в 30-х годах XX в. в советской исторической науке было высказано предположение о том, что написание *скловен\склавин* (Следует, однако, заметить, что раннесредневековые источники знают и другую форму наименования славян - с вставным звуком *t*, а именно *отлаοβηνοισκλαвиной* (Климент, X в.) и т. п., что убедительно свидетельствует о случайном характере данного фонетического явления и неправомерности построения на его основании каких-либо этимологических сближений. Косвенно об этом свидетельствует название реки Вислы, в котором также содержится группа *el* и которое в раннесредневековых источниках пишется в форме *Вискла*, *Вискула*, *Вистла* и даже *Вистула* (ср. у Плиния: «*Visculus sive Vistla*»)), *сакалаб\лав* является не простым приспособлением исконно славянского термина к артикуляционной базе греческого, латинского и арабского языков, а отражает подлинное произношение этого слова самими славянами в ту эпоху. Иначе говоря, форма на *скло\скла* есть первичная, а все современные ее разновидности вторичны и возникли в результате стремления осмыслить это наименование на основе славянской лексики. Тем самым подспудно признавалось, что этническое самоназвание славян - заимствованное.

Указанную точку зрения впервые в законченном виде сформулировал в середине 30-х годов академик Н. Я. Марр, который полагал, что «племенные названия славян и склав происходят от древнего имени скифов - сколоты» (Н. Я. Марр. *По поводу русского слова сало. Избранные сочинения*, т. 5. Л., 1935, стр. 98, прим. 5)). В последующие годы эта гипотеза, получившая

широкое распространение среди советских ученых, была развита в работах Н. С. Державина, А. Д. Удальцова, С. П. Толстова и др. (ср. у А. Д. Удальцова: «Основное ядро славян составили сколоты, видоизменившиеся в склавин») (А. Д. Удальцов. *Основные вопросы этногенеза славян*. - «Советская этнография», VI-VII, 1947, стр. 5). Она имела хождение в научных кругах до начала 50-х годов, когда так называемое новое учение о языке Н. Я. Марра, исходившее из стадильности развития языков во времени, допускавшее самые невероятные их скрещивания, было раскритиковано и отвергнуто в советской лингвистике. Вместе с тем это отнюдь не сняло с повестки дня вопрос о происхождении и значении этнонима *славяне*, попытки ответить на который предпринимались с давних времен.

В XVII-XIX вв. имя славян связывали со словами *слава*, *слово* и глаголом *слути-слыти*. Так, например, известный чешский славист И. Добровский производил наименование славян от предполагаемой им гипотетической местности *Слави*, подобно тому как наименование полян русская летопись производит от слова *поле*, древлян - от *дерево*, дреговичей - от *дрягва*(болото) и т. д. Действительно, на территории, занятой славянскими народами, встречается целый ряд гидронимов, топонимов, содержащих в основе корень *слов\слав*, как-то: *Слава*, *Славка*, *Славица*, *Неславка*, *Славина*, *Славута*, *Словак* и др. Только на Украине подобных названий известно более десятка. Но, как показывают история литературы и данные лингвистики, они свидетельствуют лишь о проживании славян в указанных местах и ни о чем больше.

На рубеже XIX-XX вв. известный языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ выдвинул иное предположение о происхождении этнонима *славяне* и иное его толкование. По мнению этого исследователя, название *славяне* возникло вначале в среде римлян, захватывавших на восточных границах своего государства множество рабов, вторая половина имени которых оканчивалась на *слав* - *Владислав*, *Судислав*, *Мирослав*, *Ярослав* и т. п. Это окончание римляне превратили в нарицательное название всякого раба вообще (в поздней латыни раб-*sclavus*), а в дальнейшем и народа, поставлявшего большинство этих рабов (И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Славянский язык*. - «Энциклопедический словарь». СПб., 1900, стр. 316). От римлян оно было затем усвоено и самими славянами.

Можно было бы пройти мимо этой теории, если бы она не была впоследствии поднята на щит немецкими учеными-националистами, использовавшими ее для принижения роли культуры и значения славянских народов в истории раннесредневековой Европы. Действительно, термин *раб* в романских языках и слово *словене-славяне* имеют созвучный корень, но нет никаких оснований для утверждения, что второй из этих терминов произошел от первого. Прежде всего оба слова появляются в источниках одновременно; кроме того, полная форма, связываемая исключительно с названием народа, с самого начала упоминается гораздо чаще (и раньше) краткой, с которой только и возможно сопоставление нарицательного названия. Но главная слабость допущения И. А. Бодуэна де Куртенэ состоит в том, что невозможно объяснить, каким образом чуждый, более того, оскорбительный для себя термин восприняли все славянские народы, в частности восточные, которые ни под прямым, ни даже под косвенным владычеством римлян

никогда не находились. И еще одно замечание: сам автор гипотезы исходит из того, что корень слав является исконно славянским («присутствует в именах славян»), следовательно, славянам не было никакой нужды заимствовать это слово у кого-то - оно и без того имело у них самое широкое хождение.

В начале XX в. финский лингвист И. Миккола термин *славяне* сближал с греческим (дорийским) словом (лаос) - «народ» и кельтским *sluagos* из древнеирландского *sluag* (слуаг) «община», считая, что первоначально наименование славяне-словене означало «люди одного племени, сородичи». Эту точку зрения сегодня поддерживают советский языковед С. Б. Бернштейн (*Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 91*) и польский лингвист Ян Отрембский. Последний полагает, что в основе этнонима словене лежит тот же корень **(slou)*, что и в словах *слобода*, *слуаг* и сходных с ними и, следовательно, *славяне-словене* обозначало «соплеменники», «свои люди», «члены одной территориальной (родовой) общины» (*Jan Otrebski. Slowiane. Rozwiazanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznan, 1947, str. 55; он же. Slowene. - «Beitrag zur Namenforschung. Neue Folge», B. I, H. 2. Heidelberg, 1966, S. 175-178*).

Другой известный польский лингвист Тадеуш Лер-Сплавинский в слове словене корнем считает *slav/slav* со значением «влажная страна» (*T. Lehr-Splawinski. O przechodzeniu i praojczyźnie slowian. Poznan, 1946, S. 79-80*).

Советский историк М. И. Артамонов имя славянин производит от слова человек: человек -> словак -> славянин (*М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 17*). Однако форма *словак* фиксируется в источниках лишь с XV в. и территориально ограничена Северо-Восточным Прикарпатьем. Это подтверждается и формой женского рода *словенка* и прилагательным *словенский* вместо *словачка*, *словацкий*.

Интересную мысль высказал в конце 50-х годов академик Б. А. Рыбаков, который в термине *словене* увидел сложное слово, состоящее из двух частей. «Вторая часть *вене*, - пишет он, - настолько близка к сохранившемуся до сих пор эстонскому наименованию славян (*wene* от древней формы *венеды*), что с этим нужно считаться. Возможно, что новые поселенцы на Дунае, на Дону или на Ильмене, появившись в чужезычной среде, называли себя так, чтобы указать на свою связь с коренными землями вендов. . .» И далее: «Они хорошо осознавали родственную связь как между собой, так и с племенами, покинутыми ими, и это сознание выразилось в наименовании *словънь*, которое, быть может, следует перевести примерно так: «люди (из земли) венедов» или «происходящие от корня венедов»» (*Б. А. Рыбаков. Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладельческого строя. - «Очерки истории СССР. III-1Хвв.» М., 1958, стр. 51*).

Наличие большого числа самых разнообразных, подчас исключаящих одна другую точек зрения свидетельствует о том, что вопрос о происхождении и семантике этнонима *словен-славянин* весьма сложен. Чтобы в нем разобраться, нужно помнить следующее. Во-первых, в славянской этнонимии этот термин распространен чрезвычайно широко и известен всем трем славянским ветвям: восточной (летописные приильменские *словене*), западной (современные *словаки*, *словинцы* -

старое наименование части кашубов) и южной (словенцы). Во-вторых, следует иметь в виду, что в древности это слово произносилось только с *o* - *словене*, так оно зафиксировано в русских летописях и звучит в речи тех славянских народов, которые сохранили его в качестве самоназвания до сих пор - *словене*, *словенцы*, *словаки*. («Акающий» вариант его, вероятно, более позднего происхождения.) В-третьих, нельзя забывать о том, что для всех языков на ранней стадии их развития характерна известная нерасчлененность понятий (В. П. Петров. *Язык, этнос, фольклор*. Киев, 1966, стр. 8-12. В старославянском языке, например, понятия «язык» и «народ» были почти равнозначны. Русская летопись просто пестрит выражениями вроде: «все языци», «се бо токмо словенск язык в Руси» и т. д. В одной из славяно-молдавских грамот XV в. читаем: «. . . Те люди могут иметь у себя мастеров, кожухарей или каких-либо иных из числа русских, или греков, или же каких-нибудь других языков. . .» («История Молдавии», т. 1. Кишинев, 1951, стр. 115)).

Подобного рода нерасчлененность и обнаруживается в лексеме *слово*, лежащей в основе этнонима *словене-славяне*. Действительно, в сербскохорватском языке слово наряду с прочими имеет значение «речь, буква», а глагол *словити* - «носиться слуху». В чешском языке производные от лексемы *слово* глаголы - *sluti*, *slovu*, *sluyu* равнозначны нашим глаголам «слыть, называться, быть известным». В словаре русского языка С. И. Ожегова *слово* объяснено как «речь, способность говорить» (курсив наш). В таком именно значении оно, в частности, употреблено под 7103 г. в Мизурском летописце: «Того же году приидоша к Москве, к государю, послы от шаха козылбашского с великой честью и з дары и пословаху (курсив наш. - В. К.), чтобы з государем быти в вечном братстве и любви».

Добавив к основе *слов* суффикс прилагательного *ен* или *енин*, в полном соответствии с грамматикой славянских языков получаем *словен* (позже *словенин*, *славянин*) - дословно «говорящий, понимающий (данный язык)» (Толкование этнонима *славяне* как «говорящие, разумеющие» не является чем-то новым в науке. Подобного мнения придерживались в свое время еще чешский ученый Павел Шафарик, русский историк XIX в. Н. М. Карамзин, известный лингвист А. Г. Преображенский и многие другие. В наше время эта точка зрения отвергается языковедами на том основании, что суффикс *ен* будто бы указывает на название по местности. Но такое заключение, видимо, основано на недоразумении. Общеславянский суффикс *ен*, множественное число *ене* (*словен*, *словене*) имеет широкий диапазон и указывает на связь (притяжение) с широким кругом самых разнообразных понятий, в том числе и нематериальных. В этом легко убедиться на примере таких слов, как *болен*, *понятен*, *оговорен*, *безмолвен* и т. п. Ф. П. Филин полагает, однако, что против отождествления этнонима *словен* со словом существует ряд возражений формального и семантического порядка. По его мнению, от *слово* должно было образоваться нечто подобное *словесене* с прибавлением суффикса основы *ее*, чего в действительности не было. С другой стороны, пишет он, «среди всех индоевропейских этнических наименований, кажется, нет ни одного, которое имело бы значение *славный* или *умеющий говорить*. . . так что трудно полагать, чтобы самоназвание славян представляло собой нечто особенное, принципиально отличающееся от всей массы индоевропейских этнонимов» (Ф. П. Филин. *Образование языка восточных славян*. М.-Л., 1962, стр. 56).

Скептицизм Ф. П. Филина не представляется особенно убедительным. Во-первых, реконструируемая им форма *словесене* противоречит законам образования древних славянских этнонимов, которые формировались на основе единственного числа именительного падежа, иными словами, от корня слова, а не от его основы, например *д\е\рево* - *древляне*, но не *древесяне* или *древесняне*, вопреки форме *древесный*.

Трудно согласиться и с возражением Ф. П. Филина против того, что индоевропейским языкам не свойственны этнические названия со значением «говорящие, понимающие». Автор сам указывает на один подобный пример: самоназвание албанцев - «шкипетар», дословно «понимающий, разумеющий» от «шкипе» - албанское «язык». Подобные аналогии известны и в других языковых семьях, например «араб» - «ясноговорящий» и «аджам» (арабское название персов) - «неясно говорящий». И наконец, все это в смысловом отношении стоит очень близко к названиям «люди, народ, человек», составляющим семантику подавляющего большинства известных нам древнейших этнических наименований).

Таким образом, «говорящими» славяне называли себя сами и использовали это наименование в качестве своеобразного пароля, чтобы отличать (в этом заключается в конечном итоге цель всех этнических названий) своих соплеменников от чужаков, иноязычных, «немых», не понимающих их речи (Слова немой, немец происходят от названия кельтского, по другим данным - германского, племени неметей (Nemetes), которое одно время было, по-видимому, ближайшим соседом славян. Неметы, по словам Цезаря, жили на верхнем Дунае. Венгры и в наши дни продолжают именовать немцев немет (Немет - одна из распространенных венгерских фамилий). Это название венгры могли заимствовать только от славян, так как ко времени их прихода немети давно уже растворились среди других племен. На территории Чехословакии сохранился ряд топонимов: Nemetprona, Nemetgurab, Nemetice, Nemetlipese с чисто славянским окончанием. Это свидетельствует о том, что первоначально и славяне произносили указанное слово, по-видимому, так, как оно звучит в источниках. С течением времени имя неметей превратилось у славян в синоним всякого «непонимающего, неговорящего». (Например, в Лаврентьевской летописи под 1096 г. в рассказе о путешествии новгородца Гюраты Роговича к зауральским народам хантам и манси говорится: «Югра же людие есть, язык пем».) Сходное явление известно и в некоторых других языках, в частности в готском, где глагол «молчать» (slawan) совпадает с этнонимом словен. Впрочем, польский лингвист А. Брюкнер предполагает, что здесь имел место обратный процесс, а именно самоназвание словен возникло от этого готского глагола и первоначально означало «молчащие». Этнографии такие примеры неизвестны).

СТРАННЫЕ СУХОПУТНЫЕ МОРЯКИ. СПОРЫ О СПОРАХ И ВЕЛИКАЯ СЕРЕБЬ

Словене (славяне) было не единственным именем славянских племен. Окружающие народы называли их еще *венедами* или *венетами*.

Рассказывая о «солнечном» камне янтаре, привозимом из «полуночных стран» с берегов какой-то реки Эридан, древнегреческие авторы упоминали *энетов* или *венетов*, от которых поступал янтарь. Однако, где находится загадочная река Эридан, или, как у Скилака Кариандского, - Хридан (Гридан), где живут энеты или венеды, никто из них толком не знал. На этот счет высказывались самые фантастические предположения. Так, например, Эсхил и Еврипид отождествляли Эридан с Роданом в Галлии (река Рона), Скилак и Аполлоний Родосский - с рекой Падусом (река По) в Северной Италии и т. д. Последний между прочим Электридские (т. е. янтарные - от греческого «электрион») острова помещал в глубине Адриатического моря. Дело несколько прояснилось лишь после того, как в первой четверти IV в. до н. э. выдающийся ученый и отважный мореплавател Питей из города Массалии (современный Марсель) обогнул на корабле Западную Европу и достиг легендарной «страны янтара».

По сведениям Питея, дошедшим до нас в виде отрывков в сочинениях Диодора, Плиния Старшего, Страбона и Гемина, река Эридан разделяет Кельтику и Скифию. Здесь, на обширном затопляемом приливом побережье моря Ментоном, живут некие *гвиноны* (т. е. *веноны*, *венеты*) или, по другой версии, - *гуттоны*. На расстоянии одного дня плавания от названного побережья находится остров по имени Абалус (разночтения - Абалция, Балтии, Басилей, Озерикта, Глессарий), на который весной волны выбрасывают янтарь, представляющий собой частички «свернувшегося от холода» моря, Жители побережья собирают этот дар моря и используют его в качестве топлива или же продают соседнему народу тевтонам.

Сведения, собранные Питеем, дали возможность уже Плинию Старшему (I в. н. э.) решительно отвергнуть мнение о том, будто янтарь добывали на островах Адриатического моря, и, напротив, поддержать точку зрения тех, кто уверял, что это «продукт северного Океана» (Плиний. *Естественная история*, XXXVII, II. Косвенным подтверждением того, что янтарь добывали на южном и восточном побережье Балтики, может служить указание известного римского писателя Тацита (начало II в. н. э.), что в его время из всех народов «одни лишь эстии собирают янтарь, который у них зовется глезом (ср. у Питея остров Глессарий. - В. К.). Собирают они его в мелкой воде и на самом берегу» (Тацит. *Германия*, 45). В источниках, относящихся к готскому королю Теодориху (конец V-начало VI в.), имеется сообщение о прибытии к готам послов от народа эстов, которые в качестве дара привезли с собой продукт своей земли - янтарь (Е. Ч. Скржинская. *Комментарий*. - В кн.: *Иордан. О происхождении и деяниях гетов*. М., 1960, стр. 221). В наши дни на основании химического анализа было доказано, что в подавляющем большинстве янтарь, обнаруженный на территории Древней Греции начиная с Микенской эпохи, т. е. с XVI в. до н. э., и вплоть до Македонского завоевания, имеет северное происхождение (Дж. Г. Д. Кларк. *Доисторическая Европа. Экономический очерк*. М. 1953, стр. 261-263)). Большинство согласилось и с тем, что река Эридан (Часть современных ученых отождествляют Эридан с Рейном или Эльбой; другие считают, что Эридан - это Висла; третьи - что это Западная Двина) течет не на юге, а на севере и, следовательно, где-то там же живут венеты.

Начиная со второй половины I в. н. э. мы имеем целый ряд свидетельств о проживании венетов на востоке Северной Европы, и в частности в Южной Прибалтике. Так, римские писатели Плиний и Помпоний Мела, передавая рассказ другого римского автора, сообщают, что около 58 г. н. э., в бытность проконсулом Галлии Квинта Метелла Целера, к северному побережью Германии буря прибила однажды каких-то купцов *индов*, в которых со времени П. И. Шафарика принято видеть торговцев из балтийского племени *виндов*, т. е. *винедов*. В другом месте своего труда, говоря о более близком ему времени, Плиний замечает: «Некоторые рассказывают, что здесь (речь идет о Каданском, т. е. Гданском, заливе. - В. К.) живут до реки Вистулы сарматы, *венеды*, *скирры* и *гирры*» (Плиний. *Естественная история*, IV, 13, 97).

Племя *гирров*, по всей вероятности, обитало в Гиррии, на эстонском побережье Балтийского моря, о чем упоминает средневековая латышская хроника. (Сравни: бывший Гарриенский уезд в Лифляндии.)

Племя *скирров*, или *сциров*, также было связано с Восточной Прибалтикой. По крайней мере именно здесь, на территории расселения древних литовских и латышских племен - *жмуди* и *куршей*, мы встречаем

большинство топонимов типа - *Скири, Скирше, Скиреле, Скирице, Скиришки, Скирлайне, Скиргале, Скирмонте, Скирдоние* и т. п.

Сарматами в античное и раннесредневековое время часто именовали вообще все народы Восточной Европы. По словам Питея, Сарматия достигала на западе Галлии. Тацит и Птолемей под Сарматией подразумевали земли, расположенные к востоку от рек Вислы или Одера и простиравшиеся на юге до Венгерской низменности и северных берегов Черного моря. Собственно сарматы - народ иранской языковой группы - жили первоначально к востоку от реки Дона, а с IV в. до н. э. постепенно начали продвигаться на запад в Карпато-Дунайский бассейн.

О венедах упоминает и известный римский писатель Тацит (умер в 120 г. н. э.). «Здесь, - пишет он, имея в виду реку Вислу, - конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедев и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (*Тацит. Германия, 46*).

После Тацита три отрывочных упоминания о венедах мы находим у знаменитого географа древности Птолемея (умер около 178 г. н. э.): «Сарматию ограничивают великие племена; *венеды* по всему *Венедскому* заливу, а к северу от Дакии - певкины и бастерны, и со всех сторон Меотиды (Азовское море. - В. К.) - языги и роксоланы, а возле них - [г]амаксоби и алано-скифы». «По реке Висле под *венедами* [живут] гутоны, затем финны, затем сулоны». Наконец, в третьем месте Птолемей говорит о «*Венедских горах*» (*Птолемей. География, III, 5,7; III, 5,1*), в которых принято усматривать Карпаты.

Имя венедев содержится также в Певтингеровых таблицах-дорожниках, составленных неким Касторием в III в. н. э. на основании не дошедшей до нас карты мира времен императора Августа (63 г. до н. э.-14 г. н. э.). Они изданы впервые в XVI в. по копии середины XIII в. В этих дорожниках, имеющих вид узкой ленты, приводятся названия географических пунктов и племен (мимо которых приходилось проезжать путнику) без каких-либо комментариев относительно местоположения первых и расселения вторых. Венеды в дорожнике упоминаются дважды; первый раз между «Лупионес Сармате и Альпы Бастарнские», т. е. где-то в районе Карпатских гор (*венады-сарматае*) и второй раз - между реками «Данубис (Дунай) и Адалиндус» после древних прикарпатских племен гетов и даков (*венеды*) («*Itineraria Romana*» *Romisch Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana dargestellt von Konrad Miller, VII. Stuttgart 1916, S. 115-116*).

Но самыми интересными являются сведения о венедах, приводимые готским историком Иорданом (середина VI в. н. э.), который не только

сообщает весьма точные данные о местожительстве этого народа, но и говорит о том, что венедаы - это одно из наиболее древних общенародных наименований славян. «Между этими реками (Дунаем, Тиссой и Олтом. - В. К.), - читаем мы у Иордана, - лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы на необозримых пространствах расположился многолюдный народ *венетов*. Несмотря на то что теперь их наименования меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются *склавенами* и *антами*» (Иордан. *О происхождении и деяниях гетов*, 34). Несколько ниже, рассказывая о правлении готского короля Германариха, Иордан еще раз вспоминает о венетах в следующем контексте: «После поражения герулов Германарих двинул войско против *венетов*. . . Эти [венеты], как уже отмечалось выше, происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: *венетов*, *антов* и *склавенов*. Теперь по грехам нашим они свирепствуют повсеместно, но в ту пору все подчинялись его власти» (Там же, 119).

Приведенные сообщения Иордана подтверждаются тем, что мы знаем о венедах из более поздних источников. Так, в хронике Фредегара середины VII в. сказано: «*Sclavos cognomento Winidos*», т. е. («. . . славянам, называемым *винидами*»). Ион Боббийский, также автор VII в., в своем описании жития св. Колумбиана говорит: «*Ei cognatio in mentem ruit, ut Veneticorum qui et Sclavi dicebantur*. . .» («Пришла ему мысль отправиться к *венетам*, которые именуются еще *славянами*. . .»). Еще определеннее выражается англосаксонский ученый Алкуин, современник и деесписатель Карла Великого (вторая половина VIII-начало IX в.): «*Славян зовем венедами*». В песне английского путника VIII-IX вв. упоминаются венедаы и их река Висла, у которой в это время, как нам хорошо известно, жили поляки (В. В. Мавродин. *Образование древнерусского государства М., 1945, стр. 32*). Вообще во всех без исключения раннеевропейских, и особенно немецких, хрониках, грамотах и других письменных документах наименования *венедаы*, *венеты*, *бенеты*, *виниды*, *Гвинины* и т. д. являются синонимами этнонима *славяне* и предшествуют последнему, доживая в этом значении до XIV-XVI вв., а в разговорной речи за отдельными группами славян они сохраняются вплоть до конца XIX в. Финны же и эстонцы и в наши дни продолжают именовать русских *вене*, *венелайне*.

Со славянами связывают также многочисленные географические названия, произведенные от корня *венд\вент\ вен\вин* и разбросанные на пространстве между Балтийским морем и Карпатскими горами. Так, в Трансильвании в начале XIX в. был известен населенный пункт *Винедишдорф* (по-немецки дословно «Славянская деревня»), который на венгерский язык переводился как Тотфалу, что значит «Словацкое село». Ладожское озеро эстонцы и финны в прошлом называли *Венеенмиере*, т. е. «Русское море», что хорошо согласуется с последними данными археологии, доказавшей, что древняя Ладога была крупным торговым центром уже на заре образования Киевской Руси. Этому же корню близки, кажется, и такие средневековые и современные топонимы в нашей Прибалтике, как река *Вента* (в древности *Виндава*);

город Венден или Вённо-лин (недалеко от Риги); село Вюнно или Вённокиррик (Вёндау) - в окрестностях Тарту; Веннефер, т. е. «жилище вендов»; Венайа (Венейа), упоминаемая в Софийском временнике; Виндовишки, Виндзегола и другие, где славянский этнический элемент, по свидетельству письменных источников и археологии, отмечается с IX- X вв. Однако особенно большое число названий подобного рода: Вендхауз, Вендсберг, Вендграбен, Винден, Виндехайм, Виндишланд - встречалось на территории Восточной Германии еще в XIX в., которая в раннем средневековье была сплошь заселена различными славянскими племенами. Территория словенской Крайны в империи Карла Великого получила наименование Винидской марки. Точно так же земля полабских славян в западных источниках (например, у короля Альфреда, IX в.) носит название Винидаланд, т. е. «страна венедов» (Следует отличать Винидланд («страна венедов») от сходного наименования восточного побережья Северной Америки Винланд (Vinland) в исландских сагах, восходящего к названию «страна винограда»). Это же название - Веонодланд, Винопдланд, Виндланд, Вентланде, Ванланд и т. п. - носило в IX-XII вв. южное побережье Балтийского моря, занятое славянами. П. И. Шафарик в книге «Славянские древности» приводит свыше 60 таких наименований, почерпнутых им из старинных источников и современной ему немецкой географической номенклатуры (П. И. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 1. М., 1837, стр. 149).

Наряду с этим этнонимы и топонимы с основой венд\вент прослеживаются и далеко за границей указанного ареала - в Италии, Галлии, Британии, Скандинавии, Малой Азии и в ряде других мест, где славяне в древнейшую эпоху, насколько нам известно, никогда не проживали. Выше, в рассказе о янтаре, говорилось, что некоторые античные авторы полагали, будто его привозили в Грецию с берегов Адриатического моря, где в предгорьях Альп и в долине реки По жили некие венеты, или энеты. По мнению Геродота и Аппиана, эти итальянские венеты были иллирийцами, по мнению Скилака Кариандского и Страбона - кельтами. Однако Полибий указывает, что хотя венеты, обитавшие у Адриатики, в отношении «нравов и одежды . . . мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым» (Полибий. Всеобщая история в 40 книгах, II, 17; 5; 6).

Известны были также венеты или венеллы Галлии в области Ареморика (Нормандия и Бретань). Эти венеты - великолепные моряки, имели сильный морской флот, благодаря которому им некоторое время даже удавалось отстаивать свою независимость перед лицом римских легионов Юлия Цезаря. Именно с ними склонен был сблизить Страбон венетов Адриатики, поскольку он считал, что «кельты родственны иллирийским народностям» (Страбон. География, IV, 4, 1; V, 1, 4). Впрочем, замечает Страбон, гораздо более распространено мнение о том, что итальянские, или адриатические венеты происходят из Пафлагонии - области в Малой Азии, примыкающей к Синопскому полуострову. Здесь обнаруживается еще один очаг, содержащий интересующий нас ономастикой. Эвганеи, - пишет Тит Ливий, - жили между Альпами и Адриатическим морем, но были вытеснены из этих мест прибывшими из Малой Азии венетами (Тит Ливий. История римского народа, I, I-IV. Ч «Илиада», II, 851).

Наиболее ранние сведения об этих малоазийских венетах или энетах, как пишет Страбон, восходят к «Илиаде» Гомера, в которой встречается следующее двустишие:

Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из *Генет*, где стадаются дикие мески ().

Стремясь разъяснить приведенные строки, Страбон указывает, что в его время в Пафлагонии никаких энетов уже не осталось, но тем не менее отдельные писатели, как, например, Зенодот, были твердо убеждены в достоверности гомеровского сообщения и полагали, что он в данном случае имел в виду не народ, а город *Энеты*, позднее известный под именем Амисы. Другие утверждали, что селение с аналогичным названием существовало в местности Эгиале в 10 египетских сменах (55 км) от города Амастрии. Находились и такие, которые считали, что энеты были одним из наиболее сильных пафлагонских племен и жили вначале по соседству с каппадокийцами. Потеряв своего вождя во время Троянской войны, они переправились во Фракию и после долгих скитаний прибыли в *Энетику*, т. е. *Адриатическую Венетию*. Поэтому, вероятно, энетов и нет больше в Пафлагонии (Страбон. *География*, XII, 3, 8).

Таким образом, вопрос об этнической принадлежности малоазийских венетов представлялся уже во времена Страбона весьма проблематичным, хотя господствовавшее мнение и сближало их с венетами Северной Италии, основываясь при этом главным образом на созвучии имен да еще на одинаковой приверженности тех и других к занятию коневодством. Имелось, впрочем, еще одно мнение, высказанное Геродотом, который утверждал, что пафлагонские венеты сродни иранскому племени индийцев.

Заканчивая перечень сведений о венетах, нам представляется небезынтересным упомянуть еще об одном очень отдаленном и превосходящем своей фантастичностью все, что до сих пор о них говорилось, известии средневекового прусского хрониста Луки Давида (первая четверть XVI в.). Вот краткое содержание его рассказа. В царствование римского императора Августа ученые-звездочеты города Силуры в Вифинии, желая знать, живут ли какие-нибудь люди в царстве вечной зимы на пределах седьмого и восьмого небесных кругов, отправили туда нескольких опытных мужей. Эти последние, прошедши отдаленные земли татар, Роксоланию, огромную страну Московскую, пришли наконец в края *венедов* и алан в Ливонии. Переправившись через море, они пристали к пустынному берегу, не имевшему собственного постоянного названия и именовавшемуся то Саргатией, то Гелидой, то Ватиной. Странствуя по этой земле, они не могли говорить ни с одним человеком, пока не пришло к ним из Сарматии несколько венедов, язык которых оказался им немного понятным. От этих венедов вифинцы узнали, что тамошние жители зовутся ульмигерами вследствие того, что обитают у рек под вербами в тростниковых хижинах. Они не имеют ни городов, ни селений, не знают земледелия, и вся их пища состоит из воды и рыбы. Одежду они изготавливают из тростника.

Страна ульмигеров была богата озерами, реками и особенно лесами. Хотя туземцы оказались людьми простыми, необразованными, к иностранцам они отнеслись тем не менее весьма приветливо. Верования ульмигеров заключались в поклонении Солнцу и Луне. Письменность им была совершенно незнакома, и они крайне удивлялись, как можно передавать посредством письма свои мысли другим людям. Счет дням и переменам фаз Луны эти люди вели с помощью зарубок на куске дерева либо узелков на шнурках. Зимой они проводили в своих хижинах, перемежая сон сидением в бездействии у огня. Несмотря на то что у ульмигеров существовало многоженство, детей у них было мало.

Приближение зимы заставило вифинцев остаться в стране ульмигеров до следующего лета, однако наступление теплых дней принесло какую-то болезнь, от которой они все, кроме одного по имени Дивон, умерли. Дивон же умер во время обратного пути на родину в городе Плоцке в Мазовии. Записки его попали в руки плоцкого настоятеля Ярослава, который вместе с какой-то кирилловской летописью передал их епископу Христиану. Христиан внес их в свою хронику, а уже из этой хроники их извлек упомянутый выше хронист Лука Давид (*Lucas David. Preussische Chronik, B. 1. Königsberg, 1812*).

Все в приведенном рассказе до крайности сложно и запутанно. В одну кучу смешаны и римский император Август, живший на рубеже нашей эры, и позднеантичный народ роксоланы, и татары, появившиеся в Европе лишь в XIII в., и Московское государство, возникшее еще позднее. По-видимому, текст летописи неоднократно «творчески» перерабатывался его переписчиками, которые вносили в него дополнения и исправления, что и привело со временем к указанному историческому анахронизму, если, конечно, не считать все это чистой выдумкой. Однако от такого вывода нас заставляют отказаться некоторые соображения.

Анализируя рассказ, мы обнаруживаем в нем данные, которые находят подтверждение или параллели в других источниках, как письменных, так и ономастических. Это, во-первых, название народа - ульмигеры, которых И. П. Шафарик сопоставлял с упоминаемыми Иорданом ульмеругами, т. е. «островными ругами». Мы со своей стороны отметим близость второй половины этого слова и наименований Герры - Геродота, гирры - Плиния, герулы, элуры - Птолемея и Иордана, Гиррия (местность в Восточной Прибалтике) - Генриха Латыша. Название страны Саргатия может быть увязано с названием племени скирров (куршей?) и соответствующей топонимией Восточной Прибалтики, о чем выше уже говорилось. Ватина, по Шафарику, - это «страна воды, воти», племени, жившего к северу от русских земель. Вместе с тем название это заставляет нас вспомнить о древнегерманском боге-герое Одине-Вотане, «ранняя деятельность» которого протекала, согласно исландским сагам, где-то между Балтийским и Черным морями. С этим последним именем можно также сопоставить латышское наименование части эстонцев *ведде, видде* (ср. область *Видземё*). Иордан в устье Вислы упоминает племя видивариев или видидариев. У него мы встречаем и племенное наименование *васинабронки*, в котором, кажется, та же осложненная основа *вас\ват*. Наконец, Гелида - вероятно, область

Птолемеевых галиндов, голдов Иордана или голядирусских летописей, потомки которых проживали на реке Протве под Москвой еще в XII в.

Венеды, о которых идет речь в отрывке, - это скорее всего восточные славяне - русские, несмотря на то что рядом и независимо от них в рассказе упоминается страна Московская. Считать венедов немцами, как это пытались делать некоторые немецкие буржуазные ученые, не представляется возможным, поскольку о венедах говорится как о пришельцах с востока - из Сарматии (ср. в Певтингеровых таблицах - венеды сарматские).

Таким образом, источники называют три основные этнические группы, носившие имя *венеты\венеды*: италийскую, галльскую и прибалтийскую, обитавшие на морских побережьях или в увлажненной местности (Про балтийских гвинопов еще Питей сообщал, что они жили поблизости от затопляемой страны Ментоном, под которой с равным основанием можно подразумевать как территорию позднейших Нидерландов, так и любую часть побережья Южной и Восточной Прибалтики. Галльские венеты также жили на полуострове, который носил характерное название Арморей или позже Морей. Южная часть Галлии, орошаемая рекой Вандой, была известна под названием Вандей, Вандилии, а у латинских писателей Аквитании (от латинского aqua - «вода»). Аквиллеем именовался также главный город Италийской Венетии (современная Венеция), оттого что находился посреди заболоченного устья трех рек: Изонцо, Турре и Натизане. Очевидно, наименование *вент \ венд* обозначало первоначально жителя вязкого низкого побережья или болотистой местности. Именно в таком значении предстает перед нами корень *венд \ винд* в различных индоевропейских и финно-угорских языках. Например, датское *Vand*; литовское *Vanduo*; норвежское *Vann*; кельтское *Vin* - «вода», кельтское *Wand, Wend, Wond* - «река»; финское *Vena* - «болото, мокрота»; немецкое *Vint(er)* - «зима», т. е. «мокрое время года»; готское *Vinja* - «луг»; ирландское *find*; кимврское *gwynu* - «белый, сходный с цветом воды» и т. д. (Alois Walde. *Vergleichendes Worterbuch der Indogermanischen Sprachen, herausgegeben und bearbeitet von Julius Pokorni, B. 1. Berlin und Leipzig, 1930, S. 252, 257, 259; Jakob Grimm und Wilhelm Grim. Deutsches Worterbuch, B. XII. Leipzig, 1922, S. 2295*)).

В галльских венедах все согласно видят кельтов; венеды Италии, по мнению одних, - кельты, по мнению других, - иллирийцы; прибалтийских венедов большинство советских историков: А. Д. Удальцов, М. И. Артамонов, В. В. Мавродин, С. П. Толстов, Б. А. Рыбаков и другие - считают славянами 19 (Еще раньше, в начале прошлого века горячим поборником славянства прибалтийских венедов выступил П. И. Шафарик, который относил этот этноним к исконно славянским словам. В своем утверждении Шафарик исходил из того, что венедами славян называли немцы и финны, принадлежавшие к разным языковым семьям. Арморейских и италийских венетов Шафарик считал колониями славян (П. И. Шафарик. *Славянские древности, т. I, кн. 1, стр. 150*). В противоположность этому известный русский славист А. А. Шахматов во всех трех основных группах венедов видел кельтов. Кельтским считал он и сам термин *венд | вент* выводя его из *uenos* (по-кельтски «друг») и *uenja* (по-кельтски «родство»). Доказательство своей правоты А. А. Шахматов видел в том, что в Баварии в средние века ряд местностей и населенных пунктов носил названия, в которых корень *венд \ вент* сочетался с типично кельтскими словами вроде: *Венетдунум* (дун - по-кельтски «гора, город, укрепленное место»), *Виндабона*, *Винидоба*, позже *Вюрмзее* (возле Мюнхена) и рядом озеро *Вальхензее*, т. е. «Валашское» и т. д. То обстоятельство, что в отдельных случаях против некоторых из подобного рода наименований в источниках имеются пояснения «Славянская гора», «Славянское озеро», А. А. Шахматов объяснял позднейшими осмыслениями. «С другой стороны, - замечает он, - множество кельтских названий рек и народов в Прибалтийской области можно объяснить предположением, что кельты жили у Балтийского моря, т. е. что балтийские венеды были кельты» (А. А. Шахматов. *К вопросу о славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912, стр. 25 и след.*)).

Последнее положение, правда, оспаривается лингвистами, утверждающими, что древние славяне, судя по их языку, не были знакомы с морем (сухопутные моряки!) и, следовательно, ранние веныды Прибалтики, скорее всего, также не славяне (Ученые-языковеды ссылаются на наиболее ранние славянские письменные памятники, где все морские термины имеют иностранное происхождение. Так, оопагие «залив» древнерусская летопись преает греческим словом «лимень» λιμνη и лишь позже прибегает к метафорическому названию «лука», «лукоморье». Даже в составленной в XVI-XVII вв. Книге Большому Чертежу Днепро-Бугский лиман назван «ильменем». Такого же происхождения считается и известное название Ильмень-озеро, потому что в древности это озеро рассматривали как залив Ладожского озера, а то в свою очередь считали морем. В Астраханской области и сегодня словом «ильмень» обозначаются заливчики и озерца, образующиеся в период разливов Волги и Каспийского моря (С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, стр. 158). Далее, у славян нет собственных, специфически славянских слов для обозначения большинства морских рыб и животных, а равно терминов, имеющих отношение к кораблевождению. Например, слова «корма», «кормчий» (рулевой) А. А. Шахматов считал заимствованиями из кельтского языка, а такое название, как «корабль», восходящим к средневековому итальянскому наименованию определенного типа морских судов - каравелла. «Мы не можем указать. . . - пишет Ф. П. Филин, - на какие-либо общеславянские слова, относящиеся к жизни, связанной с морем (между тем как в лексике некоторых других индоевропейских языковых групп древняя морская терминология представлена хорошо; сравни, например, общегерманские названия кораблей, их устройства и оснащение). Это дает нам право предположить, что носители общеславянского языка в течение длительного времени, может быть, все время после обособления от других индоевропейских племен жили: в стороне от морских побережий» (Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 117)). В связи с указанным нам представляется наиболее приемлемой точка зрения, высказанная впервые еще в 30-х годах прошлого века русским историком Н. И. Надеждиным. Он полагал, что наименование вен[д]-вен[т] («житель влажной страны»), которое издавна прилагалось к населению «мокрого» побережья Балтики, независимо от этнической его принадлежности, было перенесено на славян (Н. Надеждин. Опыт исторической географии русского мира. -• «Библиотека для чтения», № 22. СПб., 1837, стр. 52. Собственно, впервые мысль о том, что наименование веныды следует отнести к числу землеописных имен, высказал в конце XVIII в. чешский лингвист Й. Добровский. Однако одновременно с этим он утверждал, что славяне исконно обитали на Балтийском побережье и вследствие этого и получили от своих соседей указанное наименование), когда они сюда продвинулись, так же как в свое время на часть восточных германцев - вандалов (Справедливость высказанной точки зрения подтверждает упоминание позднеантичными и раннесредневековыми источниками в Южной Прибалтике наряду с венедами также германского племени вандалов. По словам Плиния, вандалы составляли одну из «главных отраслей германского племени». К ним относили бургундов, варинов, карнов и гутонов (готов), а Птолемей и Идаций причисляли к вандалам также и синингов. Ближайшими родичами вандалов были свевы, или свебы, - одно из крупнейших восточногерманских племен. По сообщению Иордана, вандалы во второй половине II в. н. а. покинули берег Океана, т. е. Балтийского моря, и переселились ближе к границам Римской империи, в район среднего Дуная. Дион Кассий в первой четверти III в. н. э. упоминает Вандальские горы, с которых берет начало река Эльба. Несмотря на то что в дальнейшем вандалы, разбитые готским королем Геберихом, ушли из этих мест в Галлию, а затем еще дальше на запад и юг в Испанию и Северную Африку, где в 534 г. и закончили свое существование, позднейшие писатели неоднократно путали вандалов с венедами. Так, в Вессобрунской рукописи, относящейся к VIII в., жители Паннонии названы вандалами, хотя в это время здесь уже давно проживали славяне. Славяне названы вандалами также в житие св. Рауперта. В словаре Соломона (IX в.) имя вандалов объясняется словом «винд», против которого на полях в рукописи сочинения, хранившейся в чешском музее, стояла приписка «славянин». Даже такой знаток славян, как Гельмольд, в своей «Славянской хронике» замечает, что прибалтийские славяне звались «в древности вандалами, теперь же винитами или винулами называются» (Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963, I, 2). Еще категоричнее высказывается Гильом Рубрук (XIII в.),

заявляя, что «язык русских, поляков, чехов и славян один и тот же с языком вандалов, отряд которых был вместе с гуннами. . .» Славянами считал вандалов также польский историк XV в. Ян Длугош: («Вандалы, которые сегодня именуются поляками»). Комментируя приведенные сообщения, П. И. Шафарик склоняется к мнению, что свое имя вандалы заимствовали у славян вследствие тесного поселения и смешения их с последними, а также с кельтами (П. И. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 3, стр. 78-80). Такой же точки зрения придерживается в наши дни С. П. Толстов, который считает, что как вандалы, так и большинство других восточногерманских племен, упоминаемых в источниках первых веков нашей эры, были несомненными славянами, и никем иным (С. П. Толстов. Нарцы и волохи на Дунае. - «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 29)).

Справедливость такого допущения косвенно доказывается свидетельством известного исландского историка первой половины XIII в. Снорри Стурлуссона о том, что «Европа зовется иначе *Энетией*» (Снорри Стурлуссон. Младшая Эдда. Перев. О. А. Смирницкой. Л., 1970, стр. 11).

Еще об одном общеславянском имени *споры* нам известно даже меньше, чем о венедах. Имеется указание Прокопия Кесарийского на то, что некогда у *склавен*ов и *антов* было одинаковое имя - «и те и другие исстари назывались *спорами*, потому, думаю, что жили рассеянно там и сям. Благодаря этому они занимают обширные земли, и точно, большая часть земель по ту сторону Истра (Дуная. - В. К.) принадлежит им» (Прокопий из Кесарии. Война с готами, III, 14, 29, 30). Следующее простое упоминание о спорах (*опораи*) без каких-либо комментариев содержится в списке племен, составленном приблизительно в VIII-IX вв. и включенном в сочинение греческого писателя, так называемого Псевдо-Калисфена. Вот, собственно говоря, и все, чем мы располагаем. Впрочем, ряд сходных этнических наименований был известен с глубокой древности в Северном Причерноморье. Геродот, повествуя о происхождении скифов, обитавших в южнорусских степях примерно с VII-VIII по III в. до н. э., приводит такие имена, как *паралаты* и *сколоты* - общее имя всех племен, которых греки называли скифами. *Паралаты*, или *спаралаты*, как предпочитают читать это имя некоторые ученые, на иранских языках, к которым был близок и скифский язык, означает «плужники», «пахари» (ср. таджикское *сипор* - «грубый деревянный плуг»). Именно этим именем называет Геродот одно из основных скифских племен, живших в старой, или исконной, Скифии, находившейся в междуречье Днепра и Днестра. Грузины и в наши дни продолжают именовать персов-иранцев *спарси*. Тот же Геродот указывает, что к югу от Колхиды в направлении к Мидии живет народ *сасперы*, или *саспейры*. Если допустить, что эти сведения Геродот мог получить через посредство предков древних грузин, в языке которых локальный префикс *са* в составе географических названий обозначает «страну», «местность» (ср. *Сакартвело* - от Картли), то мы опять получим наименование *спер[ы]*, относимое, по всей видимости, к части иранцев уже собственно Персии. (Впрочем, грузинские историки предпочитают видеть в *сасперах* предков грузинских племен, а русский историк второй половины XVIII в. П. Г. Бутков, отождествлявший *споров* со *сперами*, считал и тех и других славянами.)

В I в. до н. э. греческий писатель Диодор Сицилийский знал в Северном Причерноморье *палов*, а Плиний Старший - где-то у Танаиса (Дона) - *спалеев* (*Spalaei*). Учитывая легкость перехода во многих европейских

языках звуков *p* в *л* в середине слов, некоторые исследователи логично заключают, что имена всех этих народов тождественны спорам Прокопия Кесарийского.

Спалов упоминает в наших южнорусских степях современник Прокопия готский историк Иордан, известие которого заслуживает того, чтобы привести его полностью, так как дает некоторую возможность судить об их местонахождении и дальнейшей судьбе. «Та же часть готов, - пишет Иордан, - которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойюм и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени *спалови*, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже как победители движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях, как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий» (Иордан. *О происхождении и деяниях гетов*, 28).

В приведенном отрывке в упомянутой Иорданом реке обычно видят не то Днепр, не то Припять, а в области Ойюм - Пинские болота, так как на готском языке *aijot* значит «страна, изобилующая водой», «речная область». Таким образом, готы столкнулись со спадами где-то на границе леса и степи в непосредственной близости от Днепра. При этом спалы до готов были если не безраздельными хозяевами занимаемой ими территории, то по крайней мере наиболее крупным в Северном Причерноморье племенным объединением. На основании сходства имен *споры* и *спалы* часть историков склоняются к мысли, что и те и другие племена - славянские. А. Д. Удальцов с этим именем связывал широко распространенные в славянской земле названия рек - *Полота*, *Полтва* (притоки Западного Буга, Нарева, Горыни); *Полочанка* (приток Жерева); озер - *Споровское* в Белоруссии; населенных пунктов - *Полоцк*, *Полтава*, *Полтуск*, *Полтавьск*, *Плоцк* и племенные названия - *поляне* и *поляки*. Шафарик, а за ним и другие исследователи от имени *спалы-сполы* производили славянское слово *исполин* или, как оно звучит в кирилловском переводе Библии, - *сполин*, в смысле «великан». В глоссарии на полях перевода хроники Георгия Амартола (XI в.) против слова «гигант» стоит пояснение - «рекомый *полник*» и т. д. Но, как резонно заметил Ф. П. Филин, последнее замечание свидетельствует скорее не о славянском, а об иностранном происхождении этого слова. Вероятно, и это название не было собственно славянским именем, но было дано им, если верно свидетельство Прокопия Кесарийского, их соседями. Это косвенно подтверждается и тем, что Иордан, знающий славян под тремя различными именами - венедов, антов и склавинов, ничего не говорит о принадлежности к ним спалов. Скорее всего, *споры-споли-спалы* (*спаралаты*) вначале являлось этническим наименованием какого-то ираноязычного населения и если когда-либо и было перенесено на славян, то только после занятия ими соответствующей территории, как это имело место и с вышерассмотренным названием *венеды*. Справедливость такого допущения доказывается между прочим характером древней гидронимии Днепровского надпорожья, имеющей в большинстве своем «иранское» обличие.

Нелишне также отметить, что целый ряд ученых: П. И. Шафарик, Войцель, Цейсс, а из современных советский историк и археолог Б. А. Рыбаков - сближают имя *споры* со славянским племенным наименованием *серб* или *сербь*, как оно звучит в русской летописи (Б. А. Рыбаков, например, считает, что имя *споры* представляет собой какое-то искаженное славянское слово и поэтому его следует объяснять не из греческого, как это делает Прокопий Кесарийский, а из славянского языка, привлекая для этой цели «ряд сходных по смыслу славянских обозначений:

со-седи «совместно живущие»

сь-рабы «совместно работающие»

Sorabi (Эйнгард)

Surbi (Фредегар)

серебрь (Нестор)

Отсюда при перестановке согласных получается сербы (*сябры, шабры*) - «соседи». От этой формы и могла произойти грецизированная формаспоры». «Впрочем, - добавляет он, - здесь мог участвовать и другой славянский корень *пор*, который образует такие слова, как *о-пора, на-пор, с-пор, с-поро* (в смысле дружно)» (Б. А. Рыбаков. *Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладения. - «Очерки истории СССР. III-IX вв.»* М., 1958, стр. 47 и прим. 1)).

Этноним сербы некогда был очень распространенным в славянском мире и охватывал если не всех славян, то значительную их часть. В одной мюнхенской рукописи конца IX в. говорится: «*Zeriuani quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exorte sint et originem, sicut affirmant dicant*» («Сербия настолько огромна, что из нее вышел и произошел, как об этом положительно утверждают, весь славянский род»). Константин Багрянородный (959 г.) к северу от венгров («турок») в «крае, называемом бойки» (т. е. в Богемии, Чехии), по соседству с белохорватами упоминает и каких-то «белых» сербов. В другом месте этот автор, перечисляя восточнославянские племена в соседстве с древлянами, дреговичами и кривичами, вновь называет сербов ($\Sigma\rho\beta\iota\omega\nu$).

В самом начале XIII в. чех Вацерад в своем списке этимологического словаря «*Mater Verborum*», составленного констанцским епископом Соломоном в конце IX в., встречающееся там дважды слово «сарматы» поясняет словом сербы: «*Sarmate. . . Sirbi turn dicti a serendo id est quasi sirbntiu*» - дословно: «Сарматы. . . сирбы, когда говорят, перевозжустаросирбы». И в другом месте: «*Sarmathe zirbi populi*» - «Сарматы по народности сирбы».

О том, что в древности понятие «Сербия» было весьма широким, свидетельствует также чешская рифмованная хроника начала XIII в., в которой говорится о «хорватах из земли сербов». В немецком переводе этой хроники, как указывает Шафарик, слово *серб* (*срб*) переводится неизменно как «винд» («Wind»), т. е. славянин вообще (Писатели первых веков нашей эры знают сербов на огромном пространстве от среднего течения Дуная на западе и до берегов Каспийского моря на востоке. В некоторых списках «Естественной истории» Плиния Старшего говорится: «*A Cimmerico accolunt Meotici, Vali, Serbii, Arrechii, Zindi, Psesi. . .*» «Киммерию населяют меоты, вали, сербы, аррехи, синды, рсесы. . .»).

Птолемей помещает сербов, или сирбов, еще дальше на востоке, между Кавказскими горами и Волгой: «Сарматия занимают. . . между Керавнскими горами (читай Северо-Восточный Кавказ.- В. К.) и рекою Ра (Волга) - оринеи, уалы и сербы» (Птолемей. География, I, V, 9). Наряду с этим Птолемей указывает город Сербиум в Паннонии, примерно там, где Певтингеровы таблицы помещают населенный пункт Сербециум и где позже находился славянский город Србац. Надо полагать, что в отмеченных случаях речь идет о двух совершенно различных народах: сербах-славянах и каком-то восточном племени со сходным наименованием. Ср. современные топонимы в Нижнем Поволжье: Сарпа - озеро и населенный пункт и Сарбола - урочище в Чечне. В чеченском фольклоре сохранились до настоящего времени поговорки: «Что это за сербы?», «Плохие вы сербы», а также личные имена и фамилии Серби, Сербиевы).

Учитывая все сказанное, можно полагать, что сербы было тем именем, которое до возобладания у славян современного этнонима *словене* | славяне употреблялось ими самими в качестве одного из наиболее распространенных племенных названий.

ОБОРОТНИ БЕГУТ ОТ ЗМЕЙ

Наш перечень этнических имен, так или иначе связанных со всей совокупностью славянских племен (или большей их частью), будет неполным, если мы не упомянем о летописных *нарцах* и некоторых других сближаемых с ними древних и раннесредневековых племенах.

В водной части «Повести временных лет», пытаюсь определить место славян в мире, автор ее приводит известную библейскую легенду о Вавилонском столпотворении и разделении языков, в числе которых, по его словам, и «бысть язык словенск, от племени Афетова, нарцы (разночтения: норцы, норицы. - В. К.) еже суть словене» («Повесть временных лет», стр. 11. Советский лингвист Ф. П. Филин считает приведенное сообщение чистым вымыслом летописца и утверждает, что в соответствии с текстом летописи нарцев следует искать в долине рек Тигра и Евфрата, где славяне заведомо никогда не жили. Но ведь летописец ничего не говорит ни о месте обитания нарцев, ни об их миграции откуда бы то ни было. Упоминание же о Вавилонском столпотворении обусловлено христианским мировоззрением летописца и его стремлением определить место славян в системе известных ему языков и народов мира).

Принято считать, что, несмотря на введенный летописцем легендарный сюжет, в отрывке сохранилось какое-то смутное воспоминание о действительно имевшем некогда место наименовании славян - *нарцы (норцы)*, восходящем к названию известной придунайской провинции Норик. «Нарцы, - пишет Д. С. Лихачев, - или норики - жители Норика. . .

В VI в. здесь уже жили славяне. Поэтому, очевидно, а может быть и вследствие какого-либо предания норики и были отождествлены на Руси со славянами» (Д. С. Лихачев. Комментарий. - В кн. «Повесть временных лет», т. 2. М., 1950, стр. 213).

Второе упоминание о нарцах содержится в «Толковой Палее», в которой против наименования отдельных народов стоят пояснения: «авер - иже суть обези», «руми, иже зовуться греци». Также и «норици, иже суть словени» (Там же; ср. также стр. 341).

Третье столь же краткое и сходное по характеру указание, но с несколько суженным значением, находится в одной чешской рукописи XII в., известной под названием «Части языком» и представляющей собой перечень народов с обозначением их тотемных «гербов», как-то: «фряг есть лев», «алеман - орель», «немец - сврака», «чехь - норець» и т. д. (Полное название рукописи «Зде како сять чясти языкомь и ко-тори есть». Публикацию см. П. И. Шафарик. *Славянские древности*, т. II, кн. 3, Приложение. «Свидетельства о древних славянах», документ № XXVI).

Наконец, еще одно, четвертое по счету и наиболее раннее по времени, известие о нарцах на берегах Дуная мы находим в эпитафии св. Мартину (аббату Думийскому), приложенной к сочинению Авита - галльского поэта и политического деятеля бургундов и франков второй половины VI в. В эпитафии говорится, что св. Мартин приобщил к христианству множество диких и варварских народов и в том числе аламанов, саксов, торингов, паннонцев, ругов, *склаво*, *наров* (Nara), сарматов, датов, остроготов, франков, бургундов, даков, аланов. Комментируя приведенное известие, Е. Ч. Скржинская сближает *склаво* и *наров* и высказывает предположение, что это один народ (с чем, по-видимому, можно согласиться) и поэтому указанные наименования *склавы* и *нары* следует читать как *склаву*-*нара* (Е. Ч. Скржинская. *Комментарий*. - В кн.: Иордан. *О происхождении и деяниях гетов*. М., 1960, стр. 211. Не затрагивая здесь вопроса о славянстве *наров*, отметим, что народ под именем *нориков*, *нористов* и т. п. в районе среднего течения Дуная.: был известен еще римским авторам задолго до VI в. н. в. В частности, Тацит, рассказывая о восточной части Германии, помимо германских племен, живших поблизости от Дуная, называет «котинов с галльским языком, осов с паннонским инористов» (Тацит. *Германия*, 42). Аппиан относил *нориков* к числу иллирийских племен и помещал их по соседству с *ретами* и *пеонами*: «Остальные народы, которые считаются римлянами, принадлежащими к Иллирии, это - *реты* и *норики*, живущие впереди *пеонов*» (Аппиан. *Римская история*, X, 6, 29)).

Н. С. Державин, М. И. Артамонов, С. П. Толстов и другие исследователи, продолжая изыскания в этой области, попытались связать *нарцев* с таинственными *неврами*, упоминаемыми в сочинении Геродота («*Неврам* в исторической науке, можно сказать, повезло. Это одно * из немногих названий, относительно этнического содержания которого почти нет расхождений. Причиной этого является свидетельство начального русского летописца, который упоминает *норцев* «*иже суть словене*» (М. И. Артамонов. *Венеды, невры и буддины в славянском этногенезе*. - «*Вестник Ленинградского университета*», № 2, 1946, стр. 76)).

Во времена Геродота *невры* жили к северу от скифов-пахарей, в верховьях реки Гипаниса (Южный Буг), однако считались в этих местах сравнительно недавними пришельцами из каких-то других земель. «За одно поколение до похода Дария (512 г. до н. э.) им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутрь страны. Поэтому-то *невры* были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди *будинов*. Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них *элины* по крайней мере утверждают, что каждый *невр* ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить; тем не менее так говорят и даже клятвой утверждают это» (Геродот. *История*, IV, 105).

Многие ученые видели в упомянутых неврах прямых предков славян на том основании, что в русско-белорусском фольклоре предания об оборотнях и змеях были чрезвычайно популярны еще в начале нашего столетия. В «Слове о полку Игореве» о полоцком князе Всеславе говорится, что он в ночь «волком рыскал; из Киева дорыскивал до кур Тмутараканя, великому Хосрови волком путь перерыскивал». В рассказе о Пскове один немецкий путешественник отмечает, что при въезде в город возвышались два каменных идола, изображавших Услава и Корса, из которых последний был изваян стоящим на змее, и т. д. Однако все это не представляется достаточно убедительным: культ змеи и рассказы об оборотнях еще более популярны среди литовских племен (*О культе змеи у литовцев в средние века упоминает Иероним Пражский. Один немецкий путешественник конца XVI в., рассказывая о литовском племени жмудь, сообщает, что жители «обожествляют зверей и других чудовищ, как-то змей, и обладают волшебством обращаться в волков и медведей» (Фридрих Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г., ч. 1. М., 1864, стр. 274)*).

Далее, сторонники указанной выше гипотезы обращают внимание на близость имени невры и названий рек в бассейне Западного Буга и смежных с ним речных систем, таких, как *Нура, Нурец, Нурчик*, или одноименных населенных пунктов *Нур, Нурчик, Нурины, Нурвицы* и т. п., а также на то, что в летописи данная территория именуется «*Землей Нурской*». При этом они подчеркивают, что греческому дифтонгу *ев* в славянских языках соответствует звук *у* и, следовательно, названия *невр, Неврида* - так у Геродота названа территория обитания невров - должны звучать в них как *Нур, Нурида*. Впервые эту мысль высказал еще Шафарик. Сегодня указанную точку зрения поддерживает польский лингвист С. Роспанд, который дифтонгизацию в этнониме невр объясняет либо «грецизмом», либо наследием гипотетически допускаемого им «древнейшего состояния балто-славянских языков», позже уступившего место монофтонгизации (*Stanislaw Respond. Struktura pierwotnych etnonimow siołwii-skich. «Rocznik stawistyczny», t. 26, cz. 1. Wrocław-Warszawa, 1966, str. 24-25*).

Приведенная трактовка на первый взгляд кажется весьма убедительной (хотя сама принадлежность топонимов с корнем *нур* к славянским языкам еще требует доказательств). И все же она не может быть принята, поскольку игнорирует целый ряд побочных фактов и в частности тот, что на территории «*Земли Нурской*», геродотовской *Невриды* и смежных с ними областей имеются также названия и с корнем *нер* и даже *невр. Нерич* (литовское название реки Велии); *Нер, Ниерзига* - река и коса в устье реки Вислы; *Нера, Невринга (!)* - река и населенный пункт в Карпатских горах и др. В русской летописи упоминается финский народ *нором*, плативший дань Руси и обитавший как раз там, где была «*Нурская Земля*». Поэтому закономерно предположить, что основа *нур* | *нер*, а с учетом летописных вариантов и *нар* | *нор* (*нарцы, норцы*) едва ли может считаться специфически славянским звуко сочетанием, но должна быть отнесена к широкому кругу самых разнообразных языков, может быть даже неиндоевропейских.

На наш взгляд, для того чтобы правильно определить этническую принадлежность геродотовых невров, следует прибегнуть к структурному анализу данного термина, для основы которого характерен не столько

дифтонг *ев*, сколько корневая группа *вр*. Слова, содержащие подобный компонент, чужды славянским языкам, крайне редки в германских, но зато часто встречаются на территории, занятой в прошлом кельтскими и италийскими племенами (ср. названия *Лувр*, *Гавр*, *Севр*, *Бёврон* - во Франции; *Дувр* - в Британии; *Писавр* - в Умбрии (Италия) и т. д.).

В записках Цезаря в Бельгийской Галлии упоминается кельтское племя *нервиев*, имя которых отличается от рассматриваемого нами лишь инверсией (перестановкой) корневых согласных (явление обычное во многих языках). О том, что в рассматриваемом нами случае имела место инверсия, убеждают рудименты данного этнонима, сохранившиеся в таких названиях, как *Ньевр*, *Невер*, *Ньевр* - соответственно река, город, департамент в сегодняшней Франции, на периферии территории бывшего обитания нервиев. Иными словами, *невры*, скорее всего, были одним из кельтских племен, подвергшихся нападению каких-то северных народов, возможно германцев, которые в качестве тотема имели изображение змей (ср. излюбленное наименование кораблей у викингов «*Большой змей*»)(Факт нашествия каких-то «северных варваров», имевших в качестве эмблемы или тотема изображение змей, сохранился в фольклоре прибалтийских народов, в частности литовцев, у которых еще в прошлом веке чрезвычайно широко были распространены легенды и предания о разного рода змеях, прибывших с моря, и о борьбе с ними предков литовцев). Такое предположение хорошо согласуется с различного рода лингвистическими, историческими, археологическими и этнографическими данными.

Действительно, кельтские племена на ранних этапах своей истории жили значительно восточнее, чем в более позднее время. Юлий Цезарь указывает, что «было некогда время, когда галлы (римское наименование кельтов. - В. К.) превосходили храбростью германцев, сами шли на них войной и, вследствие избытка населения при недостатке земли, высылали свои колонии за Рейн». Один из крупнейших советских германистов В. М. Жирмунский считает, что в I тыс. до н. э. большая часть Внутренней и Южной Германии была занята кельтами, тогда как собственно германские племена обитали главным образом в Ютландии, на Скандинавском полуострове и в прибрежных районах страны. А. А. Шахматов приписывал кельтским языкам большую часть древнейшей гидронимии Восточной и Южной Германии, Польши и всей Южной Прибалтики, и в том числе названия рек: *Висла*, *Везер* (от кельтского *Veis*, *Vis* - «течь»; ср. немецкое *der Fluss* - «река», *flussen* - «течь»); *la Vis*-река во Франции); *Неман* (от *Nemon*-имени кельтской богини, супруги бога войны); *Угра* (от кельтского *ugros* - «холодный»); *Дубна* - приток верхней Волги (от кельтского *dubno* - «глубокий») и др. «Чудовищный разлив кельтской речи в Европе» признавал также академик Н. Я. Марр.

Согласно Титу Ливию, начало кельтского движения на юг и восток восходит ко времени Тарквиния Приска, т. е. к VI в. до н. э., когда часть галлов передвинулась в область Герцинского леса, тянувшегося непрерывной полосой вдоль Дуная от Альп до Карпат. В 390 г. до н. э. кельты (галлы) захватили всю Северную Италию, Этрурию и осадили Рим, который от полного порабощения спасся, если верить преданию, лишь благодаря бдительности гусей, посвященных богине Юноне. В том же столетии долиной Дуная кельты проникли на Балканский полуостров, в

Карпаты, на территорию Чехии, Польши, Молдавии, на Правобережную Украину - на Волынь и Подолию, а затем продвинулись дальше вплоть до Крыма и предгорий Северо-Западного Кавказа.

Число кельтов в Северном Причерноморье было столь велико, что население этого района Страбон именовал кельто-скифами. В Подунавье и Повисленье источники называют целый ряд осевших кельтских племен - бойев, котинов, битуригов, умбронов, анартов и др.

На юго-востоке крайним пределом кельтской экспансии стала Малая Азия, в центре которой со II в. до н. э. и по I в. н. э. существовало кельтское государство Галатия (О пребывании кельтов на территории Восточной Европы свидетельствуют также географические наименования типа Голотнеск в Полоцкой земле, Голота - в бывшем Лиепайском уезде Витебской губернии, Голотск - в бывшей Минской губернии; Gallatuwa - поле в Ковенском уезде, а южнее - названия городов Галич и Галац, и целый ряд прямых лексических заимствований из кельтских языков в славянские, как, например: слег (жердь) - от кельтского *slga* («копье»), дроги (разновидность телеги) - от кельтского *drogon* («колесо»), як (бык) - от кельтского *jekka* («крепкий»), яблоко - от кельтского *aballos* (в том же значении), клеть (дом) - от кельтского *clethe* («кровля», «конек») и т. д. (А. А. Шахматов. К вопросу о славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912, стр. 25 и след.)).

Указанное движение кельтов хорошо выявляется также на археологическом материале. В V-IV вв. до н. э. в бассейне Дуная на территории Австрии, Венгрии, Чехии получает широкое распространение так называемая латенская археологическая культура (имевшая центром Юго-Восточную Францию), влияние которой прослеживается затем в Карпатах, Эльбо-Одерском междуречье, на нижнем Дунае. Во всех этих областях латенская культура наслаивается на местную гальштатскую культуру железного века.

На севере Европы кельтское завоевание имело гораздо меньший успех, чем на юге или внутри континента, так как столкнулось здесь со встречным движением германских племен (Одним из наиболее ранних проявлений движения германских племен к югу была, по-видимому, экспансия так называемой поморской (вандальской?) культуры лицевых урн. Тем не менее некоторые из кельтских племен здесь сумели сохранить свою самобытность вплоть до первых веков нашей эры, в том числе кимвры и велеты).

Сложные этнополитические события, имевшие место в истории Центральной Европы в конце первой половины I тыс. до н. э., получили отражение в целом ряде исторических, лингвистических и этнографических фактов, которые без подобного допущения представляются совершенно непонятными, ввиду чего большинство ученых обходят их в своих комментариях молчанием.

Важнейший среди них - это сообщение Тацита о том, что «котины (кельтское плем. - В. К.) считаются германцами, но говорят по-галльски». Тот же Тацит называет в числе германских племен кимвров, имя которых звучит чисто по-кельтски и язык которых современные лингвисты относят к числу кельтских наречий. Только глубоко зашедшим процессом захвата и германизации кельтских земель и племен можно объяснить выражение Тацита о том, что «нервяне. . . чересчур гордятся своим германским происхождением» (Тацит. Германия, 28, 43).

А ведь всего каких-то сто-сто пятьдесят лет до этого Цезарь знал это плем. как галльско-белгское, но отнюдь не германское).

На северо-востоке кельты были, вероятно, ассимилированы позднее летто-литовским племенем аистов, про которых Тацит говорит, что «язык их схож с британским». Кроме того, аисты (эстии) имели сходные обычаи с германскими племенами. Как те, так и другие обожествляли «мать-землю», «праматерь богов». Обращает на себя внимание также совпадение названий -летты, латы, литы, Лат-гала, Зем-гала с кельтским *Litavia* (Британия), *Letha* (Франция) в значении «берег», «береговая страна», *Boienseme* (Богемия, Чехия) и этнонимом *gal* и т. д. Если к этому присоединить известие Питея о том, что Кельтика на востоке граничит непосредственно со Скифией и рекой Танаис, в которой в соответствии со скандинавским преданием о ванах, живших на реке Танаквисл, логичнее всего видеть реку Вислу, то вряд ли останется место сомнению в правомерности отождествления Геродотовых *невров* с кельтским племенем *нервиев*, позже превратившихся в германцев-*нервян* Тацита (Большой территориальный разрыв, существующий между неврами Геродота и нервиями Цезаря, не может служить препятствием для сближения указанных племен. Хорошо известно, что варварские племена были весьма подвижны. Кельты, например, с юга Франции в свое время продвинулись в Малую Азию, на территорию наших западных украинских земель, а также в Британию и Испанию. Племена кимвров и тевтонов с Ютландского полуострова проникли в Италию и Южную Францию; вандалы с берегов Балтики дошли до Африки, а готы, выйдя из Скандинавии и островов Балтийского моря, достигли берегов Адриатики, Италии и Крыма и т. д.).

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Отказав в славянской принадлежности неврам, а также в раннюю пору венедам и спорам, мы поставили себя в крайне тяжелое положение в вопросе о происхождении славян. На этнической карте Восточной Европы для них буквально не осталось свободного места. Нижнее Повисленье и Понеманье отпадают, так как славяне не были знакомы с морем, более южные области отпадают тоже, потому что там обитали невры, которые, как мы попытались показать выше, были, возможно, кельтами или кем угодно, но только не славянами. В Карпатах и по Дунаю жили, по единодушному свидетельству письменных источников, различные иллиро-фракийские племена - геты и даки; Северное Причерноморье занимали ираноязычные скифы. Верхнее, а отчасти и Среднее Поднепровье и прилегающую к нему часть бассейна Оки заселяли летто-литовские (прибалтийские) племена, еще более северные и восточные области - финно-угры, предки позднейших карелов, эстонцев, чуди, мордвы, мари и других родственных им народов.

Ввиду этого, а также и вследствие отсутствия в ранних письменных источниках прямых сведений о славянах в XVIII в. немецкими учеными была выдвинута версия об азиатском происхождении славян, которые якобы появились в Европе лишь в середине I тыс. н. э., придя сюда вместе с гуннами, аварами и тюркоязычными болгарскими племенами.

Однако после выхода в свет капитального труда П. И. Шафарика, убедительно доказавшего, что славяне являются одним из коренных европейских, по выражению автора «домашних», народов, эта версия никем уже всерьез больше не обсуждалась.

Но если славяне - европейцы, то где же все-таки их прародина? Ответ на этот вопрос в наши дни значительная часть ученых пытается, найти в недрах так называемых лужицкой, поморской, пшеворской, зарубинецкой и черняховской археологических культур, сменявших друг друга в период с третьей четверти II тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. на огромном пространстве от Балтийского моря до Черного и от средней Эльбы до верховьев Северского Донца.

Лужицкая культура существовала в бассейнах Вислы и Одера в последней четверти II тыс. - первой половине I тыс. до н. э. Это одна из наиболее ярких среднеевропейских культур эпохи поздней бронзы и раннего железа. На севере границы ее простирались до Балтийского моря, на западе - до верховьев реки Эльбы, на востоке достигали бассейнов Принятии Днестра, на юге приближались к Дунаю. Лужицкие племена вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством, умели изготавливать металлические орудия, были знакомы с прядением, ткачеством, керамическим производством. Лужицкая керамика, сделанная от руки, отличается большим разнообразием форм и тщательностью выделки. Значительная часть ее снабжена небольшими ручками-ушками и разного рода налепными украшениями: выступами, шишечками и т. п. Наружная поверхность сосудов иногда покрыта лощением и украшена нарядным нарезным и налепным орнаментом. Господствующий обряд захоронения - трупосожжение.

Формы керамики Центральная и Восточная Европы (по П.Н. Третьякову, Ю.В. Кухаренко и В.Б. Никитиной) лужицкая культура

В первый период своего существования лужицкие племена жили в неукрепленных поселениях, но позднее, в I тыс. до н. э., начали обносить свои поселки валами и рвами. Это последнее обстоятельство, по мнению польских и чешских археологов, было вызвано участвовавшими нападениями скифских, кельтских и поморских племен, в борьбе с которыми лужицкая культура в конце концов и погибла.

Карта распространения лужицкой и поморской культур (по М.И.Артамонову): а-лужицкая культура; б-поморская культура

Роль главных ее могильщиков подавляющее большинство ученых отводят носителям агрессивной поморской культуры или, иначе, культуры «лицевых урн» и ящичных погребений, которая, возникнув в VIII в. до н. э. в низовьях Вислы и на Кашубской возвышенности, постепенно к III в. до н. э. распространилась почти на всю область прежней Лужицы.

Основой развития поморской культуры послужила, по мнению М. И. Артамонова, «торговля янтарем, этим золотом Балтики, очень рано вызвавшим интерес древних цивилизаций Средиземноморья».

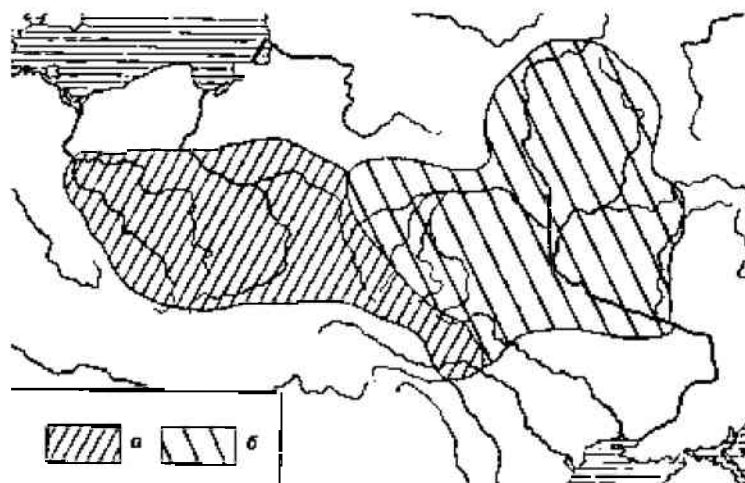
Поморцы жили в неукрепленных поселениях, в наземных постройках столбовой конструкции и в полуземлянках. Лепная посуда их черного и красного цвета украшена елочным узором, пальцевыми защепами, наклепными валиками, идущими по плечикам сосудов, выступами и ямочками. Подавляющая часть захоронений - грунтовые могильники без каких-либо наружных следов, лишь в Гданьском Поморье захоронения скрыты под курганными насыпями. Обряд захоронения - трупосожжение; остатки костей ссыпаны в сосуды или в особые урны, частью с лицевыми изображениями или в виде домиков (лицевые и домковые урны). В южных районах урны обычно прикрыты сверху большим сосудом, получившим название клёша (подклёшевые погребения).

Формы керамики Центральная и Восточная Европы (по П.Н. Третьякову, Ю.В. Кухаренко и В.Б. Никитиной) поморская культура

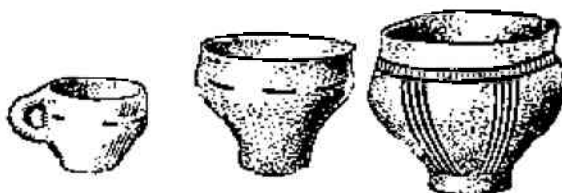
По характеру захоронений и отчасти по керамическому материалу поморская культура безоговорочно увязывается всеми исследователями, с одной стороны, с лужицкой культурой, где имела давняя традиция урновых захоронений, а с другой - с восточнопрусско-литовской культурой каменных курганов (Помимо Польши, памятники поморской культуры известны также на территории Белоруссии и Западной Украины. При этом весьма важно подчеркнуть, что «все без исключения глиняные сосуды, найденные на памятниках поморской культуры на территории СССР, - как отмечает В. Б. Никитина, один из лучших знатоков этой культуры в нашей стране, - имеют прямые и многочисленные аналогии среди керамики с памятников этой культуры на основной ее территории распространения, т. е. в Поморье и в Повисленье. И в этом, как и в особенностях погребального обряда, наши памятники ничем не отличаются от более западных» (В. Б. Никитина. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине. - «Советская археология», 1965, № 1, стр. 203)).

Из синтеза древней лужицкой и поморской культур во II в. до н. э. на большей части территории нынешней Польши, исключая Поморье, возникает новая пшеворская культура, просуществовавшая до начала V в. н. э. Поселения пшеворцев имеют довольно внушительные размеры и лишены защитных укреплений. Подобно лужицким постройкам, основу жилища пшеворцев составляла столбовая конструкция с плетневыми глинобитными стенами и глинобитной печью. Изредка встречаются прямоугольные землянки.

Карта распространения пшеворской культуры (по Ю. Костшевскому) и зарубинецкой культуры (по Ю.В. Кухаренко, Е.В. Махно, И.М. Самойловскому) а-пшеворская культура; б-зарубинецкая культура

Пшеворская глиняная посуда на первом этапе мало отличалась от позднелужицкой и поморской подколпачной керамики. На последующих этапах развития у пшеворцев появляется гончарный круг и вырабатываются свои специфические формы керамики, в том числе и той, которая по-прежнему продолжала изготавливаться от руки. Типичными для лепных пшеворских керамических изделий являются невысокие острореберные горшки со сравнительно узким дном, широким горлом и слабо отогнутым венчиком, иногда с примитивной орнаментацией. В отличие от лепной посуды, кружальная керамика - горшки, кувшины, широкие миски с ручками - имела тщательно залощенную поверхность и нередко украшалась геометрическим орнаментом.

Формы керамики Центральная и Восточная Европы (по П.Н. Третьякову, Ю.В. Кухаренко и В.Б. Никитиной) пшеворская культура

Главное отличие пшеворских захоронений от лужицких и поморских подколпачных заключается в том, что остатки трупосожжения ссыпались здесь не в урну, а в могильную яму. Кроме того, в пшеворских могильниках встречается значительное количество металлических изделий, главным образом предметов вооружения: обоюдоострые мечи, топоры, наконечники стрел и копий, шпоры, металлические детали щитов (бляхи, рукоятки) и т. д.

Синхронно с пшеворской культурой в районе нашего Полесья, правобережья Припяти и среднего Днепра со II в. до н. э. и по II в. н. э. была распространена зарубинецкая культура, которая по керамике и ряду других признаков также тесно увязывается с поморской культурой (в отдельных случаях археологи зафиксировали наслоение зарубинецких памятников на бытовавшую до них в этих местах милоградскую культуру (городища Чаплинское, Горшковское, Моховское II и др.). Кроме того, по данным Ю. В. Кухаренко, западная или верхнеприпятская группа зарубинецких памятников примерно на столетие старше приднепровской группы той же культуры, откуда вытекает вывод о продвижении зарубинцев с запада на восток. «В свете полевых исследований последних лет, - пишет упомянутый автор, - становится все более очевидным, что экспансия поморских венедов (?) привела не только к возникновению пшеворской культуры в Повисленье, но в конечном итоге явилась основным фактором в формировании зарубинецкой культуры на огромных пространствах к востоку от Вислы». И еще: «Появление памятников зарубинецкой культуры в Поднепровье является результатом переселения туда зарубинецких племен из более западных областей» (Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. - «Советская археология», 1960, № 1, стр. 290, 298). Правда, вывод Ю. В. Кухаренко оспаривает другой видный советский археолог П. Н. Третьяков, тем не менее он также признает, что «берега Днепра, по-видимому, не были местом сложения зарубинецких племен. Сюда они пришли» (П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.-Л., 1966, стр. 215).

В еще более поздней работе украинский археолог Е. В. Максимов утверждает, что в сложении зарубинецкой культуры принимали участие в первую очередь «местные приднепровские племена, смешавшиеся с пришлыми племенами западной поздне-поморской культуры, испытавшей сильное влияние средневропейской латенской культуры» (Е. В. Максимов. О происхождении зарубинецкой культуры. - «Археология», т. 22, 1969, стр. 36)).

Зарубинецкие древности представлены небольшими поселениями, расположенными по берегам рек, иногда на возвышенных местах, и полями погребений с урновыми захоронениями. Основные формы керамики - горшки со вздутым туловом, остросереберные миски и кубки с ручками, - а также застежки (фибулы) обнаруживают сходство с соответствующими памятниками поморской культуры, особенно в ее южном подклёшевом варианте.

Формы керамики Центральная и Восточная Европы (по П.Н. Третьякову, Ю.В. Кухаренко и В.Б. Никитиной) зарубинецкая культура

На пространстве от Карпатских гор на западе до правых притоков Северского Донца на востоке и от среднего течения Днепра - на севере, до берегов Черного моря - на юге в III-IV вв. н. э. существовала еще одна близкая описанным выше археологическая культура - черняховская.

Карта распространения черняховской культуры (по П.Н. Третьякову)

Для нее характерны открытые, неукрепленные селища оседлых земледельцев и грунтовые могильники, в которые помещали или трупы или урны с остатками трупосожжения; керамическая посуда, изготовленная преимущественно на кругу, высокого качества и удивительно единообразная, во многом напоминающая по форме пшеворскую. Она серого цвета, сделана из хорошо отмученного теста и имеет залощенную поверхность. Формы сосудов резко профилированные с высокими крутыми плечиками и острым изломом в середине туловища. Дно, особенно у мисок, резко заужено и поднято на высоком поддоне. Орнамент сдержанный, геометрических форм.

Формы керамики Центральная и Восточная Европы (по П.Н. Третьякову, Ю.В. Кухаренко и В.Б. Никитиной) черняховская культура

Все поименованные культуры принято связывать со славянами, во-первых, потому, что в последующие времена земли, на которых эти культуры были распространены, принадлежали славянам. «Великий народ. . . веныды жили в бассейне Вислы между Балтийским морем и Карпатами

по меньшей мере до VI в. н. э. . . следовательно, памятники первой половины I тыс. н. э., найденные в этой области, могут и даже должны в первую очередь относиться к венедам»(М. И. Артамонов. *Венеды, невры и будины в славянском этногенезе*, стр. 71), - читаем у М. И. Артамонова. «Нельзя сейчас привести исчерпывающие археологические обоснования и того, что зарубинецкие племена были славянами, - отмечает другой видный советский археолог П. Н. Третьяков. - Но кем другим они могли быть? Они обитали в лесостепи правобережного Поднепровья, по всему течению Припяти, позднее они распространились в поречье Десны и Сожа. Другими словами, в пределах Восточно-Европейской равнины это население занимало область, которая в последующее время являлась основной частью восточнославянских, древнерусских земель. . .»(П. Н. Третьяков. *Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге*, стр. 219, 220. В другом своем труде, объясняя высказанную им точку зрения о славянской принадлежности создателей зарубинецкой и пшеворской культур, П. Н. Третьяков замечает: «. . . Ответ на этот вопрос в настоящее время может быть лишь гипотетичным, основанным не столько на фактах, сколько на априорных соображениях» (П. Н. Третьяков. *У истоков древнерусской народности*. М., 1970, стр. 50)).

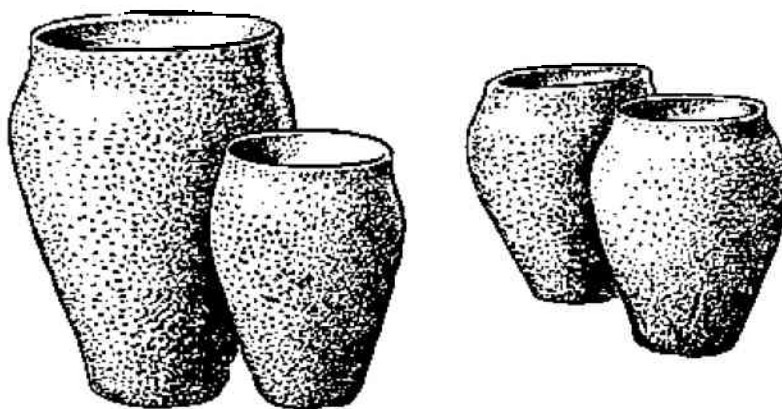
Во-вторых, археологи ссылаются на сходство погребального обряда (трупосожжение в различных его вариантах) у славян и племен лужицкой, поморской, пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур и на этом основании видят в них также славян(Иногда при этом ссылаются на свидетельство русского летописца об обычаях восточнославянских племен: радимичей, вятичей и северян. Когда у этих племен кто-либо умирал, замечает летописец, по нему творили тризну, делали большой костер, клали на костер мертвеца и сжигали, а потом, собрав кости, складывали в малую посудину и ставили на придорожные столбы. Однако эта отсылка бьет по тем авторам, которые в представителях лужицкой, поморской, пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур видят на этом основании славянские племена. Во-первых, летописец указывает, что урны с прахом славяне не зарывали в землю и не прятали в каменные ящики, как, например, в поморской культуре, но водружали на столбы (!), а во-вторых, по сообщению летописца, вятичи и радимичи пришли на Русь «из лях», т. е. из той же Центральной Европы, где урновые захоронения, как мы видели, имели длительную традицию).

Нетрудно заметить, что оба указанных доказательства основаны на шаткой методологической базе. В первом случае нарушен элементарный логический закон: после этого еще не значит вследствие этого, а во втором в качестве доказательства используется элемент материальной культуры, который является отражением идеологии и не относится к числу основополагающих факторов формирования этноса. Истории известно немало случаев, когда родственные племена придерживались различных религиозных воззрений и соответственно по-разному хоронили своих умерших.

На сегодня по существу еще не найдена та основа, которая позволила бы с уверенностью определить этническую принадлежность открываемых археологами культур. Предпочтение в этом отношении, кажется, следует отдать керамике - своего рода «визитной карточке» народов прошлых времен.

Славянская керамика хорошо известна. Ее основные отличительные черты: мягкость линий форм и переходов от тулова к шейке и далее к венчику, отсутствие ручек и вообще каких-либо внешних наделов и

сдержанный орнамент, состоящий из параллельных волнообразных линий, наносимых преимущественно на верхней части сосуда по всей его окружности, - устойчиво сохраняются вот уже на протяжении почти полутора тысяч лет.

Формы керамики Центральная и Восточная Европы (по П.Н. Третьякову, Ю.В. Кухаренко и В.Б. Никитиной) славянская керамика VI-VIII вв

Керамика же всех вышеупомянутых культур - лужицкой, поморской, пшеворской, зарубинецкой и черняховской - приземистая, угловатая (поверхность сосудов часто бывает покрыта лощением) и украшенная рельефными налестками в виде различного рода желобов, валиков, выступов, ямочек, двусторонних пальцевых зацепов и т. п. или геометрическим орнаментом, выполненным в форме елочек и инкрустированным белой пастой 6 (*Касаясь форм керамики Черняховской культуры, которую некоторые исследователи до сих пор считают одной из основных славянских культур, Г. Ф. Никитина пишет: «Основная масса форм, характерная для Черняховской культуры, находит себе прямые аналогии в керамике пшеворской культуры Повисленья, в комплексах рубежа I-II вв. н. э. - первой половины III в. н. э. и . . . в германских памятниках междуречья Одер- Эльба» (Г. Ф. Никитина. Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965, стр. 11). Здесь же, в бассейне Одера и Эльбы и в северных районах Центральной Европы, Ютландии и Южной Скандинавии, лежат прототипы и некоторых других элементов материальной культуры черняховцев, например гребней и фибул (Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры. - «Советская археология», 1969, № 1, стр. 147-159).*

Ввиду указанного в последнее время сторонники славянской принадлежности этой и других рассматриваемых культур считают, что в будущем археологические исследования должны идти в направлении дифференциации добытого материала по отдельным народам и вычленения из него славянских и германских древностей. «Пшеворцев. . . надлежит дифференцировать на славян и германцев», - замечает П. Н. Третьяков в одной из своих последних работ (П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности, стр. 50). В отношении зарубинецкой и Черняховской культур поисками в указанном направлении усиленно занимается в последнее время советский археолог В. Д. Баран (В. Д. Баран. О подосновах раннеславянской культуры в междуречье Днепра и Вислы. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971)).

Не укладывается в рамки славянской культурной схемы и военный инвентарь, находимый в могильниках названных культур: длинные железные мечи, детали боевых щитов, части конских удила (псалии) и т. п. Даже в середине VI в. н. э., т. е. спустя почти полтора столетия после того, как последняя из этих культур - черняховская - сошла со страниц истории, славяне, по описанию Маврикия Стратега, имели на вооружении одни лишь короткие копья-дротики и в редких случаях плетеные щиты-заслоны, которые из-за их тяжести и громоздкости почти невозможно было передвигать с места на место. Неизвестна была славянам той поры, кажется, и верховая езда.

Противоречит отождествлению со славянами и краниологический материал, сохранившийся в небольшом количестве лишь от черняховской культуры, которая десять-пятнадцать лет тому назад считалась едва ли не основной славянской культурой (М. С. Великанова. *Палеантропология Прутско-Днестровского междуречья. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1970, стр. 11, 14*).

В связи со всем сказанным нам представляется более обоснованной позиция археолога В. В. Седова, который, опираясь на особенности керамики рассмотренных выше культур, видит в носителях некоторых из них представителей различных древнебалтийских племен.

В том, что предки древних балтийцев на заре своего формирования жили значительно южнее нынешней территории своего расселения, сегодня почти никто не сомневается. По предположению литовского лингвиста В. Мажюлиса, в конце III-начале II тыс. до н. э. крайним северным пределом их распространения была линия, идущая от верхнего Немана на устье Березины (В. Мажюлис. *Лингвистические заметки по балтийскому этногенезу. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве. М., 1964, стр. 3, 4*). Продвижение протобалтийских племен далее на север эстонский археолог Х. Моор связывает с миграцией культуры боевых топоров и относит к началу II тыс. до н. э. В I тыс. до н. э., пишет он, балтийцы обитали уже на очень больших пространствах (Припять, Западная Двина, Прегель, Сейм), своими размерами, видимо, превосходивших тогдашние славянские территории.

Следы пребывания летто-литовских племен хорошо сохранились в топонимии Белоруссии, Украины, Южной и Восточной Польши, а отчасти даже в Молдавии, Чехии, Словакии и Румынии. Языковед А. А. Вержбовский признает наличие балтийского субстрата (подосновы) в гидронимии всего верхнего и среднего Днепра, Десны и других его притоков (А. А. Вержбовский. *Белорусско-литовские лексические взаимосвязи. Вильнюс, 1961, стр. 14-19*). По предположению же Н. И. Надеждина, и само древнее наименование Днепра - *Борисфен*, возможно, произошло от названия *Березань* (ср. Березина - правый приток Днепра), форма которого напоминает больше всего как будто литовско-латышскую топонимическую модель: *Берзень, Березай* и т. д. Еще в средние века одна из рек под Очаковом у турок носила название *Суберезань*.

Из балтийских языков объясняется лучше всего и значительная часть гидротопонимии Западной Украины, Южной Польши, Словакии и других

прилегающих к ним славянских земель, как-то: *Гирканский лес* Геродота (ср. литовское *giria*- «лес», «пуща»); *Самбор* - город в Западной Украине (от древнепрусского *Wis-sambrs* - «зубр»), ряд гидронимов с корнем *tit*(литовское «вьюн»), например *Титава*; *Скамандрос* («каменистая») - название реки, впадающей в Геллеспонт (ср. древнепрусское *Skamand \ Skament, Skamento* - озеро, река и гора в Мазовии), *Балатон* (озеро в Венгрии), *Блата* и *Платна*(населенные пункты в Чехословакии), *Балта-верде*, *Былта*, *Былтени*, *Балта-сухая*, *Четатя де Балтэ* (селения в Румынии), *Балта-Маре* в Молдавии, *Полква* - приток Горыни, *Полота* - приток Западной Двины от латышского *палте*, *палтс* (*palte, palts*) - «лужа»; река *Стрый* (латышское *straits* - «ручей»); река *Сож* - древнепрусское *suge*(Говоря о приведенных названиях, Ф. П. Филин замечает, что хотя многие из них имеют «анalogии в других индоевропейских языках, но более всего в литовском и латышском ... в том числе вокализмы и ряд рек в Прикарпатье. . .» Возможно, что некоторые из перечисленных названий не являются собственно балтийскими, а сохранены только этими языками, архаичность которых давно уже признана всеми лингвистами, однакостораживают их многочисленность и древность) - «дождь»; река *Упа* в Чехии и две реки *Апе* в северной части Румынии, чьи названия образованы от латышского *аре | аре* - «река».

На Балканском полуострове и в Малой Азии в местах расселения древних фракийцев, по земле которых протекала вышеназванные реки, встречается большое число наименований типа *Прусиос* - озеро в Македонии, населенный пункт в Аттике, Этолии, Малой Азии; *Прусек* - город в Вифинии (*Прусс* - имя царя и сына - там же), сопоставляемых с названием литовского племени *прусы* (ср. *rajuris* - по-литовски «берег»).

В горах северной части Балкан жило (согласно Певтингеровым таблицам) племя латовичей с городами *Латовикорум*, *Лепавист* (ср. современный латвийский город *Лиепая*)(к балтийским языкам, кажется, следует отнести также огромное количество географических наименований, оканчивающихся на *ава*: *Купава*, *Дзирнава*, *Иецава*, *Кондава*, *Даугава* (Латвийская ССР); *Ретава*, *Руйава*, *Борава*(Литовская ССР); *Морава*, *Острава*, *Лтава*, *Братислава* (Чехословакия); *Варшава*, *Зитава* (Польша); *Молдава* (Румыния и Молдавская ССР); *Полтава*, *Чернява*, *Балаклава* (Украинская ССР); *Сава*, *Драва* (Югославия). А. А. Шахматов относил указанный формант к германским языкам, немецкий языковед Э. Эйхлер - к славянским, а между тем по настоящий день в латышском языке он обозначает «место», «вместилище», «объем» (ср. *frizetava* - «парикмахерская»). К тому, что этот формант имеет балтийское происхождение, склоняется, кажется, и советский лингвист А. А. Вержбовский, связывающий его с латвийским *avuots* - «источник», «ключ», «родник».

С указанным топонимическим ареалом в значительной мере совпадает территория распространения географических наименований (преимущественно рек) с окончанием на *са \ сса*, например: *Тисса*, *Дрисса*, *Нисса*, *Писса*, *Лучеса*, *Квиса*, *Росса*, *Осса*, *Эдесса*, *Белеса*, *Плисса*, *Дубисса* и т. п., по подсчетам И. П. Филевича - свыше ста названий. На самом деле их значительно больше, если присоединить к ним и такие видоизмененные наименования, как *Руза*, *Рагуза* (средневековое название *Дубровника*), *Вазуза*, а также, возможно, названия рек в пределах Венгрии и Трансильвании с окончанием на *ш* - *Тимеш* (*Тимеса?* ср. у Иордана *Тибизия*), *Кереш* (средневековая *Гризия*), *Муреш* (у Иордана *Маризия*), *Сомеш* и др. Точное значение топонимического суффикса *са | сса* потеряно, но И. П. Филевич не сомневается в его принадлежности балтийским языкам. К такому же выводу, кажется, приходит и А. А. Вержбовский, указывая, что по-литовски *Висла* называется *Вейсла* (*Veisla*) - из *Veis-sa*. Впрочем, по А. А. Шахматову, суффикс *са (sa)* является кельтским по происхождению, в славянских языках превратившимся в *ца* (*Быстрицы*, *Моравица* и т. п.)).

Племя галиндов 12 (В. В. Седов голяди приписывает зарубинецкую культуру (В. В. Седов. Гидронимия голяди. III Республіканська оно-мастична (гідронімічна) конференція. Київ, 1965, стр. 131, 132). В связи с указанным большой интерес представляет установление молдаво-румыно-балтийских сходжений в лексике и ономастике, которые в лингвистической литературе, к сожалению, еще не были предметом специального изучения. Вот некоторые из них:

Молдавский и румынский языки

апа - «вода», откуда *Апа*- название двух рек в Трансильвании (ср. также *Колапа* - приток Савы) *дойна* - «лирическая песня» *Вилия* - река в Молдавии

Дева - город в Трансильвании

сат - «село»

Литовский и латышский языки

упе - латышское «река», откуда *Упа* - река в Чехии и *Апе* - в Латвии

дайна - литовское «песня» *Велия* - река в Литве *диевас* (dievas) - литовское «бог»

сатс, сата - латышское, устаревшее «заброшенное поселение в лесу»

Интересно также, что латыши западных украинцев называют ретами (*rietumi*), но на Балканском полуострове этим именем зовут население, говорящее на романских языках. С другой стороны, венгры и литовцы используют для обозначения поляков сходные наименования *lenquel* и *lenkas*, восходящие, по мнению лингвистов, к славянскому прототипу *лехъ*, который в свою очередь может быть сопоставлен с литовским *lenke* («дол», «долина», «лощина») и истолкован как своеобразная калька самоназвания этого народа: поляк - «житель низменной, равнинной части страны». Трудно сказать, как долго балтийский элемент сохранял свое этническое лицо, оказавшись в иноязычной среде, но еще в XIII в. источники упоминают в горах Трансильвании какое-то «литовское княжество» (*kenezat Lytwa*) и «Литовскую землю» (*terra Lytwa*)), которое можно сопоставить с голядью русских летописей - одним из литовских племен, вместе с кельтами-галатами упоминается в Ольвийском декрете в честь Протогена. Принято считать, что галинды жили в районе Прибалтики, но указанный декрет, а также упоминание Иордана о гольтескифах в окрестностях Северного Причерноморья наряду с наличием в Западной Украине топонимов с корнем *голдз*заставляют пересмотреть указанную точку зрения.

Где-то в пределах северной части Центральной Европы балтийские племена соседствовали с древними германцами, о чем можно судить по многочисленным фонетическим и грамматическим изоглоссам и лексическим совпадениям архаического облика, имеющимся в этих языках.

Среди последних укажем на названия некоторых процессов трудовой деятельности (*работа, работать, сдирать шкуру, оголять, растирать, размалывать, собирать, вязать, плести, месить тесто, мять глину, ткать*); продуктов труда (*смола, деготь, пакля*); на названия лодки-однодревки, жилища, хозяйственных построек, частей тела (*ладонь, небо, горло, губы, горб*); явлений природы (*ветер, буря*); физических тел (*песок, гравий*); птиц, насекомых (*жук, улитка*); болезней (*проказа*); числительных (*первый, одиннадцать, двенадцать*); терминов, относящихся к речи; на абстрактные понятия, глаголы движения (*летать, плавать, бежать,*

прыгать); существительные (*ручей, колодец, корзина*); на названия продуктов (*каша*) и многие другие.

Показательно и то, что в составе лексических совпадений в германских и балтийских языках совершенно отсутствует социальная терминология, сложение которой восходит к сравнительно позднему времени и может быть приурочено к возникновению у германцев, в частности у наиболее восточных из них - готов, княжеской и королевской власти, социально-имущественного расслоения и государства, т. е. примерно, к началу нашей эры.

Настаивая на том, что предки балтийских народов предшествовали славянам на большей части территории Правобережной Украины и Северного Прикарпатья, помимо приведенных выше исторических, топонимических и языковых данных, мы опираемся еще на ряд археологических и этнографических явлений, которые до сих пор не получили в науке сколько-нибудь достаточного освещения. Например, у литовцев был распространен культ змеи, издавна известный на южном побережье Балтийского моря, где в могильниках археологи находят браслеты с змеиными головками на концах и другие изображения змей и драконов (Ф. Д. Гуревич. *Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. К вопросу о культе змеи в Прибалтике.* - «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XV, 1947, стр. 68 и след). В древнерусских курганах, как указывает В. В. Седов, такие змеиноголовые браслеты и украшения имеют строго ограниченный ареал и встречаются только на территории Верхнего Поднепровья, Подвинья и Понеманья, т. е. «в той части Восточной Европы, где до прихода славян жили балты» (В. В. Седов. *К происхождению белорусов.* - «Советская этнография», 1967, № 2, стр. 118). Однако в Северном Причерноморье мы вновь сталкиваемся с отголосками почитания этого культа, обычно связываемого с балтийским субстратом. В записанной Геродотом от местных греков легенде о происхождении скифов говорится, что прославленный греческий герой Геракл посетил однажды северные берега Черного моря. Достигнув лесистой страны Гилей (ее локализуют в низовьях Днепра), Геракл встретил обитавшую здесь в пещере деву-змею. (Статуэтка змеиноногой богини скифского времени найдена в кургане Большая Цымбалка в районе нижнего Днепра.) От сожительства Геракла с этим туземным божеством родились три брата, потомками которых и считали себя скифские племена. По сообщению другого древнегреческого писателя - Арриана, военные значки скифов представляли собой змей или драконов, сшитых из цветных лоскутов и насаженных на высокие древка. При движении войска такие значки надувались, извивались, как живые существа, и издавали резкий свист. Рядом со скифами жили агатирсы и гелоны, а попережку с гелонами будины. Среди будинов же, как мы знаем, поселились бежавшие от змей невры.

К числу общих скифо-балтийских этнографических явлений относится также культ коня, нашедший у тех и других свое проявление в форме захоронений с конем (Р. К. Куликаускаене. *Погребения с конями у древних литовцев.* - «Советская археология», вып. XVII, 1953, стр. 211-222). Славянским племенам культ этот совершенно неизвестен.

Южное происхождение балтов подтверждается и распространением у них в прошлом культа камня, который, скорее всего, мог сложиться в условиях горной местности, т. е. где-то в районе Прикарпатья.

О проживании предков современных балтов в Приднепровье еще в первых веках нашей эры свидетельствует текст произведения Иордана, в котором перечислено свыше дюжины различных летто-литовских и финно-угорских племен, входивших в державу Германариха, и нет ни одного славянского (Известный дореволюционный историк и языковед А. Л. Погодин указывает, что «в эпоху ирано-финских культурных сношений славяне жили в стороне от иранцев, их разделяли племена литовцев которые подверглись иранскому влиянию одновременно с финнами, но в значительно более слабой степени. Важно отметить, что некоторые из тех понятий, которые к финнам проникли с иранскими названиями, в этой же форме перешли к литовцам, но ни одно из них не достигло славян» (А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 3).

В наши дни советский лингвист и археолог В. П. Петров на ряде сопоставлений показал, что из всех живых в настоящее время индоевропейских языков литовский язык стоит чуть ли не ближе всех к языку скифов - древнейшего известного нам населения степной части Украины, оттесняя в ряде случаев на второй план даже осетинский язык, который до сих пор рассматривался многими как прямой реликт скифского. При этом наиболее тесные совпадения обнаруживаются в лексике, относящейся к животноводству, и в частности коневодству, что в свою очередь свидетельствует в пользу степного проживания предков летто-литовцев).

Без принятия тезиса о проживании балтийских племен некогда значительно южнее, причем сравнительно поздно, в районе Прикарпатья и Причерноморья, невозможно объяснить, почему в исторических песнях литовцев сохранились воспоминания о реке Дунае.

А. А. Вержбовский связывал с литовцами упоминаемое Геродотом племя «рыжеволосых и голубоглазых» будинов, обитавших к северу от скифов, «в разнородном лесу». В стране их, по сообщению Геродота, находилось большое и многоводное озеро, окруженное трясинной и тростником, в нем ловились выдры, бобры и другие звери, меха которых употребляли на опушку кафтанов. В этом описании нетрудно узнать заболоченную пойму реки Припяти и знаменитые Пинские болота. Видимо, ко времени Геродота скифы уже успели оттеснить основную массу будинов на север, так как, судя по топонимии, ареал расселения до того находился значительно южнее: топонимы с корнем буд-Буда, Будочка, Будановка, Будка и т. п. (если даже из их числа исключить явно позднейшие образования) тянутся сплошной полосой от границы Калужской и Брянской областей через Южную Белоруссию, Южную Польшу, Западную Украину, Чехию, Венгрию (Буда, Будско, Будичка) вплоть до румынских Карпат (Буда, Будешты) и Молдавии (Буда, Будей, Будешты) и встречаются даже в долине Дуная (Болгария). Больше всего указанных названий имеется в Польше (по подсчетам И. П. Филевича - 158); в Западной Украине около 20; в Калужской области - 9; в Венгрии - 7, т. е. как раз на окраине той территории, которая предположительно отводится будинам (П. И. Шафарик, И. П. Филевич и большинство прежних и современных ученых склонны видеть в будинах предков славян без каких-либо веских доказательств. Между тем корень буд \ бут известен многим индоевропейским языкам: ср. английское bud - «почка», building - «здание», «постройка»; немецкое buddeln «копать», «выкапывать», Bude - «лавка», «балаган», «ларек»; чешское boudiva - «здание», «постройка»; украинское будівля, будова - «постройка», будинок - «отдельно стоящая постройка» и др. Однако больше

всего дериватов этого корня мы встречаем в литовском и латышском языках: ср. литовское *buda* - «будка», «конура», *butas* - «квартира»; латышское *buda* - «хижина», «лачуга», *buv* - «строительство», *buvakment* - «строительный камень»).

Признание А. А. Вержбовским «балтизма» будинов и выдвинутое нами положение о проживании летто-литовцев в позднее время (середина I тыс. до н. э. - первые века нашей эры) южнее среднего течения Днепра и границы лесостепи сегодня еще не получили сколько-нибудь широкого признания. Указанную территорию принято рассматривать в качестве одного из основных ареалов, в пределах которого происходило формирование этнического ядра славянства («По различным оттенкам языковых связей, - пишет Ф. П. Филин, - можно предположить, что прародина индоевропейцев находилась где-то в южнорусских степях между Дунаем - на западе и Приуральем - на востоке. В составе этого ареала на западе жили кельты, затем германцы. К югу и востоку от германцев обитали балты, а к югу от этих последних - славяне. Земли по северному побережью Черного моря были заняты иллиро-фракийцами, а позже продвинувшимися с востока ираноязычными скифскими племенами. На северо-востоке славяне соприкасались с южными финно-уграми, в частности с мордвой, жившей в древности, как полагают, южнее и западнее своих нынешних мест расселения» (Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 147).

Такого взгляда на проблему расселения основных европейских народов придерживаются большинство современных исследователей. Споры между отдельными учеными ведутся лишь по вопросу о более точном определении западных и восточных границ очерченной территории да о принадлежности к славянам того или иного из древних племен, известных по письменным источникам и археологическим данным в пределах отмеченного ареала).

Поэтому все, что говорилось выше о южном проживании и связях летто-литовских племен в античную пору, а может быть, и несколько позднее, следует считать лишь гипотезой, которая нуждается еще в строгой научной проверке (Болгарский языковед Младенов обратил внимание на ряд лексических и структурных совпадений, имеющих также между болгарским и балтийским языками, а советский славист С. Б. Бернштейн обнаружил такие же параллели между балтийскими и другими южнославянскими языками. По Илличу-Свитычу общие балто-южнославянские лексические совпадения исчисляются несколькими десятками. Г. Краэ идет еще дальше и устанавливает наличие ряда балто-итало-кельтских изоглосс и общих гидронимов, связывающих Прибалтику с Адриатикой. Указание на связь древнейших «протобалтийских диалектов с иллирийскими» содержится также в работах языковедов Н. Иокля и Б. В. Горнунга (В. В. Горнунг. Из предистории образования общеславянского языкового единства. V Международный съезд славистов. София, 1963, стр. 110 и прим. 32)).

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Несмотря на то что на основной части восточной половины Центральной Европы сохранились многочисленные и отчетливые следы пребывания здесь балтийского субстрата, подавляющее большинство исследователей, как в нашей стране, так и за рубежом, продолжают искать древнейшую прародину славян к северу от Карпатских гор, где-то на пространстве между реками Одером, Вислой и Днепром, если брать наиболее крайние мнения. Разница во взглядах состоит лишь в том, что одни сдвигают эту территорию более к востоку, другие более к западу.

Так, например, по мнению Ф. П. Филина, прародина славян находилась на территории, заключенной между верховьями Западного Буга и средним

течением Днепра, сюда входила «Припять с ее притоками, т. е. Полесье, которое своими болотами... отделяло славян от балтийцев. . . Восточная граница славян остается неясной, но вполне возможно, что славянское население издревле находилось и на левобережье Днепра, между нижним течением Десны и Сожа. Южные и юго-восточные земли славян граничили со степными (и лесостепными) районами, занятыми иранскими (скифо-сарматскими) племенами. Между иранцами и балтийцами лежал славянский массив. . . Факты заставляют нас предполагать, что славянские поселения на западе не достигали Вислы»(Ф. П. Филин. *Образование языка восточных славян* стр. 148).

В. П. Петров, напротив, полагает, что балтийские языки были одними из самых близких к скифскому. Славяно-иранские лексические совпадения, по его словам, обнимают только узкий круг сакральной лексики и отчасти военной, причем в ряде случаев с очень большим семантическим сдвигом, что заставляет нас предполагать наличие между этими языками какого-то посреднического звена).

Напротив, другой советский славист С. Б. Бернштейн, очерчивая примерно такой же ареал, считает, что на западе устойчивой границей праславянского мира в течение многих веков являлась река Висла(С. Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 64. К западу от Вислы, по мнению С. Б. Бернштейна, обитали венеты - не то иллирийцы, не то кельты).*

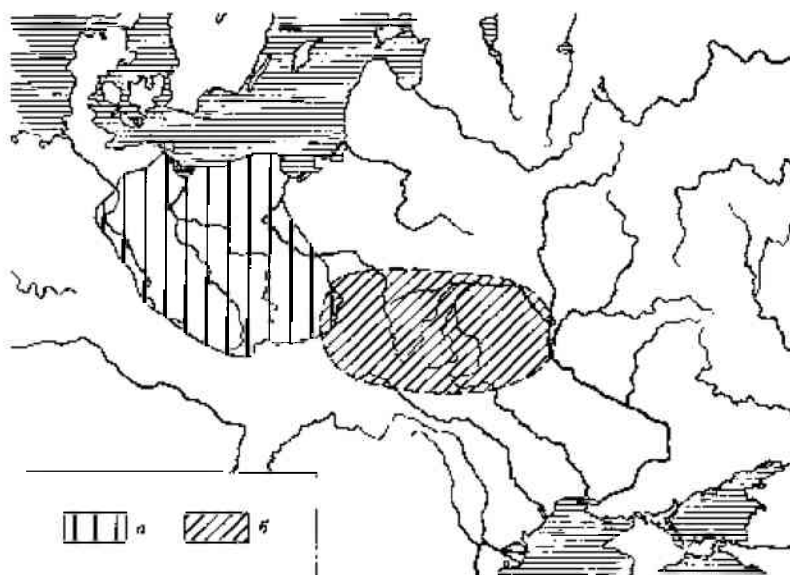
Чешский историк и археолог Л. Нидерле ставил определение западной границы славянской прародины в зависимость от того, удастся ли «археологам выяснить этническую принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа. . . Если удастся, то старая граница прародины славян конца II тыс. до н. э. продвинется за Эльбу и Заале, если же нет - останется в области Вислы»(Л. Нидерле. *Славянские древности. М., 1956, стр. 31).*

Относительно восточного предела праславянской прародины взгляды С. Б. Бернштейна, Л. Нидерле, а также польских ученых К. Мошинского, Г. Улашина, Я. Розвадовского в основном совпадают с точкой зрения Ф. П. Филина. При этом все они руководствуются главным образом «методом исключения» (выражение С. Б. Бернштейна) и соображениями «общеисторического порядка» (выражение Ф. П. Филина). «Мы не знаем иных этнических групп, которые с полной уверенностью можно было бы поселить здесь, - замечает С. Б. Бернштейн. - Балтийские племена жили к северу от Припяти. Венеты обитали к западу от данной территории (С. Б. Бернштейн, следуя за польским лингвистом Т. Лер-Сплавинским, не считает ранних венетов-венедов славянами. - В. К.). Никогда не жили на этой территории кельты, фракийцы и иранцы. . . не было на этой территории в I тыс. до н. э. и финнов»(С. Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков, стр. 64).*

Ненадежность данного метода очевидна: в нем одно малоизвестное - прародина славян - определяется посредством других столь же неизвестных предположений о месте проживания древних скифов, фракийцев, кельтов и т. д., границы расселения которых в различные периоды истории были весьма различны.

Другой важный довод сторонников восточной ориентации - так называемая зооботаническая теория, которая основывает свои выводы на анализе содержащихся в славянских языках названий растений и представителей животного мира. Считается, например, установленным, что на предполагаемой прародине славян росли дуб, береза, липа, ясень и верба, так как их названия звучат совершенно одинаково во всех славянских языках и обозначают одни и те же породы деревьев. А вот слово ель, несмотря на то что оно имеется во всех славянских языках, в чешском (*jedle*) и в польском (*jodla*) прилагается к пихте. Ель же у поляков зовется *swierk*, а у чехов *smrk*. В свою очередь болгары смрикой называют можжевельник. Отсюда заключают: пихту славяне узнали значительно позже, тогда, когда продвинулись в места, где росло это дерево, но не росла ель.

Заимствованными из других языков считаются также названия таких деревьев в славянских языках, как *бук*, *тисе*, *явор* (белый клен), *лиственница*, *черешня* и некоторые другие, которые растут в Западной и Центральной Европе - примерно до линии Висла-Карпаты - Средний Дунай и неизвестны к востоку от нее. Вследствие этого и прародину славян ищут вне пределов распространения данных деревьев, а именно между Вислой, Западным Бугом, Припятью, Карпатами и средним течением Днепра.

Территория славянской прародины: а - по Яжджевскому; б - по С. Б. Бернштейну

Ненамного достовернее и другие доводы зооботаники. Достаточно сослаться на слова известного лингвиста М. Фасмера, который, касаясь лингвистических заключений, основанных на анализе зооботанической терминологии, заметил, что, опираясь на них, не составляет большого труда доказать, будто на территории древней прародины славян «водились слоны и верблюды». Такой скептицизм лингвистов в отношении выводов коллег объясняется, с одной стороны, большой степенью гадательности определения исконности или заимствования того или иного зооботанического термина, а с другой - изменчивостью и подвижностью границ фауны и флоры. Так, по данным палеоботаники, в связи с общим

потеплением климата в Европе за последние 2-3 тыс. лет восточная граница бука продвинулась на сотни километров в направлении с запада на восток. Где на этом пути славяне заимствовали то или иное слово, доподлинно неизвестно.

Более того, многие выводы зооботанической лингвистики легко представить со знаком минус, т. е. доказать с их помощью противоположное. Например, в отношении ели и пихты с равным основанием можно утверждать как о переносе названия *ель* (*jedla) с ели на пихту, так и, наоборот, - с пихты на ель. Соответственно этому миграционный поток славян в одном случае будет иметь направление с востока на запад, а в другом - с запада на восток.

Сторонники более западного местонахождения славянской прародины (а к ним относятся польские ученые Ю. Костшевский, Л. Козловский, Я. Чекановский, Т. Лер-Сплавинский, М. Рудницкий, чешский археолог Я. Филипп, советский лингвист В. В. Мартынов и советский археолог Ю. В. Кухаренко) ищут ее в основном в междуречье Вислы и Одера. В основе их взглядов лежит предполагаемая принадлежность лужицкой культуры целиком (Ю. Костшевский, М. Рудницкий, Я. Филипп) или отчасти (Т. Лер-Сплавинский) славянам. Обосновывается это тем, что у славян и носителей лужицкой культуры совпадают места поселений, форма и приемы строительства жилищ, погребальные обряды (трупосожжение), а главное, опять-таки тем, что в противном случае для славян в Европе I тыс. до н. э. вообще не найти места для поселения, имея в виду, что они являются одним из значительнейших народов этого континента. Несовпадение же форм керамики объясняют сложным развитием культуры, в истории которой наряду с прогрессом известны и периоды застоя и возвратного движения. В частности, считается, что большим бедствием для предков славян было нашествие кельтов.

Главным лингвистическим доводом висло-одерской теории служит ссылка на общность гидронимии бассейнов Вислы и Днепра, которая в пределах последнего повторяется в уменьшительных формах, что, по словам Т. Лер-Сплавинского, отчетливо свидетельствует о том, что первая из них «старше и отсюда вторично перешла на Приднепровье».- С другой стороны, топонимика припятского Полесья в массе своей сугубо славянская, а это значит, что она возникла сравнительно поздно, когда славяне уже сложились в особую этническую общность со своим специфическим языком.

Слабым местом висло-одерской гипотезы является признание отсутствия славяно-германских языковых связей. Правда, Лер-Сплавинский на основании формального статистического учета утверждает, что в фонетике и грамматике славянские языки имеют с германскими на три общих явления больше, чем германские с балтийскими, а в лексике - 94 общих слова против 52 специфически балто-германских, и вследствие этого заключает, что славяне жили западнее балтийцев, в непосредственном соседстве с германцами. Но, как замечает В. В. Мартынов (сам сторонник этой гипотезы), статистические выкладки только в том случае могут быть признаны эффективными, если они производятся на основании большого числа равноценных с какой-то определенной точки зрения фактов: факты

же, собранные из разных хронологических пластов и ярусов языковых систем, нельзя сопоставлять и подвергать статистическому учету.

Желая поддержать указанную теорию, В. В. Мартынов произвел специальное исследование славяно-германских лексических связей древнейшей поры, в результате которого пришел к выводу о наличии тесных языковых контактов между славянами и германцами начиная с самых ранних времен. Однако многие из его этимологических построений вызывают сомнения и поэтому не снискали признания в широких лингвистических кругах.

Таким образом, можно сказать, что висло-одерская локализация древнейшей прародины славян на сегодня еще очень далека от того, чтобы считаться окончательно доказанной. Особенно большие возражения вызывает доведение крайних границ ее до Балтийского моря и средней Эльбы (К. Яжджевский и Г. Лябуда).

И все же в пользу гипотезы о западной, а, вернее, на наш взгляд, юго-западной (Говорить о западной, висло-одерской гипотезе происхождения славян без такой поправки вряд ли правомерно, ввиду того что славяне море узнали достаточно поздно. Это признают и наиболее самокритичные из ее сторонников), т. е. карпато-дунайской, прародине славян можно привести больше аргументов, чем в пользу восточной днепровско-припятской их прародины.

Первый аргумент - подмеченное С. П. Толстовым (С. П. Толстов. *Нарцы и волохи на Дунае*. - «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 29) удивительное совпадение племенных названий полабских, поморских и других западных славян с древнейшими, известными на данной территории этническими наименованиями рубежа первых веков нашей эры которые источники относят к восточногерманским народам (Звездочкой отмечены параллели, установленные Б. А. Рыбаковым).

Племена висло-одерского междуречья первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры

Лугии Ругии Силинги Вельты Лемовии Марсинги Гелизии Хатты с вождем Укрмиром (Страбон) Дидуны Хизо-[барды] [Ланго]-барды Земноны Воланы Вандалы Варины

Западнославянские племена раннего средневековья (VIII-XII вв.).

Лужичане Ругяне или руяне Слензяне В елеты-лютичи Лемузы Марачане (мораване) Геленсичи (Звездочкой отмечены параллели, установленные Б. А. Рыбаковым). Хуттичи (Звездочкой отмечены параллели, установленные Б. А. Рыбаковым). Дедошане (Звездочкой отмечены параллели, установленные Б. А. Рыбаковым). Хижане Бодричи Земчичи Поляне Венеды Вагры

На отдельные из приведенных совпадений ученые и раньше обращали внимание, но объясняли это тем, что славянские племена, заселившие территорию Восточной Германии в VI-VII вв., переняли племенные имена своих германских предшественников, которые незадолго перед тем почти полностью покинули занимаемую ими прежде землю. Однако, как

справедливо замечает С. П. Толстов, «заимствование племенных названий явление крайне редкое в истории», а перенятие победителями имен побежденных представляет и вовсе «исторический нонсенс, обсуждать который с ученым видом можно только при заранее принятом желании доказать недоказуемое».

Правда, известно, что отдельные племена получали наименования в зависимости от природных особенностей края, в силу этого они могли совпадать у народов разных языковых систем (например, подразделение готов на грейтунгов - степняков и тервингов - лесовиков в период их пребывания на территории нынешней Украины, там, где впоследствии мы находим восточнославянские племена полян и древлян; землеописное имя *венеды*, о котором говорилось выше), но в рассматриваемом случае перед нами почти полное совпадение этнической карты двух разных эпох, отделенных одна от другой промежутком времени более чем в 500 лет и к тому же лишенных в большинстве своем указанного землеописательного признака.

Некоторое расхождение в окончаниях в приведенных выше двух группах племенных этнонимов, особенно в части, касающейся древних племен, легко может быть объяснено различными источниками информации: известно, что древние наименования дошли до нас в греческой и латинской транскрипции, полученной, как можно полагать, через посредство других народов, и прежде всего германцев и кельтов. Указанным обстоятельством обусловлено, по мнению С. П. Толстова, обилие племенных окончаний на *инг*, *ии*, *льт*, *он* и т. д. «На самом деле, - пишет он, - мы имеем не больше права видеть германцев в предках славянских слензян - силингах, чем славян в упоминаемых русскими летописями черноклобуцких и половецких племенах (берендеичах, каепичах, таксобичах и прочих)».

Мы не склонны судить столь категорично, как цитированный нами автор, так как считаем, что для этого у нас нет пока достаточных оснований, но полагаем, что вывод о якобы заимствовании славянами племенных названий у «разреженного» германского населения рассматриваемой территории должен быть решительно отвергнут.

Какой бы характер ни приписывать славянской колонизации этих мест - мирный, «ползучий», как называют иногда миграцию славянских народов некоторые ученые, - колонизация есть колонизация, и в ней всегда наличествуют два неравноправных компонента: поглощаемый, ассимилируемый и поглощающий, ассимилирующий. Последним к концу I - началу II тыс. н. э. оказался здесь славянский элемент во всех отношениях - в языковом, культурном, этнографическом. Возникает резонный вопрос: почему «победители»-славяне должны были отказаться от своих старых племенных наименований и принять этнические названия не сумевших оказать им сопротивления в других областях жизнедеятельности германских племен? Мы не говорим о том, что еще подлежит доказательству сама так называемая славянская колонизация этой части Европы, о которой нам фактически «ничего не известно достоверного». Ни полабские народные предания, ни ранние немецкие хроники не говорят об этом ничего конкретного. Они пишут о походах славян, об их разбоях на

суше и на море, о захвате отдельных немецких городов, но ни в одном из источников нет ни слова о том, что славянские племена к востоку от Эльбы осели и живут на землях тех или иных немецких племен или пограничных марок. Эта точка зрения сложилась много позднее, в XIX в., в связи с потребностью идеологического оправдания германской агрессии против славян (Герард Лябуда. *Исторический анализ так называемого германского «натиска на Восток»*. - В сб. «Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе». М., 1965, стр. 58, 66, 68). Для обоснования ее были использованы сообщения античных писателей, вроде того, что «Эльба протекает посередине Германии», или известий о пребывании готов, герулов, вандалов, лангобардов и других так называемых восточногерманских племен в низовьях Вислы, Одера и Эльбы. На первый взгляд, все это строго соответствует источникам, но нельзя не учитывать, что античные авторы были очень плохо осведомлены о состоянии дел на севере и во внутренних частях Европейского континента, о чем свидетельствует признание одного из наиболее компетентных писателей древности Страбона: «Что находится по ту сторону Эльбы, прилегающему к берегу Океана, нам ничего не известно достоверного».

Слабое знание древними этнографии даже сравнительно близких им народов хорошо видно на примере колебаний Тацита в отношении певкинов - племени, жившего в низовьях Дуная, которых он по одним признакам относил к германцам, а по другим - к сарматам.

Таким образом, совпадение этнической номенклатуры в междуречье Вислы и Эльбы следует объяснить не славянской экспансией в эту область, а, наоборот, более ранним вторжением сюда германских племен, как об этом свидетельствуют Иордан, Павел Диакон, а также позднейшие научные изыскания (Ср., например: Л. С. Берг. *Название рыб и этнические взаимоотношения славян*. - «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 62).

Возможно, впрочем, и другое допущение, поддерживаемое некоторыми западноевропейскими учеными: в рассматриваемое время народы северных областей Центральной Европы в этнографическом, а вполне вероятно, и в языковом отношении еще не успели достаточно резко отдифференцироваться один от другого. Это вытекает, в частности, из несовпадения границ археологических культур с известными нам позже этническими ареалами. В связи с чем весьма любопытна чрезвычайная близость структурных моделей и семантики личных имен ранних славян и германцев, отмеченная еще П. И. Шафариком, но удовлетворительно не объясненная до сих пор.

Германские имена

Альпигас, Салигаст Вальдман Валамир, Тиудимир, Филимер, Маркомир Кунград, Конрад Фольквидр, Арнвидр Видерик, Видикула, Видимир Лиудивит (позднее Людовик) Витольд, Витегес Леудовольд, Лиудогер Радигес, Радульф, Родагайс Марбуд Тотила, Гунила, Оптила, Трапстила

Славянские имена

Доброгаст, Пирогаст, Калагаст, Родогаст (имя божества бодричей) Лютман, Родман, Венцман Владимир, Драгомир, Любомир, Годимир Милорад, Отрад Пустовид, Сновид Видислав, Видит, Вид, Вида Самовит, Боговит Вита, Витко, Витомир Людмил, Людмила Радивой, Радомир, Родим Хвилибуд Гудила, Кутила

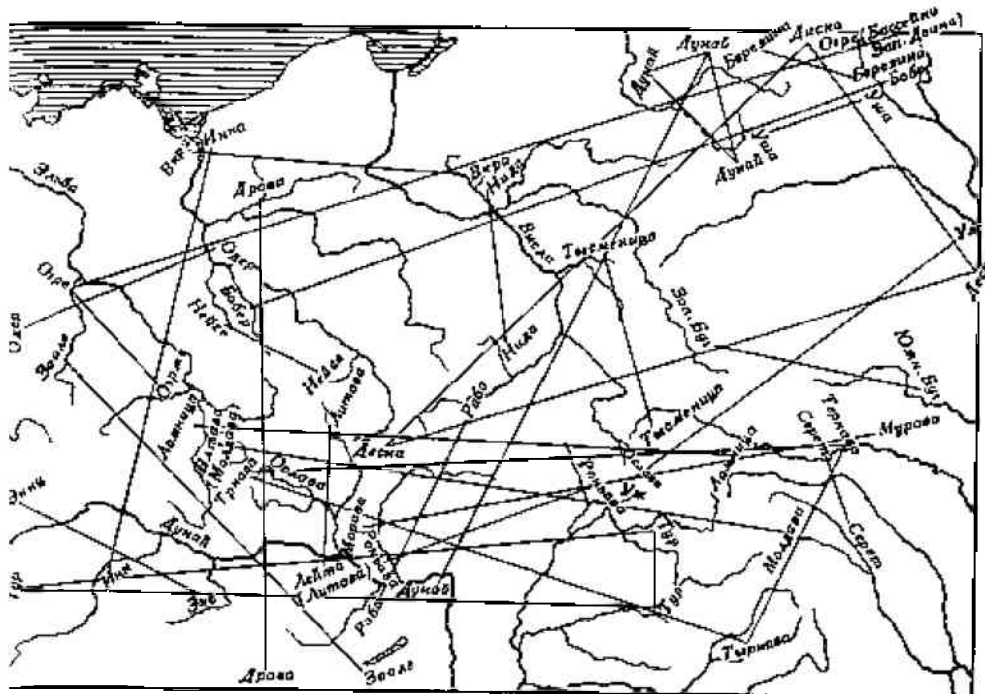
Приведенный список можно значительно расширить, однако и так понятно, что перед нами не простое заимствование имен или построение их по сходным моделям, а несомненное семантическое сходство составных компонентов антропонимов, которые и фонетически различаются еще весьма незначительно. Невероятно, чтобы все эти, с одной стороны, славянские *мир, вид, род, рад, а*, с другой - германские *ман, ила* были непонятны дававшим их древним германцам и славянам. Свидетельствует ли это о славянской подоснове так называемых восточных германцев (Характерно, что большинство имен с указанными компонентами мы встречаем у восточногерманских племен: готов, вандалов, герулов и других. Не по этой ли причине в песне английского путника VIII в. венеда, под которыми следует подразумевать славян, сближаются с гепидами (*Cum Gepidis fui et cum Vinedis*), а руги - со славянским племенем гломачей (*cum Rugis fui de Glommis*)) или о близости в рассматриваемую пору славянских и германских языков друг к другу, судить пока трудно, тем более что в последнее время в лингвистике явно наметилась тенденция относить формирование современных нам языковых групп европейских народов к гораздо более позднему времени, чем это считали еще в недавнем прошлом («Именно в последние десятилетия в свете осмысления новых данных, поступающих в распоряжение исследователя, - читаем в капитальном труде по грамматике германских языков, - материала древнегерманской топонимики и ономастики, а также рунологии, древнегерманской диалектологии, этнологии и истории - в ряде работ было со всей определенностью подчеркнута, что вычленение германской языковой общности из западного ареала индоевропейских языков имело место в относительно позднее время и что образование отдельных ареалов германской языковой общности относится лишь к последним векам до и первым векам после нашей эры» («Сравнительная грамматика германских языков», т. I. М., 1962, стр. 18)).

Другой аргумент - топонимия, наука о географических названиях или, как иногда ее образно называют, «язык земли».

Пребывая на той или иной территории, народы дают названия различным географическим объектам и тем самым как бы оставляют на ней свой автограф. Будучи однажды данными, географические названия передаются затем из поколения в поколение, сохраняясь зачастую даже в тех случаях, когда давший их народ ушел из этой местности или же вовсе исчез с лица земли. Происходит это потому, что народы испокон веков живут не в отрыве один от другого, но находятся в постоянном культурном общении, при котором заимствуют и географические наименования незнакомых для себя мест. Вот почему топонимия представляет собой один из наиболее достоверных исторических источников, который, если его правильно прочитать, может дать ключ к разгадке многих тайн прошлого. Правда, прочитать топонимические «письмена» дело далеко не из легких («Географические имена - «язык земли», - пишет А. Л. Погодин, - требуют для своего изучения такой тщательности и осторожности, каких мы обычно не находим. К сожалению, приемы изучения географической номенклатуры до сих пор крайне грубы. . . Мы часто принимаем без всякой критики те записи этих имен (сохраненных древними авторами. - В. К.), какие дошли до нас. А как точны могли быть эти записи, видно из

передачи людьми одного народа географических названий другого народа до сих пор» (А. Л. Погодин. Теория акад. А. И. Соболевского о двояком происхождении славянского племени. - «Slavia», IX, 1930-1931, стр. 730-739)).

Сменяя на протяжении веков друг друга, народы не всегда сохраняют доставшиеся им в наследство географические названия в неизменном виде. Гораздо чаще они их переводят или переделывают в соответствии с законами своего языка. В связи с этим исследователя топонимики подстерегает множество западней и коварных ловушек, выбраться из которых с честью удавалось в прошлом далеко не всякому, отчего в среде ученых существует весьма скептическое отношение к этой отрасли науки. Дело осложняется и тем, что методология топонимических исследований находится еще в зачаточном состоянии и может предложить занимающимся ею лишь очень малопродуктивные и ненадежные «закон ряда» да «метод структурного анализа» формантов, образующих географические названия. Тем не менее, опираясь особенно на последний метод, нам представляется возможным утверждать, что древняя прародина славян находилась скорее на западе, чем на востоке очерченного выше ареала, т. е. междуречья Вислы и Днепра.

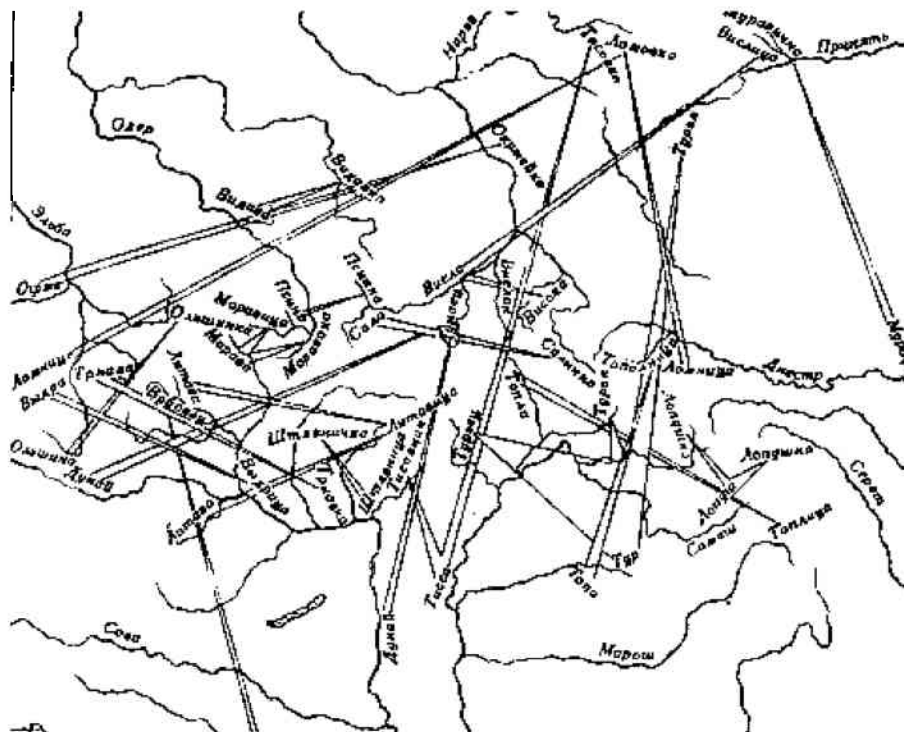
Гидронимические повторы на территории предполагаемой прародины славян

Во-первых. Территория верхней части бассейнов Вислы, Одера и отчасти Эльбы и Днепра, как это было установлено в конце прошлого века русским исследователем И. П. Филевичем, а в более близкое нам время подтверждено трудами польских ученых Я. Розвадовского, М. Рудницкого и Т. Лер-Сплавинского, полна гидронимических повторов, что с несомненностью свидетельствует о языковой однородности создавшего ее населения. Так, название реки *Луг* (польское *Leg*) на территории Польши и Западной Украины повторяется свыше 100 раз; *Берза* и производные от нее - 210 раз; *Дубровка* и производные от корня дуб - только в пределах

Польши - 180 раз; *Бобр*, *Бобрава*, *Бобровка* там же - 32 раза; *Кия*, *Киянка* - 15; *Морава*, *Мурава* - 16 раз, не считая рек с таким же названием в Чехии, Словакии, Югославии и Белоруссии. Многократно повторяются также названия *Стрипа* - Лужская и Днестровская, *Липа* - Стырская и Днестровская, *Студянка* - Западно-Бугская и Днестровская, *Черемош* - Закарпатский и Припятский, *Солокия* - Бугская и Днестровская и многие другие. Всего, по подсчетам Филевича, - до 150 названий, связывающих североприкарпатские районы с бассейнами Одера, Вислы, Днепра, Дуная и Эльбы в одно целое.

Во-вторых. В пределах отмеченного ареала отчетливо прослеживается «движение» гидронимов в направлении с запада на восток и с юга на север, определяемое по уменьшительному характеру названий и архаичности образующих суффиксов, что подчеркивали А. Л. Погодин, а позже Т. Лер-Сплавинский. В числе таких дублей можно указать на названия рек *Одр* и *Одрова* в Польше и притока Днепра - *Одров*, болота *Одрино* в Полесье; рек *Тысмен* - в Венгрии и *Тысменица* на Украине; *Лопушна* бассейна Серета и *Лопушнянка* Тиссы Черной; *Коломыя* в Мазовии и *Коломыйка* - притока Припяти; *Оспа* в Польше и *Осница* в Белоруссии; *Олт* в Румынии и *Ольта* украинская (приток Трубежа); *Лом* бассейна Дуная, *Ломна* бассейна Одера и *Ломница* - притоки Днепра, *Попрада* и *Топли*; *Тисса* и *Тиссовец* Днепра, наконец, *Дунай* и *Дунаец* бассейна Вислы, Днепра; *Дунаец* и ряд других, однокорневых с этим названий рек, разбросанных по широкому пространству от Прикарпатья до Южной Прибалтики (ср. литовское *Дюна* - Западная Двина).

Общность гидронимии с повторами деминутивного (уменьшительного) характера имеет место и значительно западнее указанного ареала, достигает среднего течения Дуная и даже заходит на его правый берег: реки *Мура* бассейна Дравы (правого притока Дуная) и *Муреш* - бассейна Тиссы (название однотипное с Моравой, Муравой); *Раба* - правый приток Дуная и *Равка* - бассейн Вислы; *Грон* - левый приток Дуная и *Горнад* - левый приток Тиссы; *Лех* в Тироле и *Лух* - в Польше (немецкое *die Kleine Lohe*, т. е. «маленькая Ло[х]е»).

Продвижение гидронимов из района Верховного и Среднего Дуная и Карпат на северо-восток, свидетельствующее о соответствующем переселении славян

Движение с запада на восток прослеживается и по распространению таких старых славянских гидронимических суффиксов, как *ец*, *ац*, которых чрезвычайно много (местами почти до трети всех названий населенных пунктов) в топонимии Южной Польши, Чехословакии, Сербии и Хорватии. В нашей стране, - по словам В. А. Никонова, - названия с суффиксом *ец* тем гуще, чем древней славянское заселение. Так, в западных областях Украины Ивано-Франковской, Тернопольской и Черновицкой - названия с этим суффиксом составляют более 3 %. В Винницкой и Хмельницкой - 1,5%, тогда как в южных областях - Днепропетровской, Кировоградской, Одесской, Николаевской - лишь какие-то доли процента. В Херсонской подобных названий совсем нет. Та же закономерность наблюдается и среди гидронимов. В верховьях Прута и Серета насчитывается 12% названий рек с суффиксом *ец*, в бассейне верхнего Днестра уже только 5%, в бассейне Северного Донца - 2,5%, в Приазовье - меньше 1 %. Ту же картину дает распространение форманта *ица*. В Словении этим суффиксом образована почти четверть всех гидронимов, на Украине в бассейнах Прута, Серета и в верховьях Донца - меньше 2%. Южнее острова Хортицы по Днепру они отсутствуют совершенно 12 В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 72; ср. Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969, стр. 243.

В-третьих. Топонимия западной части славянских земель, включая сюда также и район Карпатских гор в пределах нынешней Румынии, дышит глубокой архаичностью, на что указывают такие древние ее формы, как *Брда*, *Вда*, *Геда*, *Вкра*, *Скрва*, *Бльг*, *Попрад*, *Гор*, со специфическим для славянских языков сочетанием нескольких согласных. Здесь мы

встречаем также и подавляющую часть гидронимов и топонимов с уже известным нам формантом *ава*, который в славянских языках некогда был достаточно продуктивным, на что указывают такие названия, как *Шумава*, *Одрава*, *Острава*, *Дубрава*, *Планява* (планина - по-болгарски «гора»), *Житава*, *Плугава*, *Влодава*, *Сучава*, *Свежава*, *Морава*. В восточнославянских землях подобных названий мы почти не находим, исключение составляют населенные пункты *Чернява* и *Полтава*, причем славянская принадлежность последнего вызывает большие сомнения (Находящаяся в Крыму *Балаклава*, название которой возводят к имени скифского царя *Палака*, равно как и некоторые другие топонимы и гидронимы Северной Белоруссии и ряда западнорусских областей с формантом *ава*, принадлежат, по-видимому, к неславянскому кругу языков (см. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 152-154). Судя по тому, что названия с суффиксом *ава* отсутствуют в топонимике Болгарии и Южной Сербии, можно полагать, что в славянских языках этот суффикс утратил свою дееспособность уже к началу балканских войн. Тем самым устанавливается и время заселения славянами Днепровского бассейна и сопредельных с ним земель - не ранее конца VI-начала VII в., что, как мы видели, совпадает с датой, определяемой по письменным источникам).

Расселение славян в Карпатах по данным топонимии: коренные славянские земли и западная граница расселения славян в Карпатских горах

Особый интерес представляет наличие большого числа славянских географических названий архаического облика в Карпато-Дунайском бассейне на территории современных Венгерской и Румынской народных Республик, и прежде всего в Трансильвании. Например, реки *Красна*, *Быстра*, *Черна*, *Суша*, *Топля* (более десяти названий), *Сучава*, *Молдава*, *Путна*, *Яблоница*; горы *Свинеча*, *Стынишоара* (т. е.

«Студеные»), Обрежа; населенные пункты Вадудобрей, Петник, Прилипеки, Пригор, Козла, Белобрежка, Поток, Брешница-Окол, Пристол Окна и др. «Славяне были одно время очень многочисленны на территории бывшей Дакии, - пишет румынский ученый М. Макря. - Это явствует из теперешней топонимии, в которой, за исключением некоторых названий рек, сохранившихся еще с античных времен, славянские названия представляют собой самый ранний слой, а также из лексики румынского языка» (М. Макря. Славянский могильник в Сомешени. - «Dacia», t. 2. Bucuresti, 1958, стр. 370. На славянский характер топонимии Карпат впервые обратил внимание еще Н. Надеждин, который писал: «Горбы (т. е. Карпаты. - В. К.) были основным гнездом племени, к которому мы принадлежим. . . и если (это племя. - В. К.) называло их по-своему, значит, нашло их пустыми, безмянными» (Н. Надеждин. Опыт исторической географии русского мира, стр. 52). Позднее в лингвистике возобладало иное мнение. «Теперь для всех ясно, - замечает С. Б. Бернштейн, - что на Карпатах славяне появились не раньше первых веков нашей эры». Ф. П. Филин пишет: «Уже давно высказывалось предположение, что первоначальное значение общеславянского *gora - «холм, возвышенность, покрытые лесом». Когда славяне познакомились с настоящими горами, они применили к ним уже имевшееся у них слово *gora (ср. литовское gire, giria; латышское dzira - «лес», древнепрусское garian - «дерево»). Отсутствует в общеславянском языке название горной цепи. Ее обозначения в славянских языках различны. Общеславянское *chrъbъть - «спина», «спинной позвоночник». . . Переносное значение этого слова «горная цепь» входит в употребление в восточнославянских языках сравнительно поздно. . . Поздними новообразованиями или заимствованиями являются обозначения других особенностей горного ландшафта (ср. в русском переносное значение гребень - «горы», затем ущелье - «пик» и т. д.).

Еще более развернутая аргументация в пользу позднейшего происхождения славянской лексики, связанной с горным ландшафтом, содержится в известной работе советского лингвиста В. М. Иллича-Свитыча «Лексический комментарий к карпатской миграции славян», на которой следует остановиться несколько более подробно. Иллич-Свитыч утверждает, что если слово *polъ имеет различное значение в отдельных западных и южных славянских языках (ср. лужицкое *plonina* - «равнина, ровная поверхность», польское диалектное - «лужайка в лесу», чешское - «неплодородная почва», украинско-гуцульское - «горная равнина», словенское - «безлесая гора», «пастбище в горах», сербское - «горный лес, гора, поросшая лесом», болгарское - «гора») и неизвестно на севере славянской языковой зоны - у русских, то, следовательно это слово представляет собой не что иное, как позднейшую контаминацию. Точно таким же образом анализируются все другие термины горного ландшафта, имеющиеся в славянских языках: *sloпъ* (ср. в Румынии перевал Прислоп), *deъ* - «горная цепь, хребет, гора» (ср. русское - «водораздел»), *rupa* - «яма», «провал» (в румынском *a rupta* - «рвать»), *soteska-souteska* - «ущелье», «проход», *zanoga* - «котловина», *izvor* - «источник» и др.

Следует, однако, заметить, что с выводами автора очень трудно согласиться. Во-первых, он ни в одном из своих примеров не указывает конкретного языка, откуда то или иное рассматриваемое слово могло быть заимствовано славянами. Во-вторых, несовпадение семантики одних и тех же слов в различных славянских языках отнюдь не означает, что данная лексическая единица не является исконной в этих языках, но обязательно заимствована ими. Достаточно указать, например, на резкое расхождение значения такой чисто славянской лексемы, как *позор*, которая в чешском языке имеет значение «берегись», а в русском - «стыд», «срам», или современное польское *uroda* - «красота» и т. п. Расхождения семантики слов - процесс закономерный в родственных языках, особенно, если учесть, что с течением времени славяне оказались в различной географической среде, которая властно наложила на их язык свой отпечаток, приведя к изменению значения одних слов и к забвению других. Наконец, в-третьих, Иллич-Свитыч откровенно постулирует, когда заявляет, что отсутствие тех или иных слов в северо-восточных славянских языках якобы свидетельствует о том, что в южных они обязательно являются в семантическом отношении новоприобретенными. С равным основанием можно утверждать и обратное. Удалившись от гор, восточные славяне забыли многое из тех разделов своей лексики, которая была связана с горным рельефом, а когда в XVII-XVIII

вв. вновь столкнулись с горами на Кавказе и в других местах, то вынуждены были воссоздать недостающие слова в своем языке.

Шаткость аргументации автора видна на примере его этимологии таких слов, как *бърдо* - «гора, холм», а также «деталь старинного славянского ткацкого станка»; *гребень* - «цепь гор» и *скок* - «порог на реке, ручье», в тамбовских говорах «желоб» для подачи воды на водяной мельнице, которые он объясняет переносом технических терминов на явления горного ландшафта. Но, спрашивается, как в таком случае объяснить то, что в славянских и некоторых других индоевропейских языках корневая группа *гр[хр]б* и *бр, кр[б]* используется широко для образования наименований горного ландшафта, различного рода неровностей, изгибов, искривлений, а в переносном значении - всякого возмущения, шума, синкопа, катаклизмы, как-то: *г[о]ра, хребет, грабли, гребля, гриб, грыжа, груша, храповик, г[о]рб, кров (крыша), пруд (запруда), бровь, ребро, обруч, брань, брод* и т. д. Если следовать Илличу-Свитычу, то, например, рассматриваемое им слово *грохот* - в горной терминологии место камнепада - следует производить от современного дробильного агрегата (*грохот*) в горной промышленности, гора - от настенной полки горки в крестьянском доме, *гребень* (горы) - от *гребня* для расчесывания волос (что, кстати, он и делает), несмотря на наличие в русском языке таких слов, как *гребля* - «неровная дорога», *грести* - в смысле «сбивать воду» (в волны), *гребень* - «верхушка крыши» и других.

В целом ряде случаев ошибочность исходных установок заводит Иллича-Свитычу в логический тупик, и он вынужден признавать исконное карпатское (но неславянское?!) происхождение значения ряда слов, как, например, **poteka*, болгарское *пътека, пътечка* - «тропинка», украинское *путишка*, русское *путь*, либо объявлять слова, принадлежащие явно к одному корню, несовместимыми вследствие «несовпадения семантики», вроде *гура* «яма, нора, дупло, долина с крутым склоном», т. е. «пропасть», и чешское *гупат*, русское *рыпать(ся)* - выбираться из чего-либо, литовское *raupasi* - «оспа, каверна», несмотря на то что их корень и значения слов здесь вполне прозрачны.

Мы отнюдь не склонны вовсе отрицать возможность отдельных переносов названий предметов и продуктов деятельности человека на явления природы или географической среды; достаточно вспомнить известный рефрен из «Слова о полку Игореве»: «О, русская земля, уже за шеломянем еси!» Однако в вопросах этимологии следует ориентироваться на более точный показатель - структурную основу рассматриваемых слов.

В связи с указанным нам представляется необходимым сказать несколько слов о названии *Карпаты*. Обычно считают, что это слово является неславянским, а между тем основа здесь все та же, что и в словах *гора, холм*.

В русской летописи Карпаты именуются просто *Горбами*, так же, по свидетельству П. И. Шафарика, называло в его время Карпаты и местное славянское население, а хорваты и веныды использовали для их обозначения еще более архаические слова *Хрб* и *Хриб*. Вместе с тем имеются основания полагать, что в древнеславянском языке указанное название звучало как *Карб* | *Карп*, что следует из наличия лексических параллелей типа *коло* - болгарское «хоровод», *кутор* - «хутор» или летописного *Корсунь* (из Херсон). С течением времени в старославянском языке произошло так называемое смягчение (палатализация) согласных, при котором звук *к* в подавляющем большинстве случаев стал произноситься как *г*, или *х*, или даже *с* (ср. на Могилевщине реку *Хортислава* и населенный пункт на ней *Сертиславль* при первоначальном корне **krti*, согласно исследованию А. А. Вержбовского). В Прикарпатье имеется небольшая речка, которая и по настоящее время носит двойное название *Краничевка* и *Хреничевка*; там же известен населенный пункт *Хриново*, восходящий к украинскому слову *криница* - «колодец». Античные источники упоминают в Карпатах племя *карпов*, о которых Иордан пишет, что это были «чрезвычайно опытные в войне люди», а несколько веков спустя здесь появляются славянские племена *хорутане, хорваты*. Константин Багрянородный упоминает *Великую Хорватию*, из которой вышли все остальные славянские племена.

Палатализация согласных, начавшись, по предположению лингвистов, в конце первой половины I тыс. до н. э., не вполне закончилась еще ко времени прихода в Паннонскую низменность и Карпаты венгров, у которых и в наши дни *Карпач* является одной из

популярных фамилий. Однако хорошо известно, что венгры, придя в Карпаты, застали здесь славянское и отчасти валашское население, в языке которого смягчение столь же распространено, как и в славянском (ср. румыно-молдавское *хырб* - «черепок», *Хыртоп* - «седлообразная возвышенность») и т. д. К топониму Карпат восходят такие слова, как этническое *хорват* (*хрват*), *храбр* (*ый*), первоначальное значение «горец», и племенное *срб*, *серб* (ср. *Кробат* - легендарный родоначальник лужицких сербов), из которых последнее, кажется, является одним из древнейших славянских этнонимов, как о том можно судить по литовскому *sebras* и латышскому *sebrs* - «друг, товарищ». Слово *гора* известно было некогда всем славянским племенам, и в том числе древним болгарам, у которых мы находим названия типа: *Стара* и *Нова Загора*, *Подгорай*, *Горна Тополница*, *Горни Лозен*, *Горна Гнойница*, *Горска Поляна*, *Загориче*, *Горна Кремна*, *Горни Цыбыл*, *Горна Джумая* и т. п. при современном планина.

Древние славяне были хорошо знакомы с горами. «Эти варвары, - пишет об антах Прокопий Кесарийский, - лучше всех других умели *сражаться в гористых и трудных местах*» (курсив здесь и ниже наш. - В. К.). В другом месте, рассказывая об одном из первых крупных нападений славян на Византийскую империю, этот же автор замечает, что «прежде же славяне никогда не дерзали подходить к стенам [городов] или *спускаться на равнину*». И несколько ниже снова: «Боясь его (римского полководца. - В. К.). . . они [славяне] тотчас прервали свой поход на Фессалонику и *не осмеливались больше спускаться на равнину*, но, повернув назад и пройдя по горам всю Империю, они оказались в Далмации».

Нечто подобное сообщает о славянах и Маврикий Стратег: «Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах и на обрывах, с выгодой для себя пользуются [засадами], внезапными атаками, хитростями и днем и ночью изобретая [к тому] много способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей». И еще: «. . . Среди теснин они умеют отлично сражаться». Рекомендую своим полководцам вести со славянами не только оборонительную, но и наступательную войну, Маврикий далее пишет, что «необходимо и во время лета не останавливаться от нанесения им (т. е. славянам. - В. К.) ущерба и заниматься в это время ограблением более ровных и безлесых местностей. . .».)В их числе наименования *Матка* (река в западной части Трансильвании; ср. у Диона Перигета и Стефана Византийского *Матоас*, *Матоас* - древнее название Дуная), *Черна* (река и населенный пункт; колония *Черна* (*colonia Zernensis, Dierna, Tsierna*) упоминается в римских источниках начиная со II в. н. э.); горы *Родня*, *Семеник*, *Лэдурия Краюлуй* (румынская калька со славянского «Окраинный лес»), *Металличи* (ср. аналогичное название в Чехии - Рудные горы); *Воислава*, *Пленица*, *Слэвуца*, *Златна* (населенные пункты; во II в. н. э. на реке Златна (*Zalatna*) находилась римская колония Апула) и т. п. Все это убедительно свидетельствует о том, что данная территория некогда входила в состав древнейших славянских земель.

По таким названиям, как *Пятра-Нямц*, *Стража*, *Войняса*, *Воислава*, *Кут* (старославянское «угол»), *Пленица*, *Крайова* и *Пэдурия Краюлуй*, которые отражают тревожный военный быт, можно даже определить тот предел, до которого славяне первоначально заселяли Карпатские горы на юге (*У варварских народов леса служили естественными границами. Цезарь пишет об обычаях германцев селиться так, чтобы от врага их отделяли обширные незаселенные леса. Один такой «защитный лес» - Бранибор (по-немецки Brandenburg) разделял славян и германцев на севере. Не исключено, что Пэдурия Краюлуй - «Окраинный лес» составлял границу между славянами и фракийцами на юге*). Эта территория совпадает с Лесистым, или Северным, Карпатским хребтом и Трансильванией, известной в средние века под названием Семиградье. Последнее имя, как полагают некоторые исследователи, образовано от числа семи римских колоний, следовательно, в свою очередь может служить одним из

доказательств давности пребывания славянского этноса в рассматриваемом регионе. Наряду с этим из данной территории исключаются Южный Карпатский хребет и Восточное и Южное Предкарпатье.

Расселение славян в Карпатах по данным топонимии: южный предел расселения

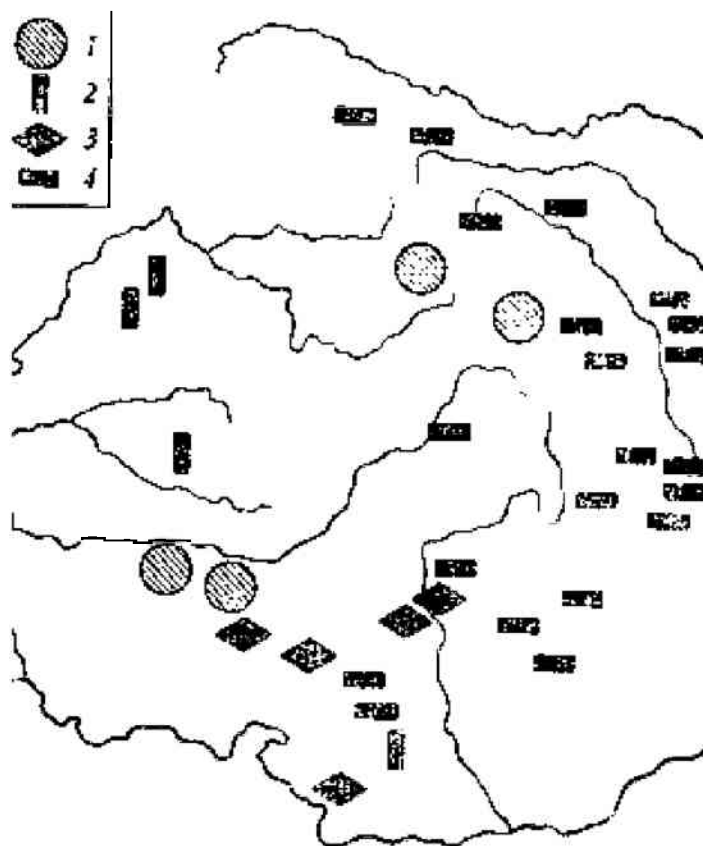
Не менее выразительны географические названия, встречающиеся на восточных склонах Карпатских гор, в древней Молдове. Среди здешних топонимов преобладают названия населенных пунктов со значениями тырг (торг, торжище) - Тыргу-Окна, Тыргу-Фрумос, Тыргу-Секуеск, Домнешти-Тырг, Ясский Тырг; названия рек Путна, Путинка, Путница, Валя-Путней (дословно «Долина Путны»), а также топонимы типа Тэлмач (*То обстоятельство, что некоторые из приведенных наименований, возможно, имеют позднее происхождение, сути дела не меняет, поскольку местоположение населенных пунктов совпадает с естественной границей гор и степей*) и др. Они свидетельствуют о наличии преимущественно мирных торговых отношений славян с их соседями. На первый взгляд, это может показаться несколько странным ввиду того, что на востоке соседями славян являлись степные кочевые народы. Но, по-видимому, резкое различие хозяйственно-производственных укладов населения: с одной стороны - оседлого земледельческого, а с другой - кочевого скотоводческого - и способствовало развитию взаимовыгодных торговых отношений.

Расселение славян в Карпатах по данным топонимии: восточная граница славянских поселений

Северную и северо-восточную границы славянской прародины установить несколько труднее вследствие того, что здесь славяне тесно соседствовали с летто-литовскими племенами, значительная часть которых впоследствии органически слилась с ними, как, например, племя ленчичан с западными славянами (название его объясняется на основе данных балтийских языков: литовское *lenke* - «дол, долина»). Однако по некоторым характерным гидронимам, вроде *Упа* | *Упе* \ *Апе* (от литовского «река»), можно утверждать, что линия раздела между славянами и летто-литовскими племенами проходила где-то в районе северных отрогов Карпатских гор, отклоняясь к югу на востоке и уходя на север в сторону Балтийского моря - на западе (Окольным путем это может быть подтверждено и тем, что предания о Дунае-батюшке, столь широко распространенные еще в недавнем прошлом среди восточных и западных славян, не менее популярны также у литовцев, которые в обозримое письменными источниками время на Дунае не проживали и в балканских войнах славян участия не принимали. Заимствование же ими этих сказаний и песен у славян, как иногда полагают, трудно допустить ввиду того, что в истории не известно ни одного случая сколько-нибудь широкой и массовой ассимиляции литовцами и латышами славянских племен, но только обратное - поглощение и постоянное оттеснение к северу этими последними первых. Следовательно, утверждение о том, что популярность Дуная в среде славян восходит ко времени балканских войн, лишено всякого основания). Почти наверное в состав славянских земель не входила территория современной Словакии, где подавляющая часть гидронимов и топонимов имеет неславянский облик: *Фарн*, *Шарфия*, *Чатай*, *Федемышь*, *Абрагам*, *Мапад*, *Небойсу*, *Шопорня*, *Урмин*, *Гергелов*, *Лапо-Дормоту*, *Медер*, *Бенкеси*, *Баромлак*, *Ямфала*, *Огой*, *Лот*, *Фишь*, *Лулу*, *Мелен*, *Долмад*, *Оловеров*, *Кере-штур*, *Покорадз*, *Реконь*, *Папчу*, *Мелеховы*, *Аранидка*,

Кишид, Шац, Чани, Физер, Калша, Уйлак, Тегень, Лекарш, Гамре, Токайн, Гоча и т. п. Часть этих названий восходит к скифо-аланской языковой среде, часть - к фракийской, часть - к более поздней тюрко-угрской.

Расселение славян в Карпатах по данным топонимии: сводная карта-схема: 1 - коренные земли; 2 - западная граница; 3 - южная граница; 4 - восточная граница

Западная граница расселения славян в древности, вероятно, достигала восточных склонов Альпийских гор, включая сюда бассейн реки Лех - правого притока Дуная в верхнем его течении. Это предположение основывается на том факте, что в славянских языках сохранилось до сегодняшнего дня некоторое количество слов, свидетельствующих о соседстве славян в отдаленном прошлом с народами, говорившими на италийских языках. Укажем на такие лексические совпадения: *огонь* - латинское *ignis*, *море* - латинское *mare*, *вода* - латинское *aqua*, откуда польское название реки *Оки* (*Qwa*), позже, после переселения славян на север и восток, вытесненное заимствованием из северных немецких диалектов (ср. готское *wato*, древнесаксонское *watar*, древнеисландское *vatu* и т. д.), *пахать* - старославянское *орать* - латинское *arare*, *свинья* - старославянское *прася* (откуда современное русское *поросенок*) - латинское *porcus*; *руда* - латинское *raudus*; *весь* - «село» - латинское *vicus* и т. д.

Однако очень рано, возможно еще до окончательного оформления предков славян в особую этническую общность со своим специфическим языком, они отделились от носителей италийской речи, в силу чего между

ними сегодня и не нащупывается сколько-нибудь значительных общих изоглосс. Правда, недавно известному советскому лингвисту О. Н. Трубачеву удалось установить ряд славяно-латинских и славяно-германских лексических параллелей в названиях гончарной посуды при полном отсутствии таковых между славянскими и балтийскими языками. «Балто-славянские языковые отношения в области гончарной терминологии, - замечает О. Н. Трубачев, - не породили ничего равноценного таким параллельным совместным праславянско-италийским инновациям» (О. Н. Трубачев. *Ремесленная терминология в славянских языках*. М., 1966, стр. 194-200. *Славяно-италийские сходжения, выявленные О. Н. Трубачевым, соблазнительно сопоставить с данными В. В. Иванова о связях славянских языков с древними анатолийскими языками, позволяющими, кажется, говорить о первоначально сравнительно южном местоположении славянского языка (и этноса) в системе индоевропейских языков* (Вяч. Иванов. *О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования*. - В кн. «*Вопросы славянского языкознания*», вып. 2. М., 1957, стр. 29; см. он же: «*Общая индоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*». М., 1965)).

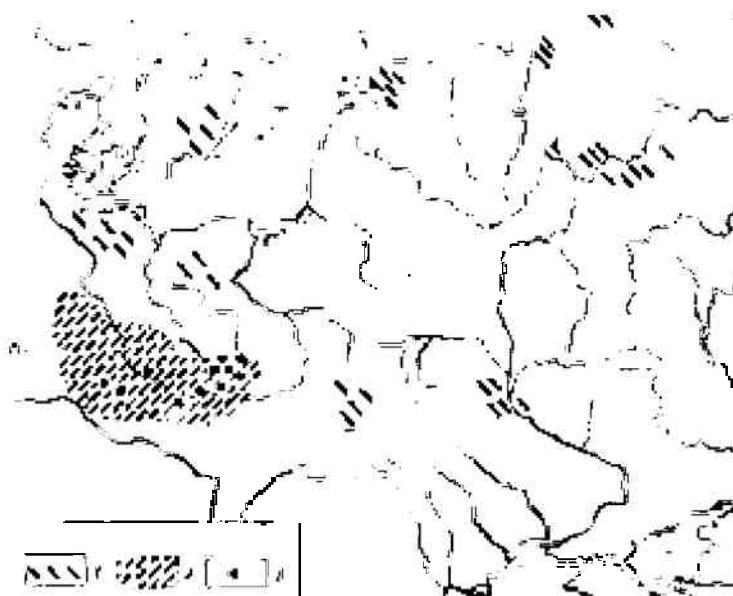
Этот в высшей мере знаменательный факт заставил лингвистов пересмотреть свои взгляды и признать в какое-то неопределенное время истории, как пишет Ф. П. Филин, существование центральноевропейского языкового района («*Вопросы языкознания*», 1967, № 3, стр. 28-29). А это последнее дает возможность надеяться, что на славяно-латинские лексические и другие языковые отношения в ближайшем будущем будет обращать больше внимания, чем до сих пор, а значит, есть основание ожидать и новых открытий в этой области.

Данные О. Н. Трубачева подтверждает археологический материал, который свидетельствует, что истоки материальной культуры славян находились где-то на юго-западе, в районе Карпат и Дунайского бассейна, но отнюдь не на востоке - в Северном Причерноморье или каком-либо другом месте. Так, по словам румынского археолога М. Макри «характерные элементы славянской керамики (форма урн, отсутствие ручек, тщательная обработка на гончарном круге и гребенчатый орнамент из прямых и волнообразных линий) появляются еще . . . в рамках дославянской керамики на территории Придунайских областей в непосредственном контакте с римской и византийской цивилизациями» (М. Макря. *Славянский могильник в Сомешени*, стр. 358, 359).

Это же признают и чешские археологи: «Древняя культура городищ - славянская, кажется, скорее основывалась на культурах латенской и римской. . .» (Юрий Неуступный. *Первобытная история Лужицы*. Прага, 1947, стр. 70; ср. Зденек Неудлы. *История чешского народа*. М., 1952, стр. 203, 204)

Несколько менее четко границы древнейшей славянской прародины рисуются по антропологическим данным, но и здесь общий абрис полностью совпадает с очерченным выше контуром. Так, если взять антропологический материал лишь из несомненно славянских земель - района к северу от Карпат, то мы обнаружим четыре основных антропологических типа: 1) умеренно длинноголовый с небольшими размерами черепа и лица, так называемый прибалтийский; 2) длинноголовый широколицый - кроманьонский; 3) длинноголовый узколицый - моравский и 4) среднелинноголовый широконосый и

прогнатный (с выступающими вперед челюстями) - силезский, известные в данных местах уже с эпохи неолита и ранней бронзы и пережиточно встречающиеся даже в наши дни.

Антропологические типы Центральной и Восточной Европы в эпоху неолита и ранней бронзы (по Т. А. Трофимовой): 1 - долихокранный широколицый (кроманьонидный); 2 - долихокранный узколицый; 3 - тип, соответствующий культуре ленточной керамики

Первые два из названных типов в эпоху неолита и бронзы были распространены гораздо шире, чем очерченная нами или признаваемая другими славистами территория древнейшей славянской прародины (прибалтийский, например, тип был известен в Ютландии, на юге Скандинавского полуострова, в Южной и Северо-Восточной Прибалтике и в ряде других смежных территорий Восточной Европы), и вряд ли могут быть признаны исконно славянскими. Распространение среди славян в средние века прибалтийского типа объясняется, с одной стороны, усилением контактов между отдельными племенными группами и народами, а с другой - экспансией с севера на юг «прибалтийцев», в которых, вероятно всего, следует видеть протооснову древних германцев. Появление кроманьонидных черт в физическом облике средневековых западных и восточных славян, напротив, можно увязать с продвижением их в районы обитания летто-литовских племен и ассимиляцией этих последних славянами на всем пространстве к северу от Карпатских гор вплоть до озера Ильмень и верховьев Волги и Оки.

Наибольший интерес для нас представляет третий, или моравский, антропологический тип, границы распространения которого целиком умещаются в рамках реконструированной нами древнейшей славянской прародины. Этот «долихокранный узколицый тип, выявляющийся, - по словам Т. А. Трофимовой, - наиболее ярко у славян из Угорской Скалицы (Моравия) и Слабошева, прослеживается через унетицкую культуру до неолитического населения культуры шнуровой керамики па территории Чехословакии», а также в «Австрии унетицкого и гальштатского времени» (Т. А. Трофимова. Краниологические данные к этногенезу западных славян. -

«Советская этнография», 1948, № 2, стр. 61 и прим. С указанным небезынтересно сравнить описание внешнего облика славян, оставленного античными и раннесредневековыми авторами. Так, например, Маврикий Стратег называет славян «желтым народом». Прокопий Кесарийский отмечает, что «они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый, и не совсем черный, но все они темно-красные». Следовательно, даже смуглым грекам славяне не представлялись слишком светлокожими и светловолосыми, какими изображаются в источниках, например, древние германцы. У арабских писателей сакалб обозначает одновременно «шатен» и «белокурый», но в то же время Ибрагим Ибн Якуб с удивлением замечает, что «жители Чехии смуглые». Низами в поэме «Искандер-наме» сравнивает «красные лица русов» с огнем, «пылающим в храме огнепоклонников». В другом месте эпитет «красный» Низами связывает с понятием «славянский» (принцесса «с красным лицом славянским») (Низами Гянджеви. Искандер-наме. Баку, 1940, стр. 325)). В период раннего средневековья с этим типом сближается население, проживавшее в районе Познанского воеводства (Польша), и некоторые группы восточнославянского племени северян.

Таким образом, и из антропологических данных как будто вытекает тот же самый вывод, а именно что областью первоначального формирования славянства является территория, непосредственно примыкающая к среднему и отчасти верхнему течению Дуная и охватывающая верховья рек Эльбы, включая и ее левые притоки, Одера и Вислы (Очерченное нами местонахождение древней прародины славян хорошо согласуется с лингвистическими данными, согласно которым наиболее ранние заимствования в славянских языках из германских (в частности, в области социальных отношений) сделаны из западных германских диалектов, а не из восточных, как следовало бы ожидать. Это в свою очередь целиком и полностью соответствует историческим сведениям о заселении германцами их нынешней территории, которые свидетельствуют, что «первыми по северогерманской равнине, между южными возвышенностями и Балтийским и Северным морями, продвинулись искевоны», т. е. западная ветвь германских племен (Ф. Энгельс. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19. М., 1961, стр. 454). В исторической литературе неоднократно отмечалось, что источники первой половины I тыс. н. э. содержат ряд слов, принадлежность которых к славянскому языку почти неоспорима. Это Бабыи горы (Бебии ори), река Моравия и город Сербинум, упоминаемые Птолемеем, указанные выше реки Черна, Матоа-Дунай (ср. с рекой Маткой в бассейне Тиссы), Болонья - местность (позже город) в северо-восточной части Италии, Потиссье (Пауисос) Страбона, соответствующее Партиссус Плиния и Партискусу Аммиана Марцеллина, дакийские гидронимы Залатна, Гобица с их чисто славянскими окончаниями, племя озерята, обитавшее в «мокрой» Паннонии между Дунаем и Балатоном, город Горный Марг (Horgeum Marg) по соседству с Ровным Маргом (Margum Planum) неподалеку от современного сербского села Равна-Река, слова мед (медос) - напиток у гуннов истрава (strava) - «поминальный пир», устроенный, по сообщению Иордана, на гунгиле Аттилы, слово, которое в том же значении «поминки» и поныне встречается в ряде диалектов польского, чешского, словацкого, украинского и русского языков.

Имеется и лапидарное свидетельство наличия славянской речи на берегах Дуная первых веков нашей эры. Это надмогильная надпись, найденная в Трансильвании на реке Черной в окрестностях римской колонии того же имени. Она гласит: D. M. Jul. J. Fil. Sergia. Basso. Decemvir. Dobretae. Quaestori. Interfecto. A. Latronib, т. е. некто «Сергий Басе, децемвир Добреты, квестор, убит разбойниками». С другой стороны, и сами славяне до конца средних веков сохраняли в своем языке наименование Семиградье для Трансильвании или Закарпатья в широком смысле этого слова, которое некоторые исследователи возводят к периоду римской оккупации Дакии (106-277 гг. н. э.), когда на ее территории существовало семь крупных городов-колоний, жители которых имели права римского гражданства. Это колонии Черна, Сармизегетуза, Апула, Напока, Патависса, Параллиса, Сентапутя. О том, что славяне жили некогда на Дунае и лишь впоследствии были отброшены от него другими народами, свидетельствуют и некоторые письменные источники. Так, Феофилакт Симокатта (первая половина VII в.) пишет, что славяне в древности были известны под именем гетов («так в старину называли этих

варваров»). Славян и антов, кажется, следует видеть и в гетах Аммиана Марцеллина (вторая половина IV в.). Любопытно также высказывание Клавдия Клавдиана, современника Аммиана Марцеллина, о том, что геты были светловолосыми («амазонки победили белокурых гетов»).

Конечно, все эти известия нельзя понимать буквально, поскольку в античных и средневековых памятниках сплошь и рядом старые этнические названия с течением времени переходят в разряд землеописных и даются самым различным народам. Достаточно вспомнить гетов Иордана, которых он отождествляет с готами, или тавроскифов - русов Льва Диакона, киммерийцев-гуннов Прокопия Кесарийского и т. п. Однако в примере со славянами наряду с указанным смешением обращает на себя внимание полное молчание источников о происхождении славян, а ведь античные авторы никогда не забывают сказать о происхождении кочевников, передвинувшихся в Европу из Азии, например о гуннах, аварах, болгарях и таких европейских народах, как негры, кельты, германцы.

Эту особенность в сообщениях древних писателей подметил еще П. И. Шафарик, который писал, что в глазах греческих и римских писателей первых веков средневековья славяне выглядели старым, хорошо известным, по его выражению «домашним», народом, который ниоткуда не пришел, но всегда жил где-то поблизости от их земель. Развивая эту мысль, Е. Ч. Скржинская замечает, что Прокопий Кесарийский уже в VI в. «в категорической форме и вовсе не как о чем-то новом записал, что анты и скламены занимают большую часть земель по левому берегу Истра»).

БЕРЕГА ПОЗАБЫТОЙ ОТЧИЗНЫ

Память о проживании некогда славян на Дунае сохранилась и в русской летописи, в которой об этом говорится трижды. Первый раз в связи с изложением библейского сказания о Вавилонской башне и образовании языков мира: «По мнозех же времях сели суть словени по Дунаевы, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех словен разидошася по земле (здесь и ниже курсив наш. - В. К.) и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Морава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хровате белии и серебрь и хорутане». Второй раз - в рассказе о создании славянской грамоты: «Бе един язык словенск: словени, иже сядяху по Дунаевы, их же прияша угри. . .» и в третий раз - в повествовании о принятии славянами христианства: «. . . Ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел; ту бо беша словене первое. . . от него же языка и мы есмо. . .» («Повесть временных лет», т. 1, стр. И, 21, 23).

Однако многие ученые подвергают сомнению достоверность летописных известий на том основании, что, во-первых, память летописца простирается в глубь веков не далее середины VI в. (См., например: Д. Иловайский. Вероятное происхождение св. княгини Ольги и новый источник о князе Олеге. М., 1914; Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. - «Сборник по русскому языку и словесности», т. 2, вып. 1. Л., 1930, стр. 77 и прим. Л. Нидерле считал, что сведения летописца не опираются даже на народные предания, но представляют собой чистый вымысел, «если только он сам не создал их или не воспринял от другого летописца, который был их создателем. Такой вывод вытекает не только из общей концепции летописца, из всецело библейского характера его исходных положений и из некоторых других сведений, но и из всех фактических данных. . .» (Л. Нидерле. Славянские древности, стр. 17). Аргументация у автора, как нетрудно заметить, сведена больше к намекам, чем к рассмотрению существа вопроса), а во-вторых, если бы славяне действительно жили на Дунае, сведения о них так или иначе

просочились бы в греческие и латинские письменные источники. Античные же писатели упоминают о славянах лишь с конца V-начала VI в., когда они вышли к Дунаю, северному рубежу Византийской империи.

Как видим, критикам летописного сообщения о дунайской прародине славян нельзя отказать ни в достаточной аргументации, ни в стройности взглядов. И все же внимательное ознакомление с текстом летописи и всем кругом источников, относящихся к интересующему нас предмету, показывает, что нет никаких серьезных оснований для того, чтобы не доверять летописному известию о раннем проживании славян на Дунае.

Если принять тезис скептиков о том, что у русской летописи «короткая память», потому что в ней нет упоминаний о готах, гуннах и других народах, обитавших по соседству со славянами в IV-V вв., то как тогда объяснить молчание летописи о походах славян на Дунай и о заселении ими Балканского полуострова во второй половине VI-начале VII в.?

Другой пример. Мы не находим в летописи ни слова о походах славян-русов в Закавказье в X-XII вв. или об основании русского Тмутараканского княжества на Таманском полуострове. Обо всем этом мы узнаем из других источников.

Очевидно, умалчивая о тех или иных событиях, летописец руководствовался какими-то своими соображениями: делил факты на более важные и существенные, с его точки зрения, и оставлял без внимания все малозначительное и второстепенное. Именно с таких позиций, на наш взгляд, и следует рассматривать «память» летописца.

Несколько сложнее обстоит дело с отсутствием прямых письменных свидетельств о славянах первой половины I тыс. н. э. и ранее. Действительно, о кельтах мы имеем известия начиная с V в. до н. э., о германцах - с конца II в. до н. э., о прибалтийских племенах - эстах, галиндах, судинах - начиная с I-II вв. н. э. О славянах источники заговаривают лишь спустя полтысячелетия. Все это можно, однако, объяснить тем, что на рубеже нашей эры и в первых веках нашей эры славян уже не было на Дунае: они оказались оттесненными в более северные и восточные глухие районы, находившиеся вне сферы политических и военных интересов античных государств.

Рассказ об этом событии, имевшем для славян характер «национальной катастрофы», сохранился в русской Начальной летописи: «Волхом бо нашедшем на словени на Дунайския, и седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове, друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, реки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша и Новъгород. А

друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася север. И тако разидеся словеньский язык. . .» («Повесть временных лет», т. 1, стр. 11).

Упомянутые летописные волохи остаются научной проблемой до сегодняшнего дня. Некоторые видят в них римлян времен императора Траяна, разгромивших и подчинивших Дакию в начале II в. н. э. Академик А. А. Шахматов считал, что волохи - это франки Карла Великого, В. Панов и В. Д. Королук склоняются к тому, что под волохами следует понимать как римлян, так и местное романизированное население («Под волохами русским летописцем понимались как древние римляне, так и местное неславянское население среднего Подунавья», - пишет В. Д. Королук (В. Д. Королук. Волохи и славяне «Повести временных лет». - «Советское славяноведение», 1971, № 4, стр. 53). В своем исследовании автор утверждает, что введенная русским летописцем в текст его произведения дунайская «теория славянской прародины и древнего волошского завоевания должна была доказать древнеапостольский, независимый от Византии источник возникновения христианства у славян и на Руси. Она отражала необычайно возросшее державное и национальное самосознание Руси в конце XI-начале XII в. при Несторе-летописце» (там же, стр. 54)).

Четверть века тому назад проф. С. П. Толстов высказал мысль, что под летописными волохами следует подразумевать кельтские племена, которые в IV-VI вв. до н. э. широко расселились по всей Европе. В обоснование своего предположения С. П. Толстов ссылался на почти полное совпадение территории расселения кельтских племен и позднейшего романизированного населения, а также на археологический материал, который рисует нам яркую картину крушения в V-VI вв. до н. э. центральноевропейской гальштатской культуры раннежелезного века под ударами латенской культуры, распространившейся с территории Франции (С. П. Толстов. Нарцы и волохи на Дунае, стр. 14-19. Мысль о том, что в волохах русской летописи следует видеть кельтские племена, задолго до С. П. Толстова в общих чертах высказывали чешские ученые И. Добровский и П. Шафарик, не приводя, впрочем, никаких особых доводов. По мнению С. П. Толстова, именно от кельтов в свое время вынуждены были уйти с Дуная нарцы, которых автор считает протославянами.

Кельты, осевшие в долине Дуная во второй половине I тыс. до н. э., были весьма многочисленными. Арриан пишет, что Истр разделяет «воинственнейшие народы, по большей частью кельтские, из владений которых и берет свое начало». Господство кельтов на Дунае длилось до середины I в. до н. э., когда Буревист - вождь гетов, по словам Страбона, «опустошил Фракию до пределов Македонии и Иллирии, разорил область кельтов, смешавшихся с фракийцами и иллирийцами, и совершенно уничтожил боев, бывших под властью Критасира и таврисков»).

Из названных гипотез последнюю, т. е. гипотезу С. П. Толстова, мы считаем наиболее перспективной и обоснованной.

Действительно, если допустить, что славяне были вытеснены с Дуная Траяном или Карлом Великим, то почему об этом молчат античные и позднеримские писатели? Если волохи - это римляне или франки, то почему итальянцы называют так сербов и хорватов с островов вокруг города Дубровника (Рагузы) (В современном польском языке слово Влох (Wloch) обозначает Италию, но это, по-видимому, позднейшая контаминация, обязанная своим возникновением поселению кельтов в Северной Италии (Цизальпинская Галлия), в последующие времена подвергшихся романизации). Источники упоминают волохов в самых различных местах Карпато-Дунайского бассейна, и в том числе в

Чехии, Венгрии, Румынии и других, куда римские колонисты или франки Карла Великого никогда не заходили.

Далее, в наиболее ранних документах о волохах всегда говорится как о пастушеском народе, ведущем бродячий образ жизни. Так, в «Законнике» сербского короля Стефана Душана (середина XIV в.) волохи («влахи») по нравам и обычаям сопоставляются с цыганами (статья 82), Полукочевым народом изображаются волохи и в анонимной венгерской хронике времен короля Белы III, в Чехии влахами именовала себя значительная часть моравян, которые, по данным Миклошича, происходили от осевших на землю кочевых волошских общин.

В Македонии отдельные группы волохов-аромунов вели кочевой образ жизни еще в начале XX в. Наконец, в Сербии, Боснии и Герцеговине имя *влах* сербами-католиками и мусульманами давалось по преимуществу православному населению, каковым ни франки, ни римляне, ни итальянцы никогда не были. И последнее, в летописи «волохи», «Волошская земля» упоминаются в числе северных европейских стран и помещаются по соседству с англами («Повесть временных лет», т. 1, стр. 11) (что перекликается со старыми англосаксонскими летописями, в которых древнее коренное население Франции именуется *гельвалос*, т. е. галловлахами).

Итак, летописные волохи, осевшие в долине Дуная, - это, скорее всего, кельты. Именно они и вытеснили славян с Верхнего и Среднего Подунавья и с Карпатских гор в глухие леса и горы Северного Прикарпатья.

Оказавшись в изоляции, славяне несколько задержались в своем (Общественном и культурном развитии. Феофан (вторая половина VI в.) и Феофилакт Симокатта (первая половина VII в.) приводят любопытный рассказ о трех славянах-гуслярах, попавших в 583 г. в руки византийцев. «... На другой день захвачены были римлянами три славянина без всяких железных доспехов с одними только гуслями. Император спрашивал, откуда они и где живут. Они отвечали, что они родом славяне, а живут у края Западного Океана. Каган [Аварский] прислал к ним послов и дары их родоначальникам, чтобы они вместе с ним воевали против римлян. Но вожди славян послали их ответить Кагану, что по причине дальности пути не могут прислать ему вспомогательный отряд. Эти славяне говорили, что они шли восемнадцать (у Симо-катты 15. - В. К.) месяцев, пока, наконец, попали в руки римлян. Они говорили, что носят гусли и не умеют облекаться в доспехи, потому что страна их не знает железа. Маврикий, подивившись их росту и похвалив их величавую наружность, отослал их в Гераклею» (Феофан. Летопись. - «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 271, отрывок 69).

Славяне вели в этот период простой патриархальный образ жизни, процесс классового образования находился у них на той стадии, которую в исторической литературе обычно именуют «стадией военной демократии».

«Эти племена, славяне и анты, - читаем у Прокопия Кесарийского, - не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. Равным образом и во всем остальном, можно сказать, - у обоих этих названных

варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один бог-творец молний - является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне, попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. . .»(Прокопий из Кесарии. *Война с готами*, III, 14, 22).

Нарисованную Прокопием Кесарийским картину дополняет автор «Стратегикона»: «Племена славян и антов . . . сходны по своим нравам, по своей любви к свободе, их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково, оказывая им знаки своего расположения, [при переходе их] из одного места в другое охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел [какой-либо] ущерб, принимавший его раньше начинает войну [против виновного], считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая [срок рабства] определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, [где они находятся], на положении свободных и друзей?

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считает смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушает себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь. . .

Каждый [из них] вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но труднопереносимые. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом. . .

Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, неспособны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти в бой, то они во время его с криком (*Не будучи знакомыми с тактикой регулярного боя, варварские народы перед началом сражений стремились морально подавить и устрашить врага своими воинственными криками, воем и шумом, производимыми стуком оружия о щиты (ср. общеславянское - война, воин, т. е. «тот, кто воет»; современное выражение бряцать оружием - «похваляться»).* В «Слове о полку Игореве» про дружинников черниговского князя Ярослава говорится, что «тии бо бес щитовь с засапожники кликом плькы побеждают») слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают, в противном случае обращаются в бегство, не спеша помериться с силами неприятелей в рукопашной сватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют

отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают [как бы] под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами с целью заманить противника»(*Маврикий. Стратегикон, XI, 5*).

Обрисованный общественный строй удержался у славян недолго. Спустившись с гор и выйдя вновь на берега Дуная, славяне совершили быстрый скачок вверх по социально-политической лестнице. Через несколько десятилетий после того, как византийцы впервые столкнулись со славянами, у последних уже появились крупные племенные вожди и знать, владевшая землей, рабами и челядью и державшая в своем подчинении более бедных своих сородичей. Византийские писатели упоминают имена некоторых из этих вождей: Ардагаста, повелителя целой «страны»; Мусокия, которого «подданные» ему варвары «на своем языке» называли, по словам Феофилакта Симокатты, «рексом», т. е. царем; Пирогаста; Мезамира, сына Идаричева, брата Келагастова, имевшего «великое влияние между антами», и др.

Освоили в совершенстве славяне и военное дело. «Приблизительно в это время войско славян, - пишет Прокопий, - перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, славяне смогли взять. . . и обходили все места, где хотели, производя опустошения. Военачальники Иллирии с 15-тысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелям. . . нигде не решались». И далее: «. . . Около этого же времени войско славян, собравшись не больше чем в 3 тыс. человек, перешло через реку Истр, не встретив ни с чьей стороны противодействия, и затем без большого труда, перейдя реку Гебр, разделилось на две части. В одной части было 1800 человек, вторая включала всех остальных. Военачальники римского войска вступили с этими войсками в открытое сражение, но хотя эти части и были разъединены, однако римляне были разбиты их внезапным нападением, и одни из них были убиты, другие в беспорядке бежали, спасаясь от них. Когда начальники римлян были таким образом прогнаны обоими отрядами варваров, хотя те были намного слабее римлян, то один из неприятельских отрядов вступил в сражение с Асбадом. Этот был из отряда телохранителей императора Юстиниана, зачисленный в состав так называемых кандидатов; он командовал регулярной конницей, которая издавна имела пребывание во фракийской крепости Тзуруле и состояла из многочисленных отличных всадников. И их без большого труда славяне обратили в бегство и во время этого позорного бегства очень многих убили. . . После этого они стали безбоязненно грабить все эти местности и во Фракии и в Иллирии, и много крепостей тот и другой отряд славян взял осадой»(*Прокопий из Кесарии. Война с готами, III, 29, 38, 40*).

Отряды славян проходят весь Балканский полуостров до Ионийского моря, Фессалии, Аттики и Пелопоннесского полуострова, «зимую здесь как бы в собственной земле», сетует Прокопий Кесарийский. Юстиниан I, прославленный византийский император, напрасно строит крепости и

восстанавливает старинные заброшенные укрепления по Дунаю и внутри страны - славяне берут их приступом или после осады, как взяли, например, крупный приморский город Топер всего в 12 днях пути от столицы империи. «Позднее император. послал, против них отборное войско, во главе которого между прочим, - добавляет тот же писатель, - стояли Константин, Аратий, Назарес, Юстин. . . и Иоанн по прозвищу «Фага». Главным начальником над ними он поставил Схоластика, одного из дворцовых евнухов. . . Произошел сильный бой, и римляне были разбиты наголову. Здесь погибло много прекрасных воинов; вожди же, которым грозила близкая опасность попасть с остатками армии в руки врагов, с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары захватили знамя Константина и, не обращая внимания на римское войско, двинулись дальше. Они получили возможность ограбить местность, так называемую Астику, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом. . . варвары подошли к «Длинным стенам», которые отстоят от Византии не больше одного дня пути». Со времени Юстиниана славяне совершали свои набеги на Балканы почти ежегодно, «так что эта страна повсюду [стала] подобной скифской пустыне», - заключает Прокопий(*Прокопий из Кесарии. Тайная история XVIII, 17*).

При императоре Тиверии, как сообщает Менандр (Протиктор), «славянский народ в числе около 100 тысяч человек [вновь] опустошал Фракию и многие другие области». Сирийский церковный историк Иоанн Эфесский, касаясь последнего события, писал: «На третьем году по смерти императора Юстина и правления державного Тиверия двинулся проклятый народ славян, который прошел через всю Элладу и по стране Фессалонике и по фракийским провинциям, взял много городов и крепостей, сжег, разграбил и подчинил себе страну, сел на ней властно и без страха, как в своей собственной. И вот в продолжение четырех лет и до тех пор, пока император был занят Персидской войной и отправил все свои войска на восток, вся страна была отдана на произвол славян; последние заняли ее и растеклись по ней на время, какое назначил бог. Они опустошают и жгут и грабят страну даже до внешних стен, так что захватили и все императорские табуны, много тысяч голов скота и другое. И смотри, вот - 895-й год (584 г. по современному летосчислению. - *В. К.*) - они живут и сидят, и грабят в римских провинциях без забот и страха, убивая и сжигая; они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне, [и это] люди простые, которые [еще недавно] не осмеливались показаться из лесов и степей и не знали, что такое оружие, - исключая двух или трех дротиков»(*Иоанн Эфесский. Церковная история, VI, 25*).

Походы славян против Византийской империи привели со временем к заселению славянами долины Дуная и севера Балканского полуострова и ассимиляции ими местного фракийского, иллирийского и отчасти греческого и романизованного населения. С точки зрения истории это было, однако, не столько завоевание, сколько возврат народа на земли своей древней прародины, утраченной им почти тысячелетие назад. Так, в частности, расценивали балканские войны ранние средневековые и славянские хронисты, опиравшиеся, по-видимому, на какую-то древнюю

(позднее позабытую) устную традицию (в «Житии св. Клементина» (XIII в.) говорится, что «мизы европейские (так автор именуется славян), будучи откинутыми Александром Македонским к северу, вернулись и заняли все Балканы». Собственно мизы (мезы) - фракийское племя, жившее в низовьях Дуная. Отождествление мизов со славянами произошло не только потому, что славяне между VI и VII вв. заняли их земли, но и вследствие тесного соседства в более отдаленном прошлом. На это указывают как будто русские слова муж, мужик, мужественный - первоначально означавшие «горожанин, благородный» (ср. летописные выражения: «мужи псковские», «мужи новгородские», «муж славный. . .» и т. п.). Имя другого фракийского племени даков звучит в наименовании дечан - одного из чешских племен, упоминаемых Козьмой Пражским,

Память о старой прародине славян на Дунае у западных славян была жива еще в XIII в. и нашла свое отражение в легенде, записанной Богухвалом о праотце всех славян Пане (!) и его сыновьях Лехе, Чехе и Мехе (Мизе?) или Русе. Паннония, по словам Богухвала, была подлинной матерью и колыбелью всех славянских племен: «*Sit mater et origio omnium sclavonicarum nationum*» (*Voguphali. Chronicon Poloniae. Varsaviae, 1752, s. 2*). То же самое сообщает польский историк Длугош: «. . . *Primam et veteram Sclavorum sedem*» («. . . Раньше и древнее [всего] славяне жили [в Паннонии]» (*J. Dlugosii. Historiae Poloniae, t. 1. Cracoviae, 1873*).

Принято считать, что «подобная традиция является всего лишь вымыслами, возникшими в чешских и польских монастырях в XII-XIII вв.» в связи с идеологической борьбой западных славян против немецкого засилья. Но при этом забывают, что такая же традиция (о проживании славян на Дунае) имеется и в русской Начальной летописи, восходящей в своей первой редакции к гораздо более раннему времени и стоящей в стороне от указанных споров. Еще важнее то обстоятельство, что в языке западных славян до настоящего времени сохранился социальный термин *пан* в значении «господин, повелитель». По-видимому, в древности *паны* были значительным племенем, ведшим пастушеский образ жизни и в течение какого-то отрезка времени властвовавшим над частью славянских племен. Аппиан пишет, что «*пеоны* - большой народ около Истра, населяющий все пространство от япидов до дарданов», добавляя, что «пеонами их называли эллины, а по-римски они *паннонии*». Плиний Старший упоминает какие-то «*Паннонские стоянки*» в Карнунте («Естественная история», IV, 80).

Для древних греков, стоявших на более высокой ступени общественного развития, чем славяне, *паны* были просто полудикими номадами. В греческой мифологии Пан (занявший место Гефеста) считался богом леса и покровителем стад. Его изображали в виде получеловека-полукозла с косматой бородой и нечесаными волосами, с толстым курносом. Как «худородный» бог Пан не был принят в число олимпийских богов).

ПОГИБОША АКИ ОБРЕ

В походах славян на Балканы в VI-начале VII в. принимали участие, по-видимому, не все славянские племена, но, скорее всего, та их часть, которая была известна под именем *склавлен* и *антов*, если верно, конечно, предположение, что упоминаемое Иорданом деление славян на «венетов, антов и склавенов» отражает не просто тройственное их наименование, но реальное распадение на обособленные племенные группы.

Иордан указывает, что у себя на родине анты и склавены жили в тесном соседстве друг с другом: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север - до Висклы. . . Анты же, сильнейшие из обоих [этих племен], распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует изгиб. . .» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов, 35). Это же подтверждает и Маврикий, когда

говорит, что «между ними (т. е. между антами и склавенами. - В. К.) нет столь большого расстояния, чтобы стоило [о нем] упоминать».

О том, что Днестр был пограничной рекой между склавенами и антами, свидетельствует археология: керамику западнославянского облика, так называемого пражского типа, обнаруживают на востоке вплоть до этой реки (Сучава, Тыргул-Секуеск, Бухарест, Сэрата-Мон-теору, Балта-Верде)(М. Кишваси-Комша. *Археологические памятники VI-VII вв. в РНР. - «Dacia», t. 1. Bicuresti, 1957, стр. 327*), тогда как славянскую керамику восточного типа находят лишь в пределах современной Молдавской ССР и Правобережной Украины (Глинча I, Лука-Райковецкая, Алчедар, Лопатна).

О южном пределе расселения антов сообщает Прокопий Кесарийский. Он пишет, что император Юстиниан в 546 г. предложил антам занять заброшенный от постоянных набегов город Туррис с областью и за крупную сумму денег не пропускать к Дунаю гуннов (авар?). Местоположение этого города определяют по его имени обычно в низовьях Днестра, который у турок и поныне называется Турлу, а один из его рукавов носит наименование Турунчук.

Значительно сложнее установить более четкие границы расселения антов и склавен на западе и востоке. Ориентиры, которые дает Иордан, в этом случае, нам с точностью неизвестны. Название Новиетун (по-кельтски «Новый город») ничего не говорит, поскольку таких городов мы знаем несколько, в том числе один на реке Саве в Паннонии (Невиодун), а другой (Новиодунум) возле Исаки на нижнем Дунае. Что касается Мурсианского озера, то одни ученые (а таких большинство) ищут его в низовьях Дуная, где известно множество озер, заводей и лиманов, образуемых течением этой реки и впадающими в нее притоками, другие - в Паннонии, полагая, что это или Балатон или Нойзидлерское озеро в северо-западной части Венгрии. Имеется и третья точка зрения: озеро Мурсия - это не столько озеро, сколько заболоченная местность при устье реки Савы.

Из этих мнений первое, несмотря на всю его популярность (кстати, исключительно за рубежом), должно быть сразу же категорически отвергнуто, и вот по каким соображениям. Во-первых, археология обнаруживает бесспорную славянскую культуру VI-VII вв. (горшки «пражского типа») на западе, начиная с территории Чехии, которая по этой причине никак не может исключаться. Во-вторых, славяне по письменным источникам заселяли не какой-то узкий отрезок течения Дуная у его дельты, но жили «на большей части берега этой реки»(Прокопий из Кесарии. *Война с готами, III, 14, 22*). «Их реки, - по словам Маврикия Стратега, - вливаются в Дунай». Но в нижнем Дунае нет ни больших лесов, о которых также пишут эти авторы, ни более или менее значительных рек, исключая Прут и Серет, все остальные в летнюю жару пересыхают и не доходят до Дуная. Напротив, бесчисленные реки, речушки вливаются в Дунай на всем остальном его протяжении, особенно много их между Арджешем и «Железными воротами». В-третьих, живы славяне только в низовьях Дуная, они вряд ли смогли бы совершать свои набеги в район Иллирии, Далмации, а также принимать активное участие в делах Италии, лангобардов, а с начала VII в. вторгаться в Истрию,

Баварию, плавать по Средиземному морю (в 642 г. славянский флот появляется у берегов Апулии) и т. д. В-четвертых, Прокопий Кесарийский приводит рассказ о не-ком Ильдигесе, претенденте на лангобардский престол, который неоднократно находил себе убежище и поддержку у гепидов, живших в междуречье Дуная и Тиссы и отчасти в Паннонии, и у славян. Под конец своей неудачной политической карьеры, «перейдя через реку Истр,- пишет Прокопий,- он [Ильдигес] вновь удалился в область славян». Славяне в этом отрывке выступают ближайшими соседями гепидов.

Расселение славян в VI в. н. э. (по Иордану)

Гепиды неоднократно перевозят славян на северный берег Дуная, когда те возвращаются домой после набегов на византийские владения. Об одном таком случае автор рассказывает следующее: «Даже при переправе через Истр, римляне не смогли устроить против них (т. е. славян.- В. К.) засады или каким-либо другим способом нанести им урон, потому что их приняли к себе гепиды, продавшись им за деньги, и переправили их, взяв за это крупную плату: плата была статер (золотая византийская монета.- В. К.) с головы». И далее: «По этой причине император был очень огорчен и обеспокоен, не зная, каким образом в дальнейшем он сможет отразить их, когда они будут переходить Истр с тем, чтобы грабить Римскую империю, или когда они будут уходить отсюда с добычей. По этому поводу он хотел заключить какой-либо договор с гепидами». И еще: «Немного спустя, когда лангобарды на основании союзного договора попросили прислать им помощь против гепидов, император Юстиниан отправил войско, обвиняя гепидов в том, что после заключения договора они переправили через Истр некоторое количество славян во вред римлянам»(Там же, III, 34; IV, 25).

О расселении славян в VI в. в непосредственной близости от среднего Дуная свидетельствует и такой факт, приводимый Прокопием

Кесарийским: «. . . Когда герулы были побеждены в бою лангобардами и должны были уйти из места жительства отцов, то одни из них. . . поселились в странах Иллирии, остальные же не пожелали нигде переходить через реку Истр, но обосновались на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего прошли подряд через все славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, они достигли страны так называемых варнов. . .» (*Там же, II, 2, 15*) В-пятых, искать озеро Мурсию следует там, где имеется созвучная этому названию топонимия и гидронимия, а она находится опять-таки в районе Паннонии - среднего Дуная. Это река Мура, верхний приток Дравы, река Марта, современная Морава чешская, река Муреш - приток Тиссы, город Мурсия - современный Осиек близ устья Дравы (ср. древневерхненемецкое *muog* - «болото», «стоячая вода»). Из этого ареала имеется только одно исключение: селение Муржени в Бессарабии, которое А. А. Шахматов и связывает с искомым озером Мурсия.

Наконец, последнее и самое веское. В сочинении Иордана Мурсианское озеро в качестве ориентира упоминается еще раз в следующем контексте: «Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается Истр и простирается Мурсианское озеро; она [Скифия] тянется до рек Тиры, Данастра и Вагосалы, а также великого того Данапра. . .» (*Иордан. О происхождении и деяниях гетов, 30*). Из приведенного отрывка с очевидностью следует, что Мурсианское озеро находилось в среднем течении Дуная, в районе так называемых «Железных ворот» и впадения в него рек Савы, Тиссы и Дравы, так как с этого места Дунай именовался в древности Истром.

Таким образом, на основании всего сказанного можно заключить, что западная граница расселения славян (точнее, склавен Иордана) находилась в районе среднего течения Дуная.

Восточные соседи склавен - анты, утверждает Иордан, жили на пространстве, заключенном между Днестром и Днепром, а Прокопий Кесарийский помещает их к северу от Азовского моря, по соседству с болгарским племенем утигур: «За сигинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, равно и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого Меотийского озера и до реки Танаиса, которая впадает в [это] озеро. Устье этого озера находится на берегу Понта Эвксинского. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов» (*Прокопий из Кесарии. Война с готами, IV, 4*).

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что приведенное высказывание Прокопия Кесарийского о местах расселения антов следует понимать в том смысле, что анты жили в лесостепной полосе по Северскому Донцу, где, как мы знаем, славянское население по археологическим и топонимическим данным появилось раньше всего. С другой стороны, отмечают, что Прокопий Кесарийский был, вероятно, недостаточно осведомлен об отдельных участках побережья Черного моря, как об этом можно заключить из его же собственных слов о том, что по

берегам Понта «обитает огромное множество варваров, причем у римлян с ними нет никакого общения, кроме случаев посольств». Е. Ч. Скржинская полагает, что для Прокопия Кесарийского, смотревшего на Черноморское побережье со стороны Кавказа, слова «за Доном», который в нижнем течении имеет почти широтное направление, оказываются соответствующими действительному положению антов, живших от этой реки на север и запад.

Большим подспорьем в определении территории расселения антов могла бы стать археология, но, к сожалению, на сегодня она еще не может даже приблизительно указать на их древности. Известный археолог А. А. Спицын, а вслед за ним и многие другие приписывали антам многочисленные клады, находимые на территории Украинской ССР и южных областей европейской части РСФСР - Курской, Воронежской - и датируемые ориентировочно II-VII вв. н. э. При этом Спицын опирался на слова Маврикия Стратега, который писал, что славяне и анты «необходимые для них вещи. . . зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую». (Несколько позже с антами стали связывать археологическую культуру полей погребений Черняховского типа, распространенную в степной и лесостепной полосе Северо-Западного Причерноморья, включая сюда и Крымский полуостров.)

Однако следует заметить, что стремление прятать ценности в землю было свойственно многим варварским племенам на определенной ступени развития, даже когда им не угрожала никакая внешняя опасность. В исландских сагах рассказывается, например, как некий Скаллаgrim утопил в болоте сундук с серебром, а его сын Эгиль, известный скальд, получив от английского короля Этельстана два сундука серебра, незадолго до своей смерти зарыл их с помощью рабов в укромном месте, а рабов убил. Предводитель викингов города Йомсберга Буй Толстый, будучи смертельно раненным в морском бою, выпрыгнул с двумя ящиками, наполненными золотом, за борт корабля. Такое поведение викингов объяснялось религиозными представлениями скандинавов той поры, согласно которым воины после смерти должны были являться к своему верховному богу Одину с ценностями, зарытыми ими предусмотрительно еще при жизни в землю или же захваченными с собой в последнюю минуту (А. Я. Гуревич. *Походы викингов*. М., 1966, стр. 149, 150). На Кавказе этот обычай у некоторых народов сохранялся до середины прошлого века. «Пшавы и хевсуры копят деньги, собирая огромные суммы по 40-50 тыс. рублей, среди которых встречаются платины, давно вышедшие из употребления. Деньги не тратят и не пускают в оборот, но закапывают в землю» (Р. Д. Эристов. *О тушино-пшаво-хевсурском округе*. - «Записки Кавказского отдела Русского географического округа», кн. 3. Тифлис, 1855, стр. 125).

Письменные источники об антах весьма скудны. На страницах сочинений византийских писателей о них упоминается всего несколько раз, и притом на протяжении каких-то пятидесяти лет - с 552 по 602 г. Нам ничего достоверного не известно ни о происхождении их имени, ни о том, какую часть славян оно покрывало, ни об их дальнейшей судьбе после указанной выше конечной даты. Мы можем только строить различные предположения о той роли, которую сыграли в их судьбе кочевники авары, или, по летописному, обры,- новая грозная сила, объявившаяся в Северо-Западном

Причерноморье и на Балканах в самый разгар славянских походов против Византии.

В 558 г. в Константинополь прибыло посольство кочевников-авар из Приазовских степей, которое заявило византийскому императору, что его племя самое могучее и неодолимое из народов. Вскоре после этого авары продвинулись на запад и пришли в соприкосновение с антами. «Владетели антские,- пишет византийский историк Менандр, - были приведены в бедственное состояние и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю. Угнетенные набегами неприятелей анты отправили к аварам посланником Мезамира, сына Идаричева, брата Келагастова, и просили допустить выкупить некоторых пленников из своего народа. Посланник Мезамир, пустослов и хвастун, по прибытии к аварам закидал их надменными и даже дерзкими речами. Тогда Котрагиг, который был связан родством с аварами и подавал против антов самые неприязненные советы, слыша, что Мезамир говорит надменнее, нежели приличествует посланнику, сказал Кагану: «Этот человек имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые хоть сколько-нибудь являются его врагами. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю». Авары, убежденные словами Котрагига, уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира. С тех пор больше прежнего стали авары разорять землю антов, не переставая грабить ее и поработать жителей»(*Менандр Византиец (Протиктор). История. - «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 247, 248, отрывок 36*).

Вслед за антами авары, которые к этому времени проникли в Паннонию и обосновались там, напали на склавинов, о чем нам сообщает все тот же Менандр: «Эллада была опустошена склавинами; со всех сторон нависли над ней бедствия. Тиверий (византийский император - В. К.) не имел достаточно сил противостоять и одной части неприятелей, тем менее всем вместе. Не будучи в состоянии выслать против них войско, потому что оно было обращено на войну восточную, отправил он посольство к князю аваров Ваяну (или Баяну.- В. К.), который в это время не был неприятелем римлян, но, напротив, при самом вступлении Тиверия на престол хотел получить какую-нибудь прибыль от нашего государства. Итак, Тиверий склонил его воевать против склавинов для того, чтобы разоряющие римские области, отвлеченные собственными бедствиями, вернулись на свою родную землю и, желая помочь ей, перестали грабить римскую. Приняв от императора посольство, Ваян не отказался от сделанного ему предложения. Вследствие чего был отправлен в Пеонию Иоанн, управлению которого были вверены острова и иллирийские города. Прибыв в Пеонию, он перевез в римские области Ваяна и войско авар на так называемых длинных судах. Говорят, что перевезено было в римскую землю около 60 тысяч всадников, покрытых латами. Проведя их оттуда через Иллирию, Иоанн прибыл в скифскую область и опять перевез через Истр на судах, способных плыть взад и вперед. Как скоро авары переправились на противоположный берег, они начали немедленно жечь селения склавинов, разорять их и опустошать поля. Никто из живших там варваров не осмелился вступить с ними в бой: все убежали в чащи, густые леса». И далее: «Впрочем, движение аваров против склавинов было

следствием не только посольства Кесаря или желания Ваяна изъявить ему благодарность за оказываемые ему ласки, оно происходило и по собственной вражде Ваяна к склавиным. Ведь перед тем вождь аваров отправил посольство к Давриту (Добриту?) и к важнейшим князьям склавинского народа, требуя, чтобы они покорились аварам и обязались платить дань. Даврит и старейшины склавинские отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, но мы чужую привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Такой дерзкий ответ дали склавины, не менее хвастливо говорили и авары. Затем последовали ругательства и взаимные оскорбления, и, как свойственно варварам, жестокими и напыщенными словами они возжигали взаимный раздор. Склавины, не будучи в силах обуздать свой гнев, умертвили посланников аварских. Об этом поступке Ваян узнал от чужих. И так он имел издавна причину жаловаться на склавинов и питал тайную к ним вражду. . . и сверх того полагал, что склавинская земля изобилует деньгами, потому что издавна склавины грабили римлян. . . их же земля не была разорена никаким другим народом» (*Там же*).

Мы привели эти два длинных отрывка потому, что в них говорится о первых столкновениях славян с аварами, что оказало огромное влияние на судьбы древнейших славян, во многом определив дальнейшее расселение и направление их колонизационных потоков.

В «Истории франков» Фредегара, составленной около середины VII в., говорится, что «уже из старины венеды употребляют гуннами (читай аварами. - В. К.) как «бефульчи», так что, когда гунны отправляются в поход против какого-нибудь народа, сами они становятся перед лагерем, а сражаться должны были венеды. Если последние побеждали, то гунны выходили наперед, чтобы захватить добычу, если же венеды терпели поражение, то, опираясь на помощь гуннов, они собирали новые силы. . . поэтому гунны называли их бефульчи, так как они шли в сражение впереди и во время схватки испытывали бой с обеих сторон. Каждый год гунны приходили к славянам, чтобы провести у них зиму, они брали тогда жен и детей и пользовались ими, и к довершению остальных насилий славяне должны были [еще] платить гуннам дань» (*А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919*).

Сведения относительно жестоких насилий авар над славянами подтверждают и византийские источники. В «Житии Дмитрия Солунского» говорится, что однажды аварский хан призвал «к себе все славянское языческое и грубое племя, ибо весь этот народ был ему подчинен, и, присоединив к ним некоторых других варваров иного происхождения, он отдал им приказ идти на богоспасаемую Фессалонику» (*Ф. И. Успенский. История Византии, т. 1. СПб., 1913, стр. 476*). Собираясь в поход на Византию, аварский каган «приказывает толпам славян переправиться через Истр» и «строить большое число легких судов, чтобы при переходе через Истр как бы накинуть на него узду», сообщает Феофилакт Симокатта. Даже когда греки и авары заключали между собой мирный договор, установив, что «Истр является их пограничной рекой», то «против славян дается право переходить эту реку».

О размерах славянских отрядов в составе аварских войск можно судить на основании числа пленных, взятых византийцами после одного неудачного для Кагана сражения у реки Тиссы. «Варвары, разбитые, так сказать, вдребезги,- пишет вышеназванный автор,- в этот день были потоплены в волнах реки. Вместе с ними погиб и очень большой отряд славян. После поражения варварское войско было взято в плен, из них было захвачено 3 тысячи авар, остальных варваров - 6200 человек и славян - 8000 человек» (Феофилакт Симокатта. История, VIII, 3, 13). В «Пасхальной хронике», составленной в VII в., говорится, как во время неудачной осады аварами Константинополя в 626 г. отряд славян, воевавших на лодках-однодревках и потерпевший поражение от греков, был затем вырезан озверевшим от неудачи Каганом. После этого другие славяне, находившиеся в войске авар, «увидев происходящее, оставили лагерь, удалились и тем заставили проклятого Кагана следовать за собой» («Пасхальная хроника». - «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 257, 258).

Отголосок всех этих событий сохранился и в русской летописи, в которой говорится, что «в си же времена быша и обри иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словенех и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам дулебским: аще поехати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли жен в телегу и повести обърена, и тако мучаху дулебы» («Повесть временных лет», т. 1, стр. 14). От указанной поры в языке западных славян слово обр приобрело значение «исполин, великан». А. Л. Погодин выявил целый ряд топонимов с корнем обр, разбросанных на огромном пространстве от Переяславской области на востоке и до реки Варты и Балтийского моря на севере и западе.

Авары господствовали над славянами около 70 лет, до начала 30-х годов VII в.

Падение их могущества было связано с восстанием славян под руководством Само и походами Карла Великого с 791 по 805 г. Константин Багрянородный, упоминая о славянском племени хорватов, пишет, что они «одолели и истребили часть аваров, а других заставили покориться». С тех пор их страна, продолжает тот же автор, находится во власти хорватов, несмотря на то что «и в настоящее время существуют в Хорватии остатки авар и они признаются аварами» (Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 30).

Крушение могущественного государства авар после двух с половиной векового господства их над многими народами Центральной Европы с трудом умещалось в сознании современников, что и отметил русский летописец: «Быша бо объре телом велици и умомъ горди, и бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ обърин. И есть притыча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка» («Были обры телом велики и умом горды, и бог истребил их, и померли все, и не осталось ни одного обрина, [так что] и до сего дня есть в Руси пословица: погибоша аки обры, не осталось ни их имени, ни наследников»).

Между тем подобная поговорка была бы, пожалуй, не менее справедлива и в отношении антов, которые действительно как-то внезапно

(и намного раньше авар) сошли со страниц истории, не оставив после себя никакого следа ни в письменных памятниках более позднего времени, ни в народной памяти славян.

Исчезновение антов принято связывать с походом на них авар в самом начале VII в., обусловленным событиями более раннего времени. В 585-588 г. авары в союзе с лангобардами и «западным народом склавинами, - пишет Михаил Сириец, - напали на ромеев, отняли у них два города и вторглись в их страну. Склавинины грабили и опустошали города, и тогда ромеи побудили народ антов напасть на страну склавин; они овладели ею и опустошили ее, вывезли из нее богатства и предали ее огню. Страна склавин лежит на запад от реки, называемой Донабисом». Очевидно, в связи с указанным аварский каган, как пишет Феофилакт Симокатта под 602 г., «получив известие о набегах римлян, направил сюда Апсиха с войском с приказанием истребить племя антов, которые были союзниками римлян» (Феофилакт Симокатта. *История, VIII, 5-8*).

Нам неизвестно, насколько удалась акция Апсиха против антов, но имя этих последних после указанного похода авар больше не упоминается в письменных памятниках. П. Н. Третьяков считает, что поход Апсиха, скорее всего, был неудачным, так как трудно допустить, чтобы в результате одного набега были уничтожены все «бесчисленные племена антов» (выражение Прокопия Кесарийского), тем более что тот же Феофилакт Симокатта добавляет далее, что «при таких обстоятельствах большое число аваров отпало [от Кагана] и спешно, как перебежчики, перешло на сторону императора. При слухах об этом Каган пришел в замешательство, его охватил страх; он и упрашивал их, и придумывал много различных средств, чтобы вернуть себе назад отпавшие силы».

Обычно полагают, что анты под давлением авар отошли на север и восток, где и растворились среди других славянских племен. Нечто подобное мы находим у византийского писателя Агафия в отношении гунно-болгарских племен, ультизур и вуругундов, которые «считались могущественными и были знаменитыми до времени императора Льва и живших в то время римлян. Мы же, живущие ныне (Агафий умер в 582 г. - В. К.), их не знаем и, думаю, никогда не узнаем, или потому, что они, может быть, погибли, или же переселились в отдаленнейшие места» (Агафий. *О царствовании Юстиниана. Перев. М. В. Левченко, гл. V, § 11. М.-Л., 1953, стр. 147*).

Тем не менее проблему антов нельзя считать окончательно решенной до тех пор, пока не будет выяснена тайна происхождения их имени, которое, как уже указывалось, не оставило никакого следа в памяти славянских народов. Одна из наиболее старых и распространенных гипотез видит в термине *ант* просто фонетическую разновидность имен *венед* и *вятич*. «Название восточного из подразделений славян *антов*, - пишет М. И. Артамонов, - дожило до времени русской летописи в имени одного из восточнославянских племен - *вятичей* и является видоизменением уже известного нам термина *венд*, что. . . свидетельствует о происхождении антов от венедов» (М. И. Артамонов. *Происхождение славян. Л., 1949, стр. 18*).

Б. А. Рыбаков, придерживаясь подобных же взглядов, пытается подвести под эту точку зрения и лингвистическое обоснование. «На юго-востоке славянского мира в ту эпоху, когда славяне-венеды особенно усиленно проникали на юг и соприкасались с иноязычной средой, и произошло в чужих устах изменение внешней формы их древнего имени, и *венеды-ваты* превратились в *вантит* и *антов*. Форму *вантит* мы находим в арабской, персидской и еврейской передаче (Ибн Русте, Гардизи, Иосиф Хазарский). Форму *анты* сохранили вплоть до XIX в. адыгейские племена на Северном Кавказе, в районе древнего Тмутараканского княжества. На страницах греческих и латинских сочинений VI в. имя восточных славян оказалось уже в измененном виде - в форме *анты*, попав сюда вместе с описанием их походов. Иноязычной средой, исказившей слововенеды, *ваты* в *анты*, скорее всего была скифо-сармато-аланская, не знавшая носовых звуков, свойственных славянскому языку, и для которой характерно выпадение звука в начале и внутри слов». И далее, с ссылкой на В. И. Абаева, отмечающего развитие указанного явления уже в скифской среде, Б. А. Рыбаков добавляет: «Скифо-сарматы могли изменить *ваты* (*венты*) в *анты*, а отсюда оно попало и к византийцам. Сами же себя восточные славяне называли *венетами*, в отдельных случаях *вятичами*. Никаких следов употребления термина *анты* в русской среде нет» (В. А. Рыбаков. *Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладельческого строя*, стр. 49 и прим.).

Говоря о *vantit* как об одной из форм наименования славян, Б. А. Рыбаков имеет в виду «город славян» этого имени, упоминаемый в сочинениях указанных им и некоторых других восточных авторов последних веков I тыс. и начала II тыс. н. э., в названии которого А. А. Шахматов усматривал искаженный славянский племенной термин *вятич*. Появление носового звука в этом этнониме А. А. Шахматов объяснял тем, что *вятичи* как «ляшское племя» сами себя называли *wetic*, между тем как соседние с ними восточные славяне произносили *wjatice*. Носовой звук в этом слове был воспринят хазарами как *анили ен*, откуда перешел и к арабам. В то же время А. А. Шахматов категорически отвергал возможность увязки названия ант с названием *вятич*, как, впрочем, и другие лингвисты. «Из праславянского **ant*, - читаем, например, у Ф. П. Филина, - могло образоваться только восточнославянское несуществующее *утичи*», что подтверждается литовским языком, где *antis* и поныне значит «утка» (ср. в Латвии озеро Антзава - «утиное»).

Сопоставление термина *ант* со старославянским *жты, жтж* - «утка» впервые было сделано еще П. И. Шафариком. В наши дни такого мнения придерживался академик Н. С. Державин, который в качестве дополнительного аргумента указывал на зафиксированное в договоре Игоря с греками древнерусское имя *Утин* и на топонимы *Ут* - село и река в Белоруссии, населенные пункты *Уты* - в Орловской области, *Утинка* - под Смоленском и др. (Н. С. Державин. *О происхождении русского народа*. М., 1944, стр. 27).

Имеются и иные толкования термина *ант*: от немецкого *enz, anzi* - «великан» (Войцель); греческого со славянской основой **ulec, unlic* из **anlic* (Ламбин); исконно славянского гипотетического **antiny* - «гигант, великан»; черкесского *ант* с неясной этимологией (Карамзин, Куник, Вирт); кельтского *antano* - «звезда» (Шахматов), этрусского *antas* -

«орел» (Брим) и **ant | va*, восстанавливаемого из *av̄daç* в фразе Эзихия «*av̄daç βορεας υπο Γυρρηωνων*» - «север», «северяне» (Мериджи); алано-осетинского *an-da* (оендое)-«вне», откуда *andag* - «внешние», т. е. «окраинные жители» (Ольрик, Шмидт, Вернадский), и, наконец, от тюркского *ant* -«союз», «клятва» (Филин).

Из всех перечисленных этимологии наиболее серьезными аргументами располагают кельтская, алано-осетинская, тюркская и черкесская. Сильной стороной кельтской гипотезы является сопоставление галльских племенных наименований *antobroges* (в Аквитании) и *allobroges* (в соседстве с Батавией), из которого следует существование собственного имени *antv* качестве этнонима. Но что оно обозначает, еще следует выяснить.

С фонетической и отчасти географической стороны для кельтской гипотезы подошло вполне бы древнеиндийское слово *antas* («край, конец»), лежащее в основе алано-осетинской теории, сторонники которой считают антов не славянами, а ираноязычным племенем - аланами, предками современных осетин. Аланская теория пользуется значительной популярностью среди ученых зарубежных стран, в СССР ее придерживается в лингвистической части Е. Ч. Скржинская. Слабым местом данной гипотезы является, во-первых, отсутствие достоверно известного аланского племени по имени анты или сходного с ним, а во-вторых, несомненная принадлежность исторических антов к славянам, о чем прямо свидетельствуют Прокопий Кесарийский, Маврикий Стратег, Иордан и все другие писавшие о них авторы.

Несколько лет назад видный советский лингвист Ф. П. Филин выдвинул предположение о том, что термин ант тюркского, аварского происхождения. «Авары, двигаясь в VI в. через южнорусские степи на запад, - пишет он в своей работе «Образование языка восточных славян», - побеждают некоторую часть славянских племен (ср. летописное известие о нападении обров на дулебов и порабощение последних) и приводят славянских племенных вождей к клятве на союзническую верность. Таким образом, какая-то часть славянского населения в VI в. временно оказывается в отношениях побратимства с аварами. Это вполне подтверждается лингвистическими данными: тюркское *ant* «клятва», монгольское *eanda\and* «побратим». Византийцы, отбивая атаки авар, сталкивались и с их славянскими союзниками, которых хорошо отличали от кочевников авар. От авар они заимствовали название *анты*, которое получило и расширительное значение - «славянские племена, группа славянских племен». Когда подчиненные славянские племена восстали против своих поработителей, они нарушили свои вынужденные клятвенные обещания, перестали быть «побратимами» авар, т. е. перестали быть «антами». Слово анты потеряло свое значение и вышло из употребления. . .» (Ф. П. Филин. *Образование языка восточных славян*, стр. 61)

Гипотеза, как видим, в высшей степени смелая, порывающая со всеми прежними взглядами на антов как на некое этническое или, точнее, этнополитическое объединение, но в то же время весьма солидно обоснованная, а главное, великолепно объясняющая внезапное исчезновение имени антов и отсутствие его в этнической традиции и

фольклоре славян. И все же и она представляется нам неприемлемой. И вот по какой причине.

Иордан и Прокопий Кесарийский - два писателя, которые сообщают нам важнейшие сведения об антах, ничего не знают об аварах, и это вполне естественно, поскольку оба они закончили свои произведения в самом начале 50-х годов VI в. (Иордан - в 551 г., Прокопий - в 552 г.), за несколько лет до того, как авары пришли в Европу и на Балканы. Не знают авар и Агафий, Псевдо-Маврикий, писавшие примерно тогда же. С другой стороны, анты не могли быть союзниками и тем более побратимами авар, поскольку отношения между ними, судя по прямым показаниям источников, никогда или почти никогда не были не то что дружественными, но даже просто мирными. Вспомним слова Менандра: «Владетели антские были приведены в бедственное состояние. . . Авары грабили и опустошали их земли». И это в самом начале их знакомства друг с другом. Затем авары убивают антского посланника Мезамира, и «с тех пор больше прежнего стали авары разорять землю антов, не переставая грабить ее и порабощать жителей». И наконец, ко времени похода Апсиха, когда анты не вступили в союз с аварами, а выступили против них, они по-прежнему у Феофилакта Симокатты именуется своим старым именем, и ни этот автор, и никто другой не упоминают о каких-либо особых отношениях их с аварами. Да и русская летопись, сообщая о насилиях авар над дулебами, не дает нам оснований говорить о союзе аваров с антами.

Можно указать также на несколько топонимов с основой *ант*, как-то: населенные пункты *Ант* - в Румынии в районе гор Орадя, *Антофагаста* - в Словакии, а для античного времени *Antian'y*, упоминаемую Птолемеем на реке Драве при впадении последней в Дунай. Впрочем, этимология всех этих топонимов еще нуждается в объяснении, особенно последнего, который стоит далеко за хронологическими и территориальными рамками жизни рассматриваемого нами народа. И уж совсем не следует пренебрегать страной или областью *Антайб*, упоминаемой Павлом Диаконом, несмотря на то что, по мнению лингвиста М. Фасмера, значение этого слова разъясняется на материале германских языков - из *andeis* («край, конец»). Павел Диакон называет эту страну не изолированно, но в соседстве с двумя другими областями *Бантайб* и *Бургонтайб*, из которых первое название может быть переведено как «страна (родина) ванов», т. е. славян, а вторая - «бургундов». Учитывая, что перечисление у автора идет с запада на восток, Антайб будет находиться как раз там, где спустя полтора столетия Иордан поместит «сильнейшее племя из славян» - *антов*.

На восточное положение «страны антов» Павла Диакона указывает также соседство ее с рекой Доном и болгарами, которые, как известно, в 480 г. по приглашению византийских императоров переселились с этой реки в Европу и вступили в борьбу с готами. Сторонники одной из старейших гипотез видели в антах кавказскую народность (по другой версии - династию) адыгов, или, по-русски, черкесов. В пользу этой гипотезы свидетельствуют многочисленные, хотя и не всегда четкие и прямые данные. Начать хотя бы с того, что еще в XIX в. у черкесов-шапсугов была зафиксирована родовая группа *антхэр*, где *хэр* является показателем множественного числа, и фамилии *Антоко* (абдзехи) и *Антелава* (абхазы). Далее, Страбон упоминает на Таманском полуострове

какую-то реку под названием *Anticites*, в которой обычно видят один из северных рукавов (в нижнем течении) Кубани. Она же, вероятно, река *Anthii*, *Anticae* Плиния и Птолемея. По сообщению кавказоведа XIX в. Л. Я. Люлье, в его время наименование *Антхирь* (*Антхэр?*) носил один из мелких притоков реки Убина на Северо-Западном побережье Кавказа. В сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племен) *анта* обозначает «чудовище, лесной человек».

Можно отметить также наличие адыго-кавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения Восточного Прикарпатья, Днепровско-Днестровского и Нижне-Дунайского бассейнов.

Спектральный анализ металлических изделий трипольской культуры, распространенной в III - II тыс. до н. э. на территории Правобережья Днепра от Карпатских гор и до нижнего течения Дуная, показывает, что подавляющая часть их сделана из мышьяковистой меди кубанской группы. Таврские каменные ящики-могилы, находимые в Крыму, археологи рассматривают всегда не иначе как в связи с аналогичными погребениями Северного Кавказа. В более позднее время на основании целого комплекса различных бронзовых предметов: топоров-кельтов, кинжалов, частей конского убора (псалий) и т. д. - археологи объединяют в один обширный ареал территорию Восточного Прикарпатья, Крыма и Северо-Западного Кавказа, суммарно называемый киммерийским (Е. И. Крупнов. *Древняя история Северного Кавказа*. М., 1960, стр. 104-111).

Лингвистика, топонимика и этнография также свидетельствуют о том, что между двумя названными регионами с давних пор существовали самые тесные и широкие связи. Ряд таких гидронимов, как *Псел*, *Пселец*, *Псинка*, *Псура* от адыгского *пс* («вода»), приводит советский лингвист В. П. Петров. К ним можно добавить *Томако* - остров на Днестре, реки *Редединку* (*Редедя* - легендарный касожский богатырь, упоминаемый русской летописью) - на Волыни, *Унаву* - приток Ирпени (от адыгского *уна* - «дом», ср. по соседству река *Домашня*), *Уну* - в Словении, населенный пункт *Псышуха* (ср. *Нечепсухо* - река в Шапсугии) и т. д. К абхазо-адыгским языкам, кажется, восходят, судя по образуемому форманту *т*, *та* (в абхазском языке показатель места) и общему облику модели, такие гидронимы Карпато-Дунайского бассейна, как *Олт* (средневековое *-Алюта*), *Прут*, *Серет* (ср. кавказские античные названия: *Псат*, *Фат*).

К числу еще более древних рудиментов в славянских (с балтийскими) и западнокавказских языках относится уже упоминавшийся выше архаический формант *ава*, сохранившийся на Кавказе в топонимии (*Гудава*, *Лидзава* - Абхазская АССР; *Микава*, *Мужава* - Западная Грузия) и в антропонимии (*Лежава*, *Кочарава*, *Чикобава* и др.). Древность этого суффикса видна при обращении к санскриту, где *ава* означало «сын», «вместилище чего-либо»: *Пандава* - прозвище пятерых сыновей Панду, *данава* - «разряд демонов», *кхандава* - «название леса», *калабхайрава* - «одно из прозвищ бога Шивы» («Махабхарата»)(В начале XX в. видный русский лингвист-кавказовед Л. Г. Лопатинский обратил внимание на ряд суффиксов русского языка, совпадающих с соответствующими суффиксами адыго-черкесских языков, например, *ко* в адыгском «сын» и ряд других (ср. украинские

фамилии типа Лысенко, дословно «сын лысого», Ткаченко - «сын ткача», Шевченко - «сын швеца» и т. п.; ср. также топообразования: Киевщина, Полтавщина и другие при адыгском *щы* - «место, округа, стоянка»). Подводя итог своему исследованию, Л. Г. Лопатинский писал: «По моему мнению, между черкесским и русским, и в особенности южнорусским (читай украинским. - В. К.) ко существует историческая связь» (Л. Г. Лопатинский. Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование. - В кн.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 31. Тифлис, 1902, стр. 47).

Приведенные лексемы Л. Г. Лопатинский считал заимствованиями из кавказских языков, но, скорее, это проявление влияния древнего общеевропейского языка на кавказские, в данном случае адыгские, языки).

Наконец, в сочинении Владимира Мономаха мы обнаруживаем и отголосок живой адыгской речи в русском языке XII в. Это известная фраза из «Поучения чадам»: «Куда же пойдете, иде же станете, напоите, накормите унеина и более же чтите гость. . . ти бо . . . прославлять человека. . . любо добрым, любо злым» («*Полное собрание русских летописей*», т. 1, Лаврентьевская летопись. М., 1962, стлб. 246). Загадку здесь представляет слово унеин, которое академик А. С. Орлов, посвятивший специальное исследование данному памятнику, пытается переводить как «нищий, странник», что, однако, плохо увязывается с контекстом. Между тем еще Н. М. Карамзин указывал, что данное слово восходит к кабардинскому *унэ* - «дом», откуда *унеин* значит «домохозяин» (ср. топонимическое *Уний*, *Уненьж* на Черниговщине или в балкарском языке *унаут* - «дворовый раб»).

Северо-Западный Кавказ и Северное Причерноморье объединяют и форма жилища - легкий плетеный обмазанный глиной дом с круговым навесом на столбах и высокой плетеной трубой над открытым очагом; и однотипная мебель - низкие круглые треногие столики и скамейки; и ряд обычаев и обрядов, в том числе употребление в определенных случаях особого ритуального орехового знамени; и обычай развешивания оружия на деревьях; и формы причесок, и некоторые фольклорные сюжеты - сказания о Змее-Горыныче с душой, спрятанной в дупле дерева, песенные припевы вроде: «Ой, Сосруко, мой свет» (ср. былинное: «Ой, батюшка, мой свет») и т. д. и т. п.

Н. Я. Марр указанные параллели в языке, топонимии и культуре населения Северо-Западного Кавказа и юга России относил за счет единого скифского и даже киммерийского источника (И. Я. Марр. Книжная легенда об основании Каура в Армении и Киева на Руси. Избранные работы, т. V. М., 1935, стр. 64). Близкой точки зрения придерживается в этом вопросе советский кавказовед Л. И. Лавров, полагающий также, что предки адыгов «составляли восточную группу киммерийских племен» (Л. И. Лавров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. - В кн. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 3. Нальчик, 1954, стр. 196-197). Вместе с тем Л. И. Лавров обращает внимание на сходство античной этно- и топонимии Северного Причерноморья на всем его протяжении от Кавказского побережья до Дуная, принадлежность которой адыгам в ряде случаев почти неоспорима.

Коракс - река и племя на Кавказе, а также мыс и населенный пункт в Крыму;

Гипанис - древнее наименование Кубани и Южного Буга;

тореты - племя на Черноморском побережье Кавказа и *тавры* - племя в Крыму. Разницу в написании Л. И. Лавров объясняет отсутствием в адыгском языке гласного звука *о*, вместо которого обычно используется дифтонг *уэ-эу*;

керквты - адыгское племя, Керкентиды - населенный пункт в Крыму;

Пантикапей - известный город на Керченском полуострове и *Пантикап* - населенный пункт поблизости от устья Днепра;

Скопел - населенный пункт на Северо-Западном Кавказе и *Скопелев* - населенный пункт между Одессосом и Истром;

Тамань - город на берегу Керченского пролива, *Тамираки* - населенный пункт в устье Днепровского лимана на Ахилловом беге;

синды - племя, обитавшее на берегу Меотийского озера и в юго-западной части Скифии, и т. д. и т. п.

Геродот сообщает, что киммерийцы жили главным образом по берегам Меотиды (Азовского моря), однако могилы их царей находились почему-то неподалеку от Днепра и Днестра. Страбон добавляет к этому, что киммерийцев называли иногда еще трерами. Но, по Фукидиду, треры жили во Фракии, откуда и совершали свои опустошительные набеги.

В I в. до н. э. на Балканах, в долине Дуная упоминается в источниках племя *анартов*, относимое не то к кельтам, не то к фракийцам без особых, впрочем, на то оснований. Между тем имя этого племени удивительно близко напоминает легендарный героический народ Северного Кавказа - *нартов*, этноним которых современный абхазский этнограф III. Д. Инал-ипа объясняет из абхазского языка: *ан* - «мать», *р* - краткая форма от *хэр* - показатель множественного числа и *т* - суффикс, обозначающий «материнская семья, семья матери» (Ш. Д. Инал-ипа. *Абхазы. Сухуми, 1965*).

В приведенной этимологии допущена, однако, небольшая вольность, а именно показатель множественного числа передвинут автором с конца слова в середину его. Если же реконструировать рассматриваемый термин на предложенной III. Д. Инал-ипа основе, строго придерживаясь грамматических правил, то получим этноним *ан-т* или с добавлением окончания множественного числа - *ан-т-р* (*хэр*), как это и имеет место в имени родовой группы шапсугов - антхэр.

Не настаивая на указанном, мы полагаем, что при настоящем неопределенном состоянии вопроса об антах и их имени высказанное допущение о том, что это адыгский термин, также заслуживает известного внимания.

Безусловно, анты VI в. н. э. в этническом отношении были стопроцентными славянами, но какая-то примесь кавказского субстрата могла быть и у них. Антропология свидетельствует, что в сложении

физического типа южного русского населения «принял участие темноволосый тип, имеющий аналогию в неопонтийских группах Северного Кавказа» (В. В. Бунак. *Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным*. - «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. М., 1965, стр. 172). В пользу этого, кажется, говорят и имя отца Мезамира - Идарич (Идариз в источниках), тождественное средневековому кабардинскому имени Идар (ср. в русских дипломатических документах XVII в. «Идаровы кабаки» - «селения князя Идара»), а также вся совокупность приведенных выше лингвистических, топонимических, археологических и этнографических параллелей, устанавливаемых между Северо-Западным Кавказом, Балканами и Северным Причерноморьем.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Бурные события второй половины I тыс. до н. э., о которых шла речь в предшествовавших разделах, привели к общему сдвигу славянских племен в направлении к северо-востоку и расселению их на огромных пространствах Восточно-Европейской равнины. В процессе этого передвижения единый до этого славянский мир распался на две крупные группы племен: восточных славян и западных славян (вспомним деление венедов Иордана на склавен и антов), подобно тому как несколькими столетиями позже, в середине I тыс. н. э., в ходе балканских войн сложились и обособились южные славяне.

О продвижении славянских племен с запада и юга на северо-восток говорят анализ этнонимов и реконструкция генеалогии некоторых из них. Прежде всего бросается в глаза повторяемость одних и тех же наименований. Так, *поляне* были известны в Польше в бассейне реки Варты, на Днепре, у словенцев по реке Енже и в форме *ополяне* - в верховьях Одера и нижнего течения его притока реки Ниссы; в более позднее время полянами именовали жителей восточной части Масальского уезда Калужской губернии. *Древляне*, шли *дереви*, *древи*, имелись в составе восточных (в бассейне Припяти), полабских славян (по левому берегу Эльбы). *Северяне*, или *севери*, проживали на левом берегу Днепра и по рекам Десне, Суде и Сейму, а также на правом берегу нижнего Дуная. *Дреговичи* - между Припятью и Западной Двиной, *драговичи*, или *драгувиты*, - в южной части Фракии, между городами Салоники и Веррея. *Дулебы*, или *дудлебы*, - на Волыни, в Южной Чехии, Словении на реке Муре, в Македонии и Фессалии (*долопес*). *Хорваты* - в Чехии возле Исполинских гор, на Висле, в Силезии, в Прикарпатье и Югославии. *Сербы* - в Югославии и Лужице и т. д.

Если в отношении отдельных перечисленных наименований, связанных по своему значению с топографическими особенностями той или иной местности, как, например, *древляне* - «жители лесов», *дреговичи* - «жители болот», *ополяне* - «жители Ополья», «обезлесенной территории» и т. п., еще можно допустить, что они возникли независимо одно от другого, то в отношении целого ряда других этнонимов-повторов с менее ясной семантикой, как-то: *дулебы* (*дудлебы*); *северяне*, которые у восточных славян были одним из наиболее южных племен; собственно словене, или словенцы, и прочие - ничего другого не остается, как

признать, что в разные уголки славянского мира они попали в результате миграций отдельных славянских племен. Это подтверждают письменные источники, в которых упоминаются различные славянские племена и группы племен, принимавшие участие в завоевательных походах и переселении на Балканы, - анты, словене, северяне, - а также запутанный характер изоглосс, связывающих отдельные славянские языки друг с другом.

В летописи прямо говорится о приходе ряда восточнославянских племен с запада, «от ляхов»: «радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо два брата в лясах, - Радим, а другой Вятко, - и пришедъша и седоста Радим на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи» («Повесть временных лет», т. 1, стр. 14). Русский историк начала XX в. С. М. Середонин указывал, что считать это сообщение выдумкой летописца, как полагают некоторые исследователи, нет никаких оснований. Радимичи и вятичи были позже хорошо известны на Руси. С радимичами воевали киевские князья Олег и Владимир. Свою территорию они сохраняли даже в XII в. «Уворотися на Радимиче к Андрееву Суждалю», - читаем мы в летописи под 1169 г. Топоним *Радимно* встречается к северу от Ужгорода, что в известной мере может служить дополнительным подтверждением западного, «ляшского» происхождения этого племени.

Вятичи в летописи столь поздно, как радимичи, не упоминаются, но в местах их обитания, указанных летописцем, мы находим топоним *Вятчино* (Калужская область) (Археологи со времен А. А. Спицына пытаются установить характерные материально-вещевые комплексы, относящиеся к тем или иным летописным племенам. В частности, вятичам приписывают курганы с домовинами, в которых погребали урну с прахом. С последним, однако, трудно согласиться вследствие того, что, согласно русскому летописцу, вятичи при похоронах урн с прахом не зарывали. Кроме того, приписываемые вятичам курганы датируются первой половиной I тыс. н. э. (крайняя верхняя дата связываемых с вятичами курганов - VIII-X вв.), когда славян в бассейне Оки еще не было. Да и из текста летописи следует, что вятичи и радимичи появились среди других восточнославянских племен сравнительно поздно, причем свое своеобразие они сохраняли, по словам летописца, и в его время (ср. «это делают вятичи и теперь»), т. е. в XI-XII вв., когда писались и переписывались наиболее ранние редакции дошедших до нас летописных сводов). Западное происхождение вятичей и радимичей, по мнению А. А. Шахматова, подтверждается наличием польских элементов в языке белорусов, которых он считал прямыми потомками этих племен. Польский лингвист Т. Лер-Сплавинский доказательство западного происхождения вятичей видел в их имени, сближаемом им с этнонимом *вент* \ *венд* (Т. Lehr-Splawinski. *O pochodzeniu i praojczyźnie siowian. Poznan, 1946, str. 17*).

У Константина Багрянородного мы находим упоминание о каких-то *ленценионах*, плативших дань Руси, в которых В. Д. Королюк считает возможным видеть ляшские племена радимичей и вятичей (В. Д. Королюк. *Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М., 1964, стр. 98-99*). Можно полагать, что радимичи и вятичи, по А. А. Шахматову, переселившиеся на Русь к IX в., составляли арьергард движения восточных славян.

Намного раньше пришли на берега Днепра другие восточнославянские племена, и в частности киевские *поляне*. Приход этого племени с

территории Польши доказывается, помимо общности их имени с именем поляков-полян, также перекличкой названия *Киев* с топонимами *Куяба*, *Куява*, *Солец Куявский* и другими, восходящими к польскому племенному наименованию *куявы* (ср. арабское *Куяба* - Киев), что недавно путем скрупулезного лингвистического анализа было еще раз убедительно показано современным польским лингвистом С. Роспондом. Об этом же свидетельствует наличие топонима *Киевец* в юго-восточной части Польши и особенно разительное совпадение микротопонимии чешской Праги (*Вышгород*, *Подоли*, *Стешесовице*) и Киева (*Вышгород*, *Подол*, *Щековица*) при промежуточной Праге варшавской. Как пишет В. А. Никонов, это «безусловно следы либо переноса названий, либо возникновения их тут и там из одинаковой языковой среды: в том и другом случае такой параллелизм отражает общность населения обеих территорий» (В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1956, стр. 115-116).

Не меньше оснований считать переселенцами из западных или южных славянских земель восточнославянское племя *северян* (разночтение *севери*). (Племя, носившее такое же имя, в VII-X вв. было известно на правом берегу нижнего Дуная на территории Болгарии.)

Здесь, в Подунавье, а также на западе Европы, на землях, занятых прежде кельтскими племенами, мы встречаем большое количество названий с основой *север*, *севр*: *Турну-Северин* - город на Дунае вблизи «Железных ворот», *Северинская область* (*Terra Sevrino*, *Sevrin*, *Zeverino*), упоминаемые в источниках с III в., *Северн* - река в Южной Англии, *Севр* - город во Франции, *Север* - фамилия ряда римских императоров в III в. н. э., *Северин* - имя христианского святого и т. д. Это в совокупности с некоторыми другими фактами дает основание полагать, что первоначально *северами* называлось одно из кельтских племен, которое на правах победителя внедрилось в среду славян, обитавших поблизости от среднего течения Дуная, навязало им свое этническое имя, но в дальнейшем целиком растворилось среди них (Этноним *северяне* стоит особняком в славянском мире. Увязать его с понятием *север* - «сторона горизонта» - не представляется возможным ввиду сугубо южного местонахождения данного племени: на левом берегу Днепра, напротив Киева. Вследствие этого ряд исследователей пытались сблизить *северян* с *сабирами*, или *савирами*, - гуннским племенем. П. И. Шафарик сюда же относил и *птолемеевских саваров*, ориентировочно локализуемых за Татрами, в Южной Польше. Между тем, как отмечалось выше, *корневая группа* *вр* характерна прежде всего для кельтских языков. В современном французском языке сохраняется глагол *sevrer* - «отнимать, лишать чего-либо», и следовательно, *север* *северяне* можно перевести как «изгнанники»). На Днепр и Донец *северяне* переселились, по всей видимости, уже полностью *ославянившимися*.

По Лаврентьевской летописи, *северяне* составляли часть другого большого восточнославянского племени - *кривичей*, «*иже седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск. . . . Також и север от них* (курсив наш. - В. К.)». На периферии указанного района мы находим и многочисленные топонимы этого корня: *Кривичи*, *Кривей*, *Кривцево*, *Кривцы*, *Кривячки*, *Кривцевские вышки*, *Кривицкие выселки*, *Кривицкое*, *Кривицкие Буды* и т. п. С. М. Середонин считал этноним *кривичи* «литовского» происхождения на том основании, что латыши по настоящий день именуют русских *кривс* (*Krievs*). Правда, для

него было неясно, как чуждое имя могло превратиться в самоназвание славянского племени. Нам, однако, кажется, что наименование *кривичи* можно сблизить с названием фракийского племени *кробизы* Κροβιζα. Позже, в X в., в этих местах Константином Багрянородным упоминается славянское племя смолян (ср. главный город кривичей *Смоленск*).

В родстве с кривичами, помимо северян, находились также новгородские *словене*, о которых русский летописец говорит, что они, придя с Дуная, «поселились возле озера Ильменя и назвались своим [собственным] именем, срубили город и назвали его Новгород». В связи с этим небезынтересно отметить поразительные лексические схождения, обнаруженные в последние годы лингвистами, между южнославянскими языками и рядом западно-украинских, западнобелорусских и северо-западнорусских говоров Полесья и Псковщины (С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. *Карпатский диалектологический атлас. Ротопринтное издание Института славяноведения АН СССР М., б/г, стр. 6*).

Намного сложнее обстоит дело с выяснением первоначальных носителей племенного имени *рус \ рос*, которым со временем стали называть себя все восточнославянские племена в целом.

Первое упоминание о древних *русах* ученые склонны видеть в рассказе сирийского писателя второй половины VI-начала VII в. Захария Ритора, именуемого также Псевдо-Захарием: «Соседний с ними [амазонками] народ Ерос (разночтение *хрос | хрус*. - В. К.) - мужчины с огромными конечностями, - пишет он, - у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за [величины] их конечностей» (А. П. Дьяконов. *Известия Псевдо-Захария о древних славянах* - «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 87). Сближению соответствует и местоположение этого (т. е. *ерос, хрос*) народа - к северу от амазонок - сарматов, живших в южнорусских степях вплоть до границы лесостепи на севере, и указание на отсутствие у них оружия, за которым скрывается гиперболическое противопоставление мирных земледельцев (они так тяжелы, что кони их не носят), воинственным кочевникам.

Замечание относительно крупного телосложения русов, пишет Б. А. Рыбаков, находится в полном соответствии с сообщениями и более поздних арабских авторов IX-X вв. «Русы мужественны и храбры. . . ростом они высоки, красивы собою и смелы в нападениях. . . свои набеги и походы производят они на кораблях» (Ибн Рустэ). «Народ этот [руссы] могущественный, и телосложение у них крупное, мужество большое. . .» (Ибн Мискавейх). «Храбрость их [русов] и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, они были бы страшным бичом для человечества» (Шараф ал-Марвази) и т. д.

Любопытно, что в былинах, добавляет Б. А. Рыбаков, русские богатыри характеризуются такими же точно чертами (Б. А. Рыбаков. *Проблема происхождения Руси*. - В кв «Очерки истории СССР. III-IX вв.» М., 1958, стр. 743):

Не несла де его да коня доброго

Еще матери не несла да как сыра-земля. . .

Я бы ездил тут на матушку на сыру-землю –

Не носит меня мать – сыра земля. . .

Былина о Святогоре

Одновременно с Псевдо-Захарием имя *рос* упоминает еще один сирийский писатель - Ефрем Сирийский. Объясняя библейскую генеалогию, он пишет, что некто «Кетим является отцом *росциев*», а «Роданим - отец *родиев*». Из Никоновской летописи мы узнаем, что названные *росции* и *родии* по существу являются одним и тем же народом. «Роди же нарицаемии *Руси* [или *Русии*] иже и Кумани, живяху в Ексинопонте, и начата пленовати страну Римляньскую, и хотяхупоитив Константинград. . .» (речь идет о походе русов на Царьград в 860 г. и о последовавшем вслед за этим принятии ими христианства) («*Полное собрание русских летописей. Патриаршая или Никоновская летопись*», т. 9, 10. М., 1965, стр. 13).

Вопрос о происхождении терминов *Русь*, *Русская земля*, *руссы* волновал уже первого русского летописца, который вынес его в заглавие своего труда: «Се повести времяньных лет откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть». Отвечая на него, безымянный автор Начальной русской летописи пишет: «В лето 6367 (859 г.) имаху дань вярязи из заморья, на чюди и на словенех, на мери и на всех, кривичех. А козари имаху на полянех и на се-верех и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма. . . В лето 6370 (862 г.) изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и въста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся.

И реша сами в себе: «Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се дру-зии зовутся свеие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да пойдете княжить и володети нами». И избрашася три братья с роды своими, пояша по себе всю русь, и при-доша; старейший, Рюрикъ, седе Новегороде (*Добавление из Троицкого списка*), а другой, Синеусъ, на Беле-озере, а третий Изборъсте, Труворъ. И от техъ варягъ (*Добавление из Троицкого, Радзивилловского и Московско-академического списков*) - прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжъска, преже бо беша словени».

Далее следует рассказ о смерти братьев Рюрика и последующих событиях, закончившихся захватом Киева Олегом, преемником Рюрика, который сел «княжа в Киеве» и сказал: «Се буди матери градом русьским». И беца у него варязи и словени и прочи, прозвашася русью. . . и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти. . . мира для, еже до смерти Ярославле даяше варягом» («*Повесть временных лет*», т. 1, стр. 18).

Приведенными выше словами летописец не разъяснил, однако, вопрос, а внес в него еще большую путаницу. Касаясь летописного сказания о начале Руси, один западнорусский хронист XVII в. писал: «Есть здесь недоумение многим, откуда и в какие лета и чего ради наш словенский народ наречется русью».

Дело в том, что в северных русских летописных сводах (Новгородской первой летописи, летописных сводах 1497, 1518 гг.), которым этот вопрос должен был быть знаком значительно лучше, чем южнорусским летописцам, слово *русь* вообще отсутствует, в рассматриваемом рассказе речь идет об одних только варягах («Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Комиссионный список». М.-Л., 1950, стр. 106). Настораживает и то, что фраза о призвании варягов, которую летописец вкладывает в уста новгородских славян, в разных списках летописей читается по-разному: в одних- «. . . И реша русь, чудь, словене и кривичи», тогда как в других - «. . . И реша руси, чудь, словене и кривичи. . .»

Учитывая эти разночтения, а также то, что скандинавское племя под названием *русь* другим источникам неизвестно, ученые, занимавшиеся изучением данного вопроса, давно уже разделились на два противоположных лагеря: норманнистов, т. е. тех, кто признает достоверность летописного сообщения о призвании варягов-руси, и антинорманнистов, считающих указанный отрывок всего лишь досужим домыслом составителя Начальной русской летописи.

Отстаивая тождество варягов с русью, норманнисты, помимо высказывания летописца, ссылаются на перечень народов, помещенный в самом начале летописного изложения. В этом перечне, вскрывающем географические познания в Древней Руси, русь выведена в составе северных народов в непосредственном соседстве с норманнами, готами и агнянами: «Афетово бо и то колено: варязи, свей, урмане, готе, русь, агняне, галичане, вольхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове. . .» Затем указывают, что финны, эстонцы, ливы и водь и по сегодня именуют шведов и норвежцев *Routsji, Rotsi, Rots*, а также отмечают скандинавский облик личных имен первых русских князей и их воевод и послов.

Приводят сообщение Вертинских анналов, в которых под 839 г. описывается прибытие ко двору французского короля Людовика Благочестивого послов от византийского императора Феофила и с ними «неких людей, которые говорили, что их зовут *Рос* и которых, как они говорили царь их Хакан отправил к Феофилу ради дружбы». Далее в анналах идет речь о том, что люди эти, несмотря на привезенное ими письмо от византийского императора, вызвали подозрение у франкского короля, так как при проверке «оказалось, что они были родом из шведов» (*ex gente Sveorum*). Ввиду этого король решил их задержать до выяснения всех обстоятельств дела.

Важным аргументом в свою пользу норманнисты считают также известие кремонского епископа Лиутпранда, который в разное время дважды в качестве посла побывал в Константинополе и оставил в своих записках два упоминания о русах X в.: «На север от Константинополя живут угры,

печенеги, хазары, *русы*, которых мы иначе называем норманнами» и «. . . это народ, живущий на севере: греки называют их *русиос (rusios)*, т. е. светлыми, по особенностям их тела, а мы зовем их по их местоположению и норманнами, так как на тевтонском языке это значит «северные люди»» (в тексте *aquilenares* - дословно «водяные люди»).

Ссылаются также на известие Константина Багрянородного о двойственном наименовании в его время днепровских порогов: по-русски и по-славянски. При этом утверждают, что в русских названиях порогов: Эссупи, Ульворси, Аифор, Варуфорос, Леантри, Островунипраг, Геландри, Неясыть, Вульнипраг, Веруци, Напрези - будто бы проглядывают скандинавские слова.

Приводятся норманнистами и некоторые другие доказательства якобы скандинавского происхождения древних русов, хотя, строго говоря, в них речь идет лишь о сравнительно северном местожительстве последних. Это сообщение арабского писателя IX в. Ибн Хордадбеха о том, что русы «вывозят меха бобров, чернобурых лисиц и мечи из отдаленнейших концов Славонии к Румскому морю», и известие ал-Бекри о том, что «Волга течет в страну хазар из страны русов».

Ссылаются норманнисты также на то, что скандинавы называли Новгород Хольмгардром, что в переводе означает «Островной город». Это последнее наименование сопоставляют с отрывками из Ибн Рустэ и арабского географа Гардизи: «Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они, занимает пространство трех дней пути, он покрыт лесами и болотами, нездоров он и сыр до того, что стоит наступить ногой на землю, как она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется Хакан-Рус. Они производят набеги на славян, подступают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазаран и Булгар и продают там». К этому Гардизи добавляет: «На этом острове живут до 100 тысяч людей».

В приведенном тексте норманнисты обычно усматривают чуть ли не прямое указание на то, что русы были варягами и жили вначале в городе Старая Русса, в пределах которого на реке Полистье имеется остров. После переселения в землю восточнославянского племени словен варяги основали новый город, назвав его в память старого Островным городом, т. е. Хольмгардром. С другой стороны, в Швеции подыскали конкретную местность *Рослаген (Roslagen)*, из которой могли выйти Рюрик и его варяги-русь. Таким образом, доказательств в пользу отождествления древних русов со скандинавами собрано немало, и некоторые из них считаются непоколебимыми. По так ли это?

Присмотримся к перечисленным выше основным доводам норманнистов повнимательнее, начиная с летописного перечня народов Афетова колена. Русь в этом списке действительно помещена среди южнобалтийских народов, между готами и англами («агняне»). Под последними следует подразумевать датчан, но не британцев: родина англов - южная часть Ютландского полуострова (позднейшая Ангальт). Варяги же в указанном перечне находятся по соседству со свеями (шведами). Иными словами, по

летописи, русь - это особый южноприбалтийский народ, отличный от собственно скандинавов.

А вот что пишут арабские источники. «Что же касается. . . русов, - читаем у Ибн Хордадбега, - то они суть племя из славян». Или в другом месте: «Евнухи-славяне бывают здесь (в Багдаде. - В. К.) у них [русов] за переводчиков». Столь же недвусмысленно о славянстве русов свидетельствует и другой арабский писатель ал-Джейхани (конец IX-начало X в.): «Русы состоят из трех родов:

1) русы, живущие в ближайшем соседстве с Булгаром, владетель этих русов живет в городе, называемом Куйаб,

2) Славия, 3) Арсания (Артания, Тания)». Куйаб - здесь Киев, Славия - словенский Новгород, а Арсания, по мнению А. П. Новосельцева, - не то Ростов Великий, не то Белоозеро (А. П. Новосельцев. *Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв.* - В кн. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 419).

Более поздние арабские авторы также упоминают ру-сов всегда рядом со славянами, но отнюдь не с варягами, которые в большинстве случаев остались им неизвестными. «Что же касается язычников, находящихся в стране хазарского царя, - отмечает Масуди, - то некоторые племена из них суть славяне и русы. Они живут в одной из двух половин этого города Штиля] и сжигают своих мертвецов с их вычным скотом, оружием и украшениями. . .» Или в другом месте в рассказе об организации суда в Итиле: «. . . Один же из них (судей. - В. К.) - для славян, русов и других язычников, он судит по закону язычества, т. е. по закону разума. . . Русы и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу».

Имеется, правда, одно свидетельство, содержащееся в Привилегиях императора Михаила VII от 1073 г., в котором русь и варяги поставлены в тесную связь друг с другом и обозначены одним составным именем *росварангос* (Ρωσβαραγγοι, Вараγγ - γοι Ρωσ). Но и данный термин доказывает лишь то, что в Византии эти два народа часто выступали совместно, но не более (ср. аналогичные этнонимы: *кельтиберы, кельтоскифы, кельталаны, росмосохи*) (По мнению В. Г. Василевского, греки отождествляли варягов с русами на том основании, что они попадали в Византию через Русь (ср. «Путь из варяг в греки»). Русский летописец, пользовавшийся византийскими источниками, в частности Хроникой Георгия Амартола, переведенной на славянский язык в первой половине XI в., расценил указанную близость как свидетельство варяжского происхождения Руси (В. Г. Василевский. *Труды, т. I.* СПб., 1908, стр. 376)).

Далее. Финно-эстонское название шведов и норвежцев рутси, роте, которое, по мнению В. Брима, по звукам и значению якобы строго отвечает славянскому *русь*, как установил еще в конце XIX в. Ю. Крон, в финском языке обозначает вовсе не какую-то определенную этническую общность, а соответствует понятию «север, северные люди», т. е. норманны. Например, *Routsi-veri* - «северное сияние», *Routsi-hobu* - «созвездие Малая Медведица с Полярной звездой» и т. д. Следовательно, приведенный этноним - всего лишь калька с широко распространенного в раннем

средневековые наименования жителей Скандинавии норманнами, «людьми севера», и к Киевской Руси непосредственного отношения не имеет, поскольку норманны-скандинавы именовать себя так не могли.

Наконец, относительно норманнских имен первых русских князей: *Рюрик, Синеус, Трувор, Олег, Ольга, Игорь*, - а также их послов и отдельных дружинников и воевод: *Свенельд, Якун* и др. Первые три из указанных имен относятся, вероятнее всего, к области мифологии, так как ни одно из них в качестве имен русских князей в период образования государства у восточных славян не зафиксировано ни в каких иных источниках, кроме русской летописи (*В «Слове о законе и благодати», древнерусском памятнике первой половины XI в., в числе предшественников киевского князя Владимира называются отец его Игорь Старый, дед Святослав и ни слова не говорится о мифическом Рюрике и его братьях Синеусе и Труворе.*

Польский историк Длугош, писавший в XV в. и пользовавшийся какими-то не дошедшими до нас более ранними источниками, начало Русского государства выводит от Кия и его братьев, а затем упоминает Аскольда и Дира. Когда эти последние правили в Киеве, «некоторые русские племена (курсив наш. - В. К.), которые вследствие огромного увеличения [численности] искали себе новые поселения, тяготясь их властью, приняли от варягов трех князей, поскольку не было желательно выбирать кого-либо из своих вследствие равенства»). В легендарности этих трех первых «русских князей» нас убеждает и сличение сказания о них с такими же преданиями о «добровольном» призвании на княжение норманнов в Ирландии и Англии. Например, в Саксонской хронике Видукинда Корвейского под 967 г. рассказывается о посольстве бриттов к саксам, которые предложили последним «владеть их обширной землей, изобилующей всяческими благами». Саксы согласились и послали три корабля с тремя князьями Вихтги-зелем, Хенигстом и Хорсом (*К. Тиандер. Датско-русские исследования, ч. III. Пг., 1915, стр. 22-25).*

Можно предположить, что легенда о призвании князей представляет собой типичный образчик так называемых бродячих сюжетов, известных многим народам, подчас не связанным друг с другом никакими генетическими или политическими узлами, могла быть вставлена в русский летописный свод, созданный в Новгороде, с целью обосновать право на независимое положение этого города по отношению к киевским князьям.

Относительно имен *Олег, Ольга и Игорь* следует заметить, что они проникли к восточным славянам через прибалтийские языки. Это хорошо видно из сравнения их с такими литовско-латышскими личными именами, как *Ольгердас* (Ольга - река в Ятвягах, упоминается в Ипатьевской летописи), *Ингварь, Инга* и т. д. (По мнению Н. И. Костомарова, имена летописных князей *Рюрика, Синеуса, Игоря, Олега* происходят из различных балтийских языков, например *Игорю* соответствует литовское имя *Иггивлад*, что значит «стремящийся к власти» (Н. И. Костомаров. *Начало Руси. СПб., 1860, стр. 14-15).* Русский историк второй половины XIX - начала XX в. Д. И. Иловайский сближал имена *Ольга, Олег* с названием дерева *ольха*. Чуждый характер этого имени для скандинавов он видел в том, что в саге о Трюгвассоне *Ольга* названа *Аллогидой* (Д. И. Иловайский. *Вероятное происхождение княгини Ольги и новый источник о князе Олеге. М., 1914, стр. 10-12).* Несомненно скандинавскими являются лишь имена воевод и некоторых послов первых русских князей: *Якун, Свенельд, Руальд, Рюар* и т. п.

Следующий довод норманнистов - сообщение Бертинских анналов и свидетельство епископа Лиутпранда. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Прежде всего нельзя забывать о том, что на службе у русских князей было немало варягов-норманнов, которые в IX-XI вв. нанимались на службу и к другим европейским и византийским государям. Отдельные представители и вожди наемных дружин пользовались большим расположением русских князей вследствие опытности в военных и дипломатических делах (вспомним летописный рассказ о Владимире и варягах: «. . . Избра от них мужи добры, смыслены и храбры и раздан им грады») и направлялись в качестве послов в другие страны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что прибывшие ко двору Людовика Благочестивого представители русского хакана (титул, кстати, совершенно чуждый норманнам-викингам), и потому назвавшиеся росами, по происхождению оказались шведами.

Точно так же в договоре Олега с греками в первой статье говорится: «Мы от рода рускаго Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды» и т. д., «иже послани от Олга великого князя рускаго и от всех иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих боляр. . .» Послы в большинстве своем носят скандинавские имена, но представляют русского князя и в силу этого именуется русскими («от рода русьского»). Происхождение того или иного посла - а среди них имеются люди, носящие и романские имена, как, например, Карн, Лидул, - в данном случае никого не интересует и вследствие их дипломатического положения просто не может быть указано. «Вот почему, - замечает Д. Иловайский, - эти русские варяги клянутся при заключении договора не скандинавскими языческими богами Одинем или Тором, но славянскими - Перуном и Волосом».

Аналогичная картина наблюдается и в договоре Игоря, где разноплеменный состав послов, если судить о нем по их именам, проступает еще отчетливее, но тем не менее общая вводная формулировка первой статьи остается той же: «Мы от рода рускаго съли и гостье: Ивор, сол Игорев, великого князя рускаго, и обьчии ели: Вуефаст, Святославль сына Игорева, Искусеви Ольги княгини, Слуды Игорев, нети Игорев, Улеб Володиславль, Каницар Передьславин. . .» (Анализируя приведенные имена в договорах Олега и Игоря, советский историк М. Н. Тихомиров заключает: «Итак, верхушка - князь-славяне, а их послы - варяги. Вот единственный вывод, который можно сделать из анализа имен в договорах Руси с греками X в.» (М. Н. Тихомиров. О происхождении названий «Русь» и «Русская земля». - «Советская этнография», VI-VII, 1947, стр. 73)).

Еще менее убедительным доводом представляется ссылка на Лиутпранда, из сообщения которого можно извлечь лишь одно - что в Южной Европе на Русь смотрели как на страну, расположенную на севере (по отношению к Италии и Константинополю это по существу так и было). Более того, помещая русов вслед за печенегами и хазарами, Лиутпранд недвусмысленно дает понять, что их надлежит искать не где-нибудь на краю континента, но по соседству с этими народами.

Не удалось по-настоящему доказать до сегодняшнего дня и скандинавскую принадлежность названий «русских» порогов, приводимых Константином Багрянородным.

По исследованию Н. И. Костомарова, большинство из них объясняется на материале балтийских языков, тогда как другие (например, Островунипраг, Неясыть, Вульнипраг) имеют откровенно славянский облик.

Совсем несерьезными следует признать претензии нор-маннистов отождествить упоминаемый Ибн Рустэ и Гар-дизи остров, расположенный посреди озера (!) и имеющий протяженность в три дня пути, с небольшим островком - урочищем в пойме реки Полисты в районе Старой Руссы, равно как и объяснение скандинавского названия Новгорода Хольмгардр - «Островной город». Как доказала в свое время Е. А. Рыздзевская, название Хольмгардр является, скорее всего, славянским в своей основе и восходит к микротопонимии Новгорода, древнейшей частью которого было укрепление, находившееся на холме и именовавшееся «Славянским холмом» (Е. А. Рыздзевская. *Холм в Новгороде и древнесеверное Holmgardr.* - «Известия Российской академии материальной культуры», т. 11, 1922) (ср. у ал-Истахри: «город Слава на вершине горы»).

Столь же малое отношение к интересующему нас вопросу имеет и топоним *Roslagen*, который образовался из шведских слов *Rodern, Rudern* («грести») и *Lagh* («пристань» «верфь») и, следовательно, дословно обозначает «Пристань гребцов». Никакой связи с этнонимом русь он не имеет, иначе мы вправе были бы ожидать закрепления его и за другими группами норманнов, и прежде всего в качестве их самоназвания, чего в действительности не было (*Норманнисты в разное время потратили немало труда и остроумия на то, чтобы как-то обосновать скандинавскую принадлежность термина русь, сопоставляя его с готскими словами Hridhotar или Reidhgotar (Куник) и ropis «храбрый» (Будилович), древнешведским gorer - «руль» (Преображенский) и drot «толпа, дружина» (Брим) и т. д. Уже сама эта множественность основ, пишет И. П. Шаскольский, свидетельствует о неуверенности сторонников сближения русов с норманнами, и гипотезу фактически поддерживает лишь созвучие термина Русь с финским рутси. В этом отношении весьма красноречиво сделанное сравнительно недавно признание Р. Экблома, одного из столпов современного норманнизма за рубежом, который пишет: «В конечном итоге можно сказать, что нельзя указать такое скандинавское слово, которое являлось бы бесспорным источником для прибалтийско-финского *rots*. Столь же не доказано, что финское *Routsi* и с ним связанное слово (Русь) заимствованы из древнего шведского языка» (И. П. Шаскольский. *Норманская теория в современной буржуазной науке.* М.-Л., 1965, стр. 51).*

В противоположность этому противники норманнистов, начиная с Д. И. Иловайского, стремились обосновать южное происхождение термина *русь*, связывая его с аланским племенным наименованием *роксоланы*, или *ароксоланы*, которое впервые в форме *ревксинлы* упоминается во II в. до н. э. в надписи в честь Диофанта - полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора, обнаруженной при раскопках города Херсонеса Таврического. Роксоланы были известны Плинию, Страбону, Тациту, Птолею, Аммиану Марцелину, Иордану и ряду других позд-неантичных и раннесредневековых авторов. В настоящее время указанной точки зрения придерживаются известный американский историк В. Вернадский, советский исследователь С. П. Толстов и, кажется, Е. Ч. Скржинская, которая в связи с этим замечает: «По-видимому, первая часть названия роксоланы всплыла как самостоятельное этническое имя в сообщении сирийской хроники Захарии Ритора (Псевдо-Захарии). . .», записавшего в середине VI в., что по соседству с амазонками живет «народ ерос».

Роксолан в свою очередь сопоставляют с упоминаемым Иорданом каким-то таинственным племенем *росомонов*, с которыми готы столкнулись в Северном Причерноморье. Сюда же относят и племя *росмосохов* «Истории агван» албанского (Кавказской Албании) историка Моисея Каганкатваци.

Эти сближения на первый взгляд представляются довольно обоснованными, поскольку перечисленные народы обитали примерно в пределах Северного Причерноморья: «выше Борисфена», севернее «скифов» и савроматов в числе «крайних из известных нам скифских народов» (Страбон). В середине VI в. Иордан западной границей расселения роксолан называет реку Алюту (современный Олт) в Дакии. С другой стороны, Низами - азербайджанский поэт XII в. - прямо отождествляет древних руссов с аланами: «русские бойцы из аланов и арков» (т. е, аорсов - другое аланское племя). Однако указанному сближению мешает сохранение (на Украине, в Венгрии) ряда географических названий типа *Рокосов*, *Ясароксаллаш* и т. п., свидетельствующих, что в местной языковой среде (включая и славянскую) данный этноним был известен в той же фонетической огласовке, что и в собственно иранских языках. Следовательно, ни гипотетическое аланское **Rukhs*, восстанавливаемое лингвистами, ни сармато-аланское исторически зафиксированное племенное название аорс к термину *Русь* не имело никакого отношения.

То же самое следует сказать и в отношении йордановских росомонов-рокомонов. Корень этого слова дожил до наших дней в украинской фамилии Рокманюк. Как можно судить по личным именам этого племени, упомянутым Иорданом, - Сунильда. Сар и Амий, - рокомоны, или росомоны, были, скорее всего, одним из восточногерманских, готских племен. Иордан, прекрасно знающий славян, нигде не отождествляет их с росомонами).

В наши дни в советской исторической науке преобладает мнение, согласно которому термин *русь* | *рось* признается местным топонимическим образованием юга Восточной Европы, непосредственно связанным с бассейном реки Роси, одного из правых притоков Днепра, где это название, по словам П. Н. Третьякова, «с глубокой древности звучало как наименование племени или целой группы племен» (Я. Н. Третьяков. *Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 216*). «Название Русь - древнее прозвище Киевской земли. Центром указанной местности был бассейн Роси. Быть может, первоначальное название Роси распространялось на все среднее течение Днепра, а корень *рось*, возможно, уже заключен в геродотовском названии Днепра - Борисфен», - читаем у М. Н. Тихомирова. «Рось (или Русь) - имя племени, совпадающее с названием реки (Рось), где это племя жило, и Родь (или Роди) - название того же племени, но происходящее от главного «града» племенного центра, расположенного на высокой неприступной горе у впадения Роси в Днепр», - пишет Б. А. Рыбаков (В. А. Рыбаков. *Проблема происхождения Руси, стр. 743*). Таким образом, в основе этой гипотезы лежит созвучие этнонима с гидронимом, которые к тому же территориально близки.

Образование этнических наименований от названий рек, озер, морей нередки в истории. Например, *полочане* прозваны так, по словам летописца, «речки ради. . . именем *Полота*», *молдаване* получили свое имя от реки *Молодовы* (самоназвание *молдовень*), *балкарцы* - на Северном Кавказе от имени реки *Малки* (по-кабардински - *Балк*) и т. д. Однако в рассматриваемом случае в этом можно усомниться, и вот по какой причине.

Гидронимы и топонимы с корнем *рос* \ *рус* известны не только в районе среднего Днепра, но на гораздо более обширной территории Восточной и

Центральной Европы от Балтийского моря до Карпатских и Кавказских гор включительно, например: реки *Россава* и *Рось* в Западной Белоруссии; озеро *Рось* - в Северо-Восточной Польше; селение *Россоны* - возле Полоцка и одноименная с ним речка *Россонь* - в бывшей Ижорской земле; город и река *Русса* - приток Немана; река *Порусье* - приток Полистыи; *Русна* - восточный рукав Немана и окружающие ее населенные пункты: *Русса*, *Русснейтен*, *Варусс*, *Россентен*, *Россиене*; реки *Оскол-Рось* и *Руса* (бассейн Семи), *Роська* - бассейна Днепра на границе бывшей Киевской земли. Населенные пункты *Паджо-Руско*, *Руссеи* историческая *Перусса* (город на Фламиниевой дороге, от этнического имени пирусков Лигурийского племени) и *Русциана* - в Италии; город *Русильон* - в Пиренеях; берег под названием *Западный Росс* - в Шотландии; *Роскиль* и *Росдорф* - в Дании и, наконец, самое главное, целое гнездо из 76 названий (!) в Карпатах, и в их числе 10 рек: *Русс* - правый приток Чешской Моравы; *Рося* - правые притоки Черного Кереша, Мароша, Шила; *Рускава* (приток Вишеу); *Русо*, *Рось*, *Рускица*, *Ороз* (*Orosz*), *Реусбах* (в Трансильвании) и др. (И. П. Филевич. *История Древней Руси*. Варшава, 1896, стр. 173, 189. Касаясь этимологии термина *рось*, русский дореволюционный исследователь С. Гедеонов полагал, что он связан с понятиями «вода, река» (ср. в кельтском *rus, ros* - «озеро»), откуда имя славянского речного божества *русалка*, а также *ручей*, *русый* (по цвету воды), *русло* и сама *русь* как отголосок языческого времени, сохранившегося в эпитетах «Святая Русь» или «Святорусская земля», например в посланиях Андрея Курбского.

В наши дни А. А. Вержбовский также считает, что гидронимы *Рьша* | *Рось* с созвучным им этносом ничего общего не имеют, поскольку в целом ряде случаев им противостоят антинонимы типа *Русса* - *Нерусса* и т. п).

С формально-фонетической стороны значительное количество перечисленных названий с неменьшим успехом, чем днепровская *Рось*, могло бы претендовать на право считаться родоначальником этнического имени *русь*. Что касается Юго-Восточной Прибалтики (район Неман-Старая Русса) и Закарпатья, то такие предположения выдвигались русскими историками еще в XIX в. (О. Васильев, Н. И. Костомаров, И. П. Филевич). Однако целый ряд соображений заставляет нас отказаться от соблазна сблизить какую бы то ни было конкретную группу названных гидронимов с однокорневым ей племенным наименованием, даже если между первыми и вторым из них наблюдается полное фонетическое тождество. Главной причиной такой осторожности является недостаточная изученность семантики топонимических и гидронимических названий с корнем *рус \ рос*.

В существующей ситуации целесообразнее увязывать интересующее нас этническое имя с однотипными ему терминами второй из указанных групп (т. е. только с племенными названиями и отопоненными этнонимами), а в пространственно-географическом отношении - с территорией Прибалтики и Прикарпатья. Ряд исторических фактов заставляет нас полагать, что первоначально этнический термин *русь* сложился на южном побережье Балтики, где уже с первых веков нашей эры были известны племенные наименования сходного семантического корня - *луги* и *руги* (Страбон, Тацит, Иордан). Такого мнения придерживались в свое время русский историк середины XIX в. А. Петрушевский и известный славист А. И. Соболевский, из которых последний ставил этот термин в один ряд с

такими этнонимами, как *чудь, вопь, вепс, прусс, ливь, самоедь*, а также древнеславянским *сербь* (А. И. Соболевский. *Археологические заметки*. - В кн. «Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца», кн. VI. Киев, 1902, отд. 2, стр. 1).

Руги (разночтение роги) и тем более лугии вряд ли были германскими племенами, пришедшими в Южную Прибалтику из Скандинавии, несмотря на то, что Иордан и упоминает их в числе народов, якобы вышедших вместе с готами с «острова Скандзы». Скорее всего, это были коренные жители южной части Балтийского моря и его островов, на что указывает их второе наименование *ульмеруги*, т. е. островные руги (ср. топоним *Руя*, или *Руген*). Об отличии ругов от германцев свидетельствует сам Иордан: все они, т. е. руги и другие переселившиеся из Скандзы племена, «превосходя германцев как телом, так и духом, сражались всегда с звериной лютостью». Прокопий из Кесарии причисляет ругов к числу готских племен, но добавляет, что «они издревле жили самостоятельно. . . никогда не вступали в брак с чужеземными женщинами» и что «цвет кожи и волос у них очень светлый или золотистый и не очень черный».

Движение готов вынудило часть ругов во II-III вв. н. э. передвинуться из района Южной Прибалтики в Поднепровье и Прикарпатье. Отголосок их пребывания в Восточной Европе сохранился в именах полоцкого князя *Рогволода* (убитого Владимиром) и его дочери *Рогнеды*.

К середине V в. руги обитают уже на среднем Дунае, где принимают участие в знаменитой битве народов при реке Недао, положившей конец могуществу гуннов в Европе. «Думаю, - пишет Иордан, - что там было зрелище достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида] ране, и свава, отважно действующего дубинкой, а гунна - стрелой» (Иордан. *О происхождении и деяниях гетов*, 161. Любопытно, что в приведенном отрывке вооружение ругов (дротики) полностью идентично вооружению древних славян в период их первого появления на исторической арене).

О пребывании ругов в Паннонии во второй половине V в. подробно говорится в «Житии св. Северина» и у Прокопия Кесарийского. В уже упоминавшейся эпитафии Мартину Думийскому руги названы в числе народов, живущих по соседству с паннонцами и славянами: «паннониус, ругус, склавус, нара» и т. д. Не исключено, что именно здесь руги окончательно утратили свою самобытность и ославянились, оставив по себе память лишь в имени, которое на славянской почве в соответствии с законом второй (третьей?) палатализации, подобно словообразованиям *кназь* из немецкого *König* или *пъназь* - «мелкая монета» из *Rfennig*, приобрело форму *русь* | *рось* (в противоположность указанному в средневековой латыни, в германских и балтийских языках слово *русь* приобрело форму *рут* | *рутен*. Например, Плано Карпини называет русских рутенами (ср. с этим топонимом в Прибалтике Рутениеки, дословно «Русское село»). В Приднепровье в летописную пору существовал гидронимический дубль *Рось* - *Рут* (Киевская летопись под 6659 г.; *Рут* - приток *Роси* днепровской, современный *Роток* или *Протока*, ср. там же *Рутец* - современная *Чернавка*).

В то время, когда мог иметь место процесс ославянивания ругов, восточнославянские племена обитали, по-видимому, значительно западнее, чем в летописные времена. Это следует из того, что современные южнотрансильванские говоры польского языка «по многим

своим особенностям», как утверждают лингвисты, «стоят ближе к языкам карпатского ареала, чем к собственно польским говорам», и «генетически не восходят к лехитской группе западных славянских языков» (С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас, стр. 6). Этим, вероятно, объясняется тот факт, что термин *русь* закрепился за восточными, а не за западными славянами).

В соответствии со сказанным выше становится понятным, почему этнический термин *русь* в одних случаях фиксируется на юге нашей страны, а в других - на севере, в районе южного побережья Балтийского моря, и в большом количестве в Закарпатье - на Венгерской низменности. Становится понятным и то, почему в хронике продолжателя Регинона Прюмского начала X в. русская княгиня Ольга, уроженка города Плескова (Пскова), именуется правительницей ругов (*regina rugarum*), сама *Русь* - *Ругией* или *Рогией*, как, например, на карте Идриси (*Rogia*) или в комментариях к законам короля Эдуарда Исповедника: *Terra Rugorum* quam nos vocamus Russeiam - «земля ругов, которую мы зовем *Руссейей*» (ср. в Раффельштеттенском документе: *Slavi vero, qui de Rogis* - «славяне, которые в действительности от ругов»). В хронике Гельмольда (XII в.) руги (*rugiani*) названы сильнейшим племенем среди западных славян (!), так как только у них одних имелись князья. Наконец, нечто сходное находим и у Гербенштейна, который пишет о том, что «Русь происходит от Велетской Руси», т. е. Прибалтийской, которую наш летописец, как мы видели, также в первый раз помещает без всяких норманнофильских комментариев среди народов Южной Прибалтики в составе 10 финских и литовских племен (Здесь уместно отметить издревле смешанный этнический состав населения южной части Прибалтики, что видно из имени короля ругов Родоульф и существования по соседству с их землями в устье Вислы племени видивариев, по словам Иордана, «сбежавшихся из различных родов» (33, 36). Это же, по-видимому, отразили и так называемые русские названия днепровских порогов).

Только признанием указанной гипотезы можно объяснить сообщение средневекового прусского хрониста Луки Давида о том, что пруссы уже в VI в. воевали с какими-то русами, а также известие арабских писателей Ибн Рустэ и Гардизи о нападении русов на славян (у ал-Бекри - на крраблях, т. е. со стороны моря).

Ругская гипотеза помогает объяснить и другой факт, который долгое время вызывал недоумение, а именно сообщение арабского писателя ал-Якуби (90-е годы IX в.) о набеге русов на Севилью в Испании: «. . . В этот город вошли язычники ал-маджус, называемые ар-рус, и пленяли, и грабили, и жгли, и умертвляли». Из более поздних арабских источников мы знаем, что ал-маджус именовали преимущественно датчан. Этл-сага называет этим именем народ кильфингар, который обитал в Гардарике («Кильфингарланд - Гардарик и его населяет Магог»), т. е. в Киевской Руси.

Вот почему во втором перечне народов в Начальной летописи отсутствуют датчане, а указаны только «готы, русь, агняне». Более того, создается впечатление, что датчане как народ вообще не были известны русскому летописцу, несмотря на то что, по утверждению Титмара Мерзебургского, они в большом числе проживали в Киеве.

У анонимного персидского географа X в., открытого русским востоковедом А. Г. Туманским, говорится, что «область русов ограничивает с юга река Рута, с запада - славяне, с севера - пустыни». Принято считать, что река Рута - это Дунай, но в этом можно и усомниться: река под таким названием (Рута) существует в Прибалтике и в наши дни, а остров Рутиков (Руген?) с городом Ругия(!), находившийся где-то в Балтийском море между устьями рек Одера и Вислы, был известен уже Страбону и Тациту.

О том, что этнический термин *русь* существовал в Южной Прибалтике независимо от восточной *руси*, свидетельствует «Устав о турнирах» Генриха Птицелова, изданный в Магдебурге в 938 г., т. е. в период расцвета Киевской Руси в Приднепровье, в котором упоминаются два русских князя *Wilmarus princeps Russie* родом из Тюрингии и *Rodebotto dux Russiae* из Померании. В одном акте, относящемся к 1373 г., Любекская церковь в Германии названа стоящей в Руссии (*Russia*) (А. Васильев. *Древнейшая история северных славян и откуда пришел Рюрик и его варяги*. СПб., 1858, стр. 37).

Исходя из ругской гипотезы, легко объяснить присутствие этнополитического термина *Русь* в районе Закарпатья. В венгерской хронике Шимона Кезаи XIII в., восходящей в своей основе к протографу XI в., Карпатские горы названы *Русскими горами* (*Ruthenorum Alpes*). В 1037 г. титул русского князя (*dux Ruizogum*) носил сын короля Стефана Венгерского, княживший в области Бихар. Что в данном случае не было никакой ошибки или недоразумения, доказывает одно место из письма венгерского короля Белы от 1254 г., в котором среди враждебных венгерскому государству соседних народов называются «*Rutheni, Comani, Brodnici, Russia et Bulgaria*». *Русь* в смысле Киевская земля в приведенном документе покрывается термином *рутены*, а наименование Руссия относится к какому-то закарпатскому владению, находившемуся между бродниками, жившими в Запрутской части Молдавии, и Болгарией, границы которой в указанный период достигали Карпатских гор (*На закарпатское местоположение руси указывает, кажется, и одно место в сочинении Мухаммеда ал-Ханафи: «Русы, большой народ из турок (венгров. - В. К.). . . от них привозят желтую медь. . . В земле их золотой рудник. . . Земля их окружена горами. . . В середине [страны] высокая гора, с юга ее выходит белая река, пробивающая себе путь через луга к конечному морю мрака, затем текущая на север Русийи, затем поворачивающая в сторону запада и больше никуда не поворачивающая» (А. П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси. . ., стр. 401, 402). На Карпаты в этом отрывке указывают слова «медь», «горы», «золото», река, «текущая к морю мрака», с характерным изгибом в сторону запада, в которой легко распознается река Висла. О давности проживания на территории Паннонии, Моравии и Закарпатья какого-то «русского» населения свидетельствует также Паннонское житие Кирилла, в котором самые первые чешско-моравские князья Ростислав, Святополк и Коцел именуются «князьями русскими». Эней Сильвий упоминает русских в числе подданных Святополка Моравского).*

В исторической литературе существует необоснованное мнение о том, что русские в Трансильвании появились лишь после монгольского нашествия. Между тем, как о том уже говорилось выше, названия сел с корнем *рус* мы встречаем здесь в грамотах начала XIII в. (от 1228 г. и далее), т. е. за несколько лет до монгольского погрома Руси. В венгерской хронике времен короля Белы III говорится, что русские появились в Паннонии вместе с венграми: «*Rutheni cum Almo duci. . . in Pannoniam*

vene-runt». Но и это вряд ли соответствует истине. По крайней мере топонимы с корнем *Rusidava* (Певтингеровых таблиц) и *Rusiava* (Птолемей) известны в этих краях уже в первых веках нашей эры.

Русский дореволюционный исследователь Закарпатской Руси И. П. Филевич в одной из своих работ писал: «В течение полувека после Надеждина . . . русская мысль боролась с норманнистами под знаменем Руси Поморской, роксолан, скифов и, наконец, готов. Угорская Русь ни разу не выступала на сцену прямо, но. . . скрывалась за кулисами, смущая своим именем спокойствие всех названных ученых партий. ...» К этим словам, очень метко характеризующим растерянность ученых перед фактом присутствия мощного закарпатского «русского» топонимического гнезда, следует добавить только одно, что о Закарпатской Руси молчат, но хотя бы знают и помнят, а вот о русах в Центральной Европе, и в частности в Швейцарии, многие даже и не подозревают. А между тем еще в 40-х годах XIX в. Б. Вестберг указывал, что средневековые европейские хроники и документы неоднократно упоминают о существовании в швейцарских Альпах в кантоне Люцерн ряда селений и географических названий с корнем рус, причем образованных явно от племенного имени: *Rusnacht*, *Rusch*, *Russweil*, *Ruti*, *Russ* - обозначающих «гора, река», и некоторые другие. Возникновение указанной географической номенклатуры Б. Вестберг связывал с норманнами, забывая, что норманны совершали свои набеги преимущественно по морю, реже по рекам и столь глубоко внутрь материковой Европы никогда не проникали.

По нашему мнению, сложение и угорского и альпийского топонимических гнезд легко объясняется расселением в середине I тыс. н. э. в долине среднего Дуная рогов, отброшенных сюда из Прибалтики движением готов. Руги входили в состав отрядов Одоакра, свергнувшего последнего римского императора Ромула Августула. После разгрома этого правителя готами подвластные ему руги и могли найти убежище в Альпийских горах.

И последнее. Признание тождества рогов с русами позволяет решить еще один «щекотливый» вопрос. Мы имеем в виду сообщение ряда арабских и византийских писателей о кочевом, подвижном образе жизни древних русов, которое обычно обходится всеми историками стороной. «Пашен они [русы] не имеют, но питаются лишь тем, что привозят из земли славян», «они не имеют ни недвижимого имущества, ни городов [или селений]», - читаем у Джейхани, Ибн Рустэ и Гардизи. Или у митрополита Фотия: «Этот скифский. . . народ далеко от нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий внутренней стражи, неукоризненный, без военного искусства. . .» (Порфирий Успенский. *Четыре беседы патриарха Фотия*. СПб., 1864, стр. 18 и след. Сходным образом характеризует древних русов продолжатель Хроники Георгия Амартола (X в.), именующий их дромитами, т. е. «бродячим народом», принадлежащим к «роду франков» (фрягов). Дромитами Называет русов также Симеон Логофет (вторая половина X в.): «. . . Народ рус, он же дромиты, прозван по могучему богатырю Русу и избег враждебности соплеменников, которые, уступая какому-то божественному совету или предсказанию богини, заставили их выселиться» (курсив наш). Следует признать, что для славян, которые испокон веку были известны как сугубо оседлый земледельческий народ, такая характеристика является несколько неожиданной. Следовательно, здесь речь идет, скорее всего, тоже о ругах).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проблема происхождения славян - извечная проблема нашей отечественной историографии. От Нестора и до наших дней делались попытки найти прародину славянских народов, ответить на вопрос, «откуда есть пошла Русская земля». Споры вокруг проблематики славянского этногенеза никогда не утихали в нашей науке, продолжают они и теперь.

Особенно энергично вопросы славянского этногенеза разрабатывались в нашей историографии накануне и в годы второй мировой войны. Тогда решающее слово, бесспорно, принадлежало археологам, которые в области этногенетики вели благородную борьбу против расистской идеологии германского фашизма. Борьба эта, несомненно, придавала их работам тех лет высокий гражданский пафос, ибо это была патриотическая борьба, решительный протест не только против антиславянского, но и против античеловеческого существа фашистских планов переустройства мира.

Правда, предложенная нашими этногенетиками схема происхождения славянства после известной дискуссии о языке, связанной с критикой ошибок Н. Я. Марра, была признана слабоаргументированной, чем и объясняется определенный спад интереса к вопросам происхождения славян, наблюдавшийся в конце 50-х и даже еще в начале 60-х годов. Важно, однако, подчеркнуть, что, когда в 60-х годах исследования в области славянского этногенеза, и притом в достаточно широких масштабах, возродились, они по-прежнему велись советскими учеными с позиций интернационализма, на основе марксистско-ленинского учения, признающего вклад в общечеловеческий прогресс как больших, так и малых народов.

Обращение к проблематике этногенеза славян, попытки решения со строго научных позиций проблемы происхождения современных славянских народов, того коренного населения Европы, которое сегодня по занимаемой им площади и по своей численности составляет самую большую часть населения Европейского континента и значительную часть Азии, не имеет и никогда в советской историографии не имело панрусистского, панславянского или какого-либо иного националистического налета.

Что касается продолжающихся и далеко еще не решенных в нашей науке споров по конкретным вопросам этногенеза славян, то они прежде всего объясняются общей неразработанностью как теории, так и методики современных исследований этногенетических процессов вообще и этногенетических процессов, происходивших в глубокой древности, в особенности. Нельзя не отметить, впрочем, что в самое последнее время в результате дискуссии, проведенной советскими этнографами в 1969-1972 гг., был сделан все же существенный шаг вперед в разработке этнических процессов современности. К сожалению, сколько-нибудь существенных попыток использовать результаты этой дискуссии для изучения процессов палеоэтногенетических сделано не было.

Между тем вопросы теории и методики исследований, всегда имеющие решающее значение, тем более важны при изучении палеоэтнических процессов, в том числе и процессов славянского этногенеза (до образования в связи с переходом к классовому обществу отдельных славянских народностей), поскольку изучение это осложняется чрезвычайной узостью источниковедческой базы.

Исследователям палеоэтногенетических процессов приходится обращаться к безгласным памятникам археологии, с одной стороны, и к не имеющим сколько-нибудь точных хронологических показателей данным языка - с другой, опираясь одновременно на крайне фрагментарные и относительно поздние свидетельства источников письменных. При этом сама методика, принципы сопоставления этих разных групп источников (не говоря уже об источниках антропологических, этнографических, фольклорных) совершенно недостаточно определены в науке, как и не вполне ясным до сих пор остается значение каждой из этих групп источников для изучения процессов этногенеза.

Речь идет здесь в первую очередь о развернувшейся и далеко еще не завершившейся в нашей исторической науке дискуссии о соотношении этноса и материальной культуры. Но это не единственный спорный теоретический и методический вопрос. Столь же спорным остается и вопрос о соотношении процессов этногенеза и глоттогенеза, т. е. процесса формирования языка.

В связи с этим делались и делаются попытки расширить круг привлекаемых источников за счет ономастики (науки об именах). Последние исследования в этой области дали даже, как кажется, довольно существенные наблюдения. Вместе с тем, однако, и в данном случае нельзя не обратить внимание на свойство этнонимов отходить от первоначально обозначаемых ими этносов, переходить на другие. Поэтому наличие в письменных источниках того или иного этнонима еще далеко не всегда гарантирует реальное присутствие первоначально обозначенной соответствующим этнонимом этнической общности.

Очень подвижными оказываются также топонимы, в связи с чем в последнее время особое значение придается исследованиям лингвистов, посвященным данным гидронимики, ибо гидронимы (названия рек и прочих водных объектов), как кажется, являются гораздо более устойчивыми, чем другие географические названия.

При таком состоянии источниковедческой базы исследований славянского (да и не только славянского) этногенеза не будет ничего странного, если мы скажем, что книга, с которой только что познакомился читатель, не претендует, да и не может претендовать на сколько-либо исчерпывающее решение всех затронутых в ней вопросов. Практически все рассмотренные в ней вопросы как были, так и продолжают оставаться спорными. В связи с этим и основной тезис автора, стремящегося возвратиться к теории паннонской прародины происхождения славян, также, естественно, должен рассматриваться лишь как, одна из рабочих гипотез, и не более.

Здесь нет нужды, пожалуй, подробно говорить о том, что большинство исследователей в настоящее время являются сторонниками гипотезы об одро-висленском или одро-днепровском ареале славянского этногенеза, либо противопоставлять гипотезе автора аргументы, фигурирующие в специальной литературе (в какой-то мере об этом говорится на страницах самой книги). Важнее обратить внимание читателя на другое, на то, что, на наш взгляд, составляет главную особенность настоящей работы, а именно на то обстоятельство, что она написана этнографом, в течение многих лет занимавшимся изучением сложных этнических процессов на Кавказе и в ряде других областей Советского Союза, и от них, в силу внутренней логики занятий, пришедшего к славистике» Впрочем, славистика для В. П. Кобычева область знания отнюдь не новая. Она интересовала его еще в студенческие годы, когда им была написана первая исследовательская работа о славянских просветителях Кирилле и Мефодии. С тех пор в течение двадцати с лишним лет автор систематически самостоятельно собирал материал по славянскому этногенезу, основательно изучив круг связанных с ним вопросов и источников.

Как указывалось выше, до сих пор главную роль в изучении славянского этногенеза играли археологи. Им принадлежали и основные схемы решения этого вопроса, появлявшиеся на страницах наших отечественных изданий. В первую очередь здесь надо упомянуть имена таких исследователей, как П. Н. Третьяков, М. И. Артамонов, В. В. Седов, Ю. В. Кухаренко, И. И. Ляпушкин. В несколько меньшей мере участвовали в разработке этой проблематики наши лингвисты, глубоко исследовавшие отдельные стороны процесса, но по основным проблемам дававшие замечания слишком общего порядка (см., например, работы С. Б. Бернштейна, Ф. П. Филина). Поэтому показателен и даже знаменателен сам факт обращения к этой теме этнографа, тем более что по существу процессы славянского этногенеза были процессами палеоэтническими, для изучения которых собственно сопоставительный этнографический материал должен иметь огромное значение.

К сожалению, нельзя не отметить, что в публикуемой работе В. П. Кобычев не использовал всего того богатства этнографического материала, которым он обладает, своего большого опыта исследователя-этнографа и пошел по традиционному пути сопоставления данных лингвистики, археологии и письменных источников. О трудностях и неясных вопросах, связанных с такого рода сопоставлениями, выше уже говорилось. Именно неразработанность их методики определяет в настоящее время слабые стороны наших этногенетических исследований.

Забегая несколько вперед, не ожидая завершения идущих в нашей науке дискуссий, позволю себе высказать здесь свое убеждение, что на смену прежним, опытом не подтвержденным сопоставлениям отдельных показаний письменных, археологических, лингвистических и других источников должно прийти сопоставление реконструкций, основанных на совокупности данных по каждой отдельной группе источников. Такое сопоставление первоначально может представлять, конечно, только имеющее несколько вариантов решение. Постепенное сужение рамок возможных вариантов решения тех или иных этногенетических проблем

потребуется большой систематической работы. Но это будет принципиально новый подход, новый источниковедческий прием обработки имеющихся материалов.

Возвращаясь к книге В. П. Кобычева, следует сказать, что для читателя, без сомнения, большой интерес представили бы этнографические параллели, которые известны этнографической науке и к которым в ряде случаев обращается, но, скорее, попутно автор. И это, пожалуй, самый главный недочет книги, объясняемый отчасти состоянием исследуемой проблематики, общей теоретической и методологической слабостью наших этногенетических исследований.

Ввиду этого с особой осторожностью следует отнестись к некоторым лингвистическим построениям В. П. Кобычева, прежде всего к тем из них, с помощью которых он стремится подтвердить свою точку зрения относительно паннонской прародины славян. Хотелось бы надеяться, что в будущем, продолжая работу над проблематикой славянского этногенеза, автор сделает большой упор на данные этнографии, тем более что, по собственному признанию, его работа в области славянского этногенеза данным изданием не завершается. Настоящая же его книга, хотя и не может (и, как говорилось, не претендует) дать окончательный ответ на волнующий всех нас вопрос о славянской прародине и происхождении славянских народов, написанная в доступной форме, насыщенная большим фактическим материалом, все же удачно вводит читателя в круг той проблематики, над которой со времен русской летописи XI в. работала наша отечественная историческая мысль.

Доктор исторических наук

В. Д. Королюк